1266

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1867—1868.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

О СУБСТИТУТѢ,

ИЛИ ПОДНАЗНАЧЕНИИ НАСЛѢДНИКА ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

Предлагаемая статья содержитъ въ себѣ разъясненіе, или, лучше сказать, изслѣдованіе одного изъ замѣчательнѣйшихъ институтовъ права въ отношеніи къ нашему законодательству. Всякому, — хотя сколько нибудь знакомому съ юридическимъ движеніемъ нашей жизни, — извѣстно, что назначеніе субститутовъ у насъ не рѣдкость; это противорѣчитъ однако установившемуся мнѣнію о недопущеніи будто бы нашимъ Сводомъ Законовъ субститутовъ или подназначенія наслѣдника. Я говорю „установившемуся мнѣнію“ — не на томъ основаніи, чтобы въ нашей литературѣ были какія-либо спеціальныя изслѣдованія по этому предмету или же существовалъ ясный для того законъ, но потому, что почти вездѣ это мнѣніе является преобладающимъ—безъ всякой къ тому причины. У насъ есть нѣсколько статей и сочиненій, въ которыхъ трактуется вообще о духовныхъ завѣщаніяхъ [1]), но ни въ одномъ изъ нихъ я не нашелъ разрѣшенія занимающаго меня вопроса. Неволинъ, который съ замѣчательною полнотою изложилъ постепенное развитіе всего нашего гражданскаго права, оставилъ этотъ вопросъ почти безъ разъясненія. И изъ всей нашей литературы я могу указать

1) О завѣщаніяхъ П. В. Полежаева, въ Архивѣ Н. В. Калачова, 1859. г., кн. 1. Нѣкоторые вопросы К. П. Побѣдоносцева. Тамъ же, 1859 г., кн. 1. Опытъ комментарія на нѣкоторыя статьи о завѣщаніяхъ. Его же, кн. 2. Н. Сбитнева: О духовныхъ завѣщаніяхъ въ Ж. М. Ю. 1861 г., кн. 5. Любавскаго: Объ упрощеніи внѣшней формы завѣщаній.

только на статью Н. В. Калачова [1]), въ которой разсматривается: что̀ такое субститутъ и можетъ ли назначеніе его служить препятствіемъ къ засвидѣтельствованію духовнаго завѣщанія? Впрочемъ въ этой статьѣ г. Калачовъ хотя и съ достаточною ясностію высказалъ свое мнѣніе по сему предмету; но по содержанію статьи не могъ съ подробностію разъяснить: признаетъ ли субститутъ наше законодательство, или же отвергаетъ его и на какомъ основаніи? Сколько ни кажется страннымъ то обстоятельство, что одинъ изъ существенныхъ вопросовъ всего гражданскаго права при неясномъ опредѣленіи своемъ въ законѣ остается неразработаннымъ и неразрѣшеннымъ въ наукѣ; но еще страннѣе то, что наилучшіе наши дѣятели въ области права раздѣляютъ воззрѣніе, по которому будто бы русское право вовсе субститутовъ не допускаетъ и такое воззрѣніе, бывъ высказано въ наиболѣе популярной книгѣ, нашло подтвержденіе въ таковомъ же журналѣ. Я указываю на Мейера и на Ж. М. Ю. Мейеръ говоритъ: „Но если имущество завѣщается лицу не во временное пользованіе, а въ собственность, то дальнѣйшая судьба его уже не зависитъ отъ завѣщателя, такъ что онъ не можетъ опредѣлить, кому должно достаться его наслѣдство по смерти его наслѣдника. И этимъ существенно разнится наше право отъ римскаго и нѣкоторыхъ другихъ, допускающихъ такъ называемую *субституцію*, т.-е. назначеніе васлѣдника тому лицу, которому завѣщается имущество“ [2]). А въ журналѣ Министерства Юстиціи [3]) приведены примѣры судебной практики въ доказательство того, что недѣйствительны помѣщаемыя въ духовныхъ завѣщаніяхъ распоряженія о порядкѣ наслѣдованія въ завѣщаемомъ имѣніи послѣ смерти лица назначеннаго наслѣдникомъ (субститутъ.)

Эту странность я объясняю только тѣмъ, что до сихъ поръ случай не давалъ никому повода прослѣдить истори-

1) Юрид. Вѣстн. вып. 41-й.
2) Русск. Гражд. Право. Стр. 750, изд. 3-е.
3) 1861 г. № 11.

чески движеніе нашего законодательства и за тѣмъ, примѣнивъ начало права, опредѣлить силу и значеніе примѣчанія къ 1011-й ст. 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд. Я постараюсь поэтому, на сколько будетъ возможно, разъяснить такой пробѣлъ науки и практики. Для этого прежде всего мнѣ кажется необходимымъ въ общихъ чертахъ представить ходъ нашего законодательства въ отношеніи постепеннаго ограниченія воли завѣщателя касательно назначенія наслѣдника. Отсюда мы увидимъ, какихъ сторонъ касается законъ и въ чемъ содержатся установляемыя стѣсненія. Причемъ замѣчу, что ограничиваясь только указаніемъ стѣсненія закономъ воли отдѣльнаго лица вообще, независимо его общественнаго состоянія, я не стану касаться вовсе ограниченій, полагаемыхъ напр. для духовенства, монашества и пр.

Первоначально и у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, воля лица въ отношеніи распоряженія на случай смерти принадлежащимъ ему имѣніемъ была неограниченна [1]). Законъ, сознавая вполнѣ всю важность завѣщательнаго акта и исходя изъ того кореннаго начала, по которому всякое имущество считалось полною и неограниченною собственностію, не налагалъ никакого стѣсненія на волю завѣщателя: онъ во всемъ полагался на этотъ актъ и только на случай отсутствія его, и то лишь въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, опредѣлялъ самъ отъ себя преемственность воспріятія наслѣдственныхъ правъ. Такъ было у всѣхъ народовъ; такъ было и у насъ.

Не полагалось различія и относительно формы, въ которой должна была выражаться воля завѣщателя: „Аще ль сотворитъ обряженія, таковыи да возьметъ уряженное его; кому будетъ писалъ наслѣдити имѣніе его, — да наслѣдитъ е.“ „Аще ль кто умирая раздѣлитъ домъ — на томъ стояти; аще ли безъ ряду умретъ,—тъ все дѣтямъ. (Догов. Олега и Игоря и Русск. Правда)“. „А который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ

1) Неволина, Ист. Рос. Гражд. Зак. т. 3, стр. 289.

весь и землю взяти дочери. (Судебникъ 2-й)" [1]). Тоже подтверждается Псковскою Судною грамотою [2]) и вообще всѣми законодательными памятниками стараго времени. Я не считаю нужнымъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ и вскользь упоминаю объ этомъ уже и потому, что и въ наукѣ принято, да и безъ того общеизвѣстно, что наслѣдство по закону слѣдовало за наслѣдствомъ по завѣщанію, ибо естественно, что первоначально законъ долженъ былъ образоваться изъ обычая, а начало обычая—наслѣдовать такъ или иначе, могло образоваться исключительно изъ завѣщаній постоянно совершаемыхъ подъ вліяніемъ одинаковаго воззрѣнія на право наслѣдованія [3]). А отсюда становится яснымъ, что въ исторіи законодательства, когда оно образуется не путемъ заимствованій, но самостоятельнымъ развитіемъ внутренней жизни народа — завѣщанія, какъ проявленіе воли умирающаго о наслѣдованіи его имуществомъ, не подлежали сначала никакимъ ограниченіямъ, и только въ дальнѣйшемъ движеніи жизни, когда путемъ ея открывались такія стороны, на которыя желалъ воздѣйствовать законодатель, посмертныя распоряженія подвергались нѣкоторымъ стѣсненіямъ.

Съ древнѣйшаго времени у насъ,—и первоначально вслѣдствіе того, что дѣла о наслѣдствѣ подлежали духовной власти — было иногда поставляемо въ обязанность родителямъ не лишать совершенно дѣтей своихъ наслѣдства. Очевидно, что такая обязанность въ своемъ основаніи имѣла римскіе законы, вліяніе которыхъ на наше законодательство несомнѣнно. А вліяніе духовнаго начала на наше завѣщательное право рѣзко бросается въ глаза. Самое названіе: „духовная", „духовное завѣщаніе", и обыкновенная форма составленія ихъ („во Имя Отца и Сына и Святаго Духа или „Святыя и Единыя Троицы"), сохранившаяся и до нашего

1) Эверса Др. Рус. право, стр. 187, 345 и слѣд.; Рейца Ист. Рос. Госуд. и Гр. Зак., стр. 68, 304 и слѣд.

2) Изслѣд. Псков. Суд. Грамоты г. Устрялова, стр. 66.

3) И. Д. Бѣляева: Наслѣдство безъ завѣщанія, стр. 7.

времени — сами по себѣ суть явленія, объясняемыя только подчиненіемъ своимъ духовной власти. И само собою разумѣется, что это подчиненіе въ старину было сильнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. Наши старыя духовныя нерѣдко писались въ слѣдующемъ видѣ: „Дай, Господи, сыну моему Андрею благословеніе Авраамово, и Исааково, и Іаково, и Іева Праведнаго; посли, Господи, на сына моего благодать Святаго Духа Твоего. Сподоби, Господи, въ царскихъ свѣтлостяхъ водворитися и царскому лицу предстоять и отъ царя быть въ великой милости“,—что̀ и объясняетъ сильнѣйшее вліяніе духовнаго начала. А изъ того вліянія, которое оказывало духовенство съ своимъ греко-римскимъ правомъ, я прихожу къ заключенію, что субституты по началамъ нашего древняго права допускались. Неволинъ утверждаетъ также, „что на тотъ случай, если бы первоначально назначенный наслѣдникъ почему-либо не наслѣдовалъ въ имѣніи, могли быть въ завѣщаніи назначены въ наслѣдники другія лица“ [1]). Въ подтвержденіе свое онъ приводитъ находящійся въ А. Ю. № 409 примѣръ назначенія наслѣдника.

Вѣрность способа доказательства, предложеннаго Неволинымъ, несомнѣнна. Дѣйствительно, то, что составляетъ произведеніе народной жизни, не можетъ пройти безслѣдно; законъ, подтверждающій начало, выработанное жизнію, долженъ часто въ практикѣ находить себѣ подтвержденіе и выраженіе. Я приведу примѣръ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. До недавняго времени Англія не знала никакого ограниченія воли завѣщателя и правомъ назначенія субститутовъ пользуется Англичанинъ въ такой мѣрѣ, что если бы случилось изслѣдователю возстановлять истину по сохранившимся завѣщаніямъ,— онъ по числу завѣщаній съ субститутами не колеблясь призналъ бы, что такое жизненное, обыденное явленіе не могло не быть признаваемо закономъ. И, какъ мы знаемъ, этотъ изслѣдователь не ошибся бы. Законъ не можетъ запретить явленія, вырабатываемаго жизнію; онъ не можетъ признать незаконнымъ для Англіи субсти-

1) Нев. ibid. стр. 288.

тутъ, потому что это учрежденіе, если можно такъ выразиться, подпора ея конституціи въ такой мѣрѣ, что — по замѣчанію глубокаго мыслителя — „съ того времени какъ въ Англіи общественное мнѣніе станетъ противъ субститутовъ, — страна эта путемъ революцій падетъ въ бездну деспотизма“ [1]). „И до тѣхъ поръ пока не измѣнится народное воззрѣніе, законъ будетъ безсиленъ. Въ субститутѣ Англичанинъ видитъ возможность упроченія за своею семьею права пользованія тѣмъ, что онъ создалъ своимъ трудомъ, промышленностію, талантомъ. Онъ дѣлаетъ, въ силу закона, только одно подназначеніе, но онъ убѣжденъ, что желаніе его исполнитъ и мысль упрочитъ наслѣдникъ его. И мы дѣйствительно видимъ, что назначеніе новыхъ субституцій въ завѣщаніяхъ Англичанъ встрѣчается постоянно“ [2]).

То же народное воззрѣніе на субституты выражаетъ и законодательство большей части Американскихъ Штатовъ: и тамъ, по замѣчанію Токвиля, субституты общее явленіе. И такъ, если не ошибочно утверждать, что при историческомъ ходѣ законодательства законъ служитъ указаніемъ народнаго воззрѣнія, подтвержденіемъ явленія, часто встрѣчающагося на практикѣ, то не менѣе правильно будетъ и обратное заключеніе, т. е. что часто встрѣчающееся на практикѣ, выработываемое общественною жизнію явленіе — не можетъ быть запрещаемо закономъ.

Что же мы видимъ у себя, на Руси, относительно субститутовъ? Встрѣчаются ли они у насъ?

Отвѣтъ вы найдете за прошлое время въ актахъ юридическихъ, за настоящее — въ жизни. Приведемъ примѣръ: въ актахъ юридическихъ [3]) мы находимъ духовную 5 марта 1459 г. Осипа Акинфова, въ которой онъ завѣщаетъ своей дочери Варварѣ людей своихъ: „а оумретъ дочи моя мала — люди великаго Князя“ (А по ней Князю). Въ духовной 1

1) Montalembert: De l'avenir politique de l'Angleterre. 1856 г. стр. 114.

2) Ibid. стр. 103.

3) изд. Археогр. Комм. подъ редакціею Н. В. Калачова, т. 1, 1857 г. стр. 547 и слѣд.

мая 1697 г. Ильи Нестерова мы встрѣчаемъ то же самое. „А досталые деньги девять сотъ рублевъ, взявъ у братей моихъ и пожитки всѣ, что есть и написаны въ тетратехъ за моею рукою—послѣ себя приказываю ей невѣсткѣ своей вдовѣ Аннѣ Ефремовѣ съ дочерью еѣ, а со внукою своею, дѣвицею Прасковьею Андреевою дочерью и никому до тѣхъ моихъ пожитковъ дѣла нѣтъ и не вступатца; буди волею Божіею внуки моей дѣвицы Прасковьи не станетъ—и изъ тѣхъ пожитковъ оставить ей невѣсткѣ моей вдовѣ Аннѣ тѣхъ всѣхъ моихъ пожитковъ половину, да приданое еѣ, а другую половину, что будетъ, взявъ у невѣстки моей вдовы Анны душеприкащикомъ моимъ и раздать въ поминовеніе души моей по монастырямъ и по церквамъ и на окупъ плѣннымъ и учинить по разсмотрѣнію своему. А буде волею Божіею и невѣстки моей вдовы Анны не станетъ же, и послѣ еѣ невѣстки моей Анны тѣ мои пожитки всѣ и Московскаго моего двора.... взять братіямъ моимъ и раздѣлить между собою по жеребьямъ въ правду и приданое невѣстки моей все отдать отцу еѣ Ефрему Бокову и ничѣмъ не удержать.“ Въ духовной 2 іюля 1691 года крестьянинъ Прокофій Бородкинъ говоритъ: „по сей изустной памяти и по письмянымъ крѣпостямъ, по купчимъ и по закладнымъ впредь сыну моему Ѳедору вѣчно владѣть послѣ моего живота и съ матерью его Мариною..... и буде сынъ мой Ѳедоръ судомъ Божіимъ помретъ, ино деревнями и пожнями владѣть дядямъ и братьямъ“.

И такъ изъ девяти завѣщаній, помѣщенныхъ въ актахъ, три оказываются съ субститутами, что составляетъ громадную пропорцію. Очевидно, что при незначительности собранныхъ юридическихъ актовъ и по приведенному отношенію мы въ правѣ составить понятіе, что желаніе упрочить субституціями въ своемъ родѣ семейное состояніе было въ нашемъ старомъ быту потребностію и что такое желаніе повторялось въ весьма многихъ случаяхъ.

Изъ того же обстоятельства, что эти духовныя, сохранясь, дошли до нашего времени въ подлинникахъ, должно заключить, что этими духовными пользовались и дорожили, какъ

основаніемъ правъ. Такимъ образомъ въ виду этого факта и приведенныхъ выше соображеній, мнѣ кажется не будетъ произвольнымъ утверждать, что не только простыя подназначенія наслѣдниковъ, какъ замѣчаетъ и Неволинъ, но даже фидеикомиссы повторялись у насъ на практикѣ, бывъ признаваемы закономъ. Справедливость этого подтверждается еще и отсутствіемъ запрещающаго закона.

По Уложенію царя Алексѣя Михайловича форма завѣщаній осталась та же самая, какая соблюдалась у насъ въ первыя времена христіанства, т.-е. Византійская. Она осталась безъ дальнѣйшаго опредѣленія. И въ самомъ Уложеніи весьма ощутителенъ недостатокъ законныхъ правилъ, коими должно руководствоваться въ истолкованіи воли завѣщателя. Въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ гораздо болѣе раскрытъ порядокъ законнаго наслѣдованія [1]), чѣмъ порядокъ наслѣдованія по завѣщанію. Съ Петра Великаго положено начало новаго законодательства. Онъ изъялъ дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ изъ вѣдѣнія духовенства, и предоставилъ все наслѣдственное право вѣдѣнію свѣтскихъ властей. Но впрочемъ коренное начало нашего законодательства — свобода завѣщателя — на столько строго проводится во всей исторіи нашей, что даже Петръ Великій, при всемъ своемъ стремленіи къ измѣненіямъ стараго, весьма мало измѣнилъ древнее русское законодательство въ разсматриваемомъ нами отношеніи. Указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г. [2]) стѣснялъ волю завѣщателей лишь въ отношеніи права завѣщанія имѣній лицамъ постороннимъ, каковое право предоставлялось только бездѣтному владѣльцу и то единственно въ отношеніи къ недвижимому имуществу. Но съ отмѣною закона о единонаслѣдіи и съ возстановленіемъ прежняго порядка, право владѣльцевъ распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ духовныхъ завѣщаній должно было получить объемъ, какой оно могло имѣть на основаніи Уложенія и новоуказныхъ статей, изданныхъ въ

1) Морошкина: Рѣчь объ Уложеніи стр. 52.
2) П. С. З. № 2789.

его пополненіе [1]). А какъ мы замѣтили выше, Уложеніе ни въ чемъ не измѣнило древняго права, предоставлявшаго полную свободу распоряжаться имуществомъ. Эта свобода распоряженія весьма торжественно указана Екатериною II-ою въ ея жалованныхъ грамотахъ дворянству и городамъ, гдѣ подтверждалось право лицъ свободно распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями [2]), а Александръ I-й въ 1804 г. на основаніи грамоты жалованной дворянству изъяснилъ, что владѣлецъ благопріобрѣтенныхъ имѣній можетъ отдавать, дарить и завѣщать ихъ на такихъ условіяхъ, какія за благо признаетъ [3]).

И по нынѣ дѣйствующему положенію 1 октября 1831 года всѣ имущества благопріобрѣтенныя, движимыя и недвижимыя, могутъ быть завѣщаемы неограниченно.

На основаніи этого положенія и Сводъ Зак. Гражд. изд. 1832 г. (ст. 662), признавая вполнѣ право завѣщателя, выражаетъ ограниченіе въ отношеніи легацій (отказовъ) слѣдующими словами: „завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ денежными выдачами только въ томъ случаѣ, когда дѣлаетъ распоряженіе о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи, когда же онъ оставляетъ имѣніе родовое, то наслѣдники его въ правѣ отозваться отъ исполненія сдѣланныхъ имъ по тому имѣнію распоряженій [4]).

Затѣмъ 18 ноября 1839 года состоялся Высочайшій указъ, объясняющій взглядъ законодателя по вопросу легацій и распространяющій прежній законъ: „владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ свободно и неограниченно, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника на время жизни его къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы напр. денежныя выдачи“ и т. п.

---

1) Неволина т. 5-й стр. 299.

2) Ограниченіе власти завѣщателя въ отношеніи родовыхъ имѣній не входитъ въ предѣлы настоящей статьи.

3) 1804 г. 29 марта. П. С. З. № 21301.

4) По изд. Свода 1842 г. ст. 905, а по изд. 1857 г. ст. 1086.

Мотивомъ этого приведено то обстоятельство, „что по смерти лица, которому было завѣщано имѣніе, оное, обращаясь въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ.“ — Таковъ ходъ нашего законодательства.

По сложившемуся убѣжденію, послѣдній нами указанный законъ запрещаетъ собою субституціи. Поэтому намъ необходимо подробно разсмотрѣть указъ 18-го ноября 1839 года, опредѣлить всѣ послѣдствія, изъ него вытекающія, тѣмъ болѣе, что самый законъ этотъ уже по своей одной неопредѣлительности, по своему изложенію въ видѣ примѣчанія, требуетъ изслѣдованія, чтобы, руководствуясь имъ, разрѣшать возникающія сомнѣнія, а также юридическіе случаи ему подобные и аналогичные, безъ сего же анализа мы не будемъ имѣть возможности ни вѣрно имъ руководствоваться, ни правильно его оцѣнить,—мы или распространимъ, или съузимъ его примѣненіе.

Выше мы указали, на сколько это признавали нужнымъ, что какъ въ древній періодъ нашего законодательства, такъ и въ послѣдующее время всякій могъ по своему произволу располагать своимъ движимымъ и недвижимымъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, да и нынѣ каждый собственникъ можетъ назначать отказы, и что воля завѣщателя ограничивается только и единственно смертью наслѣдника, именно лишь смертію послѣдняго дѣйствіе воли завѣщателя прекращается. Въ дополненіе къ этому укажемъ еще на законъ 15-го апрѣля 1842 г. [1]), которымъ изъяснено, что завѣщатель можетъ завѣщать имущество или въ полную собственность или же только во временное владѣніе и пользованіе [2]).

Всѣ вышеозначенные законы выражены въ ст. 1086 и 1011 и примѣч. къ ней 1 ч. X т. Св. Зак. изд. 1857 г. Въ этихъ статьяхъ заключаются всѣ постановленія нашего законода-

1) П. С. З. № 15,528.
2) Св. Зак. Гражд. ч. 1 ст. 1011.

тельства въ отношеніи легатовъ, фидеикомиссовъ и субститутовъ.

Для точнаго опредѣленія трехъ названныхъ мною институтовъ права, я считаю нужнымъ обратиться къ праву римскому и указать что̀ въ немъ подъ этими названіями разумѣлось. Только по точномъ опредѣленіи свойства этихъ трехъ видовъ наслѣдованія мы будемъ въ правѣ критически отнестись и къ нашимъ законамъ. Я начну съ субститутовъ по римскому праву [1]).

По римскому праву назначеніе наслѣдника (institutus) въ завѣщаніи было существеннымъ условіемъ; но такъ какъ предполагаемый наслѣдникъ могъ или умереть прежде завѣщателя, или не принять наслѣдства, то римская жизнь создала форму субституцій — указанія новаго наслѣдника, если institutus не вступилъ въ наслѣдство. Обыкновенно опредѣляютъ субститутъ какъ условное назначеніе наслѣдника на случай неосуществленія перваго назначенія. Модестинъ даетъ слѣдующій примѣръ субститутовъ: Lucius Titius heres esto; si mihi Lucius Titius heres non erit, tunc Sejus heres mihi esto.

Но при этомъ воля завѣщателя была неограниченна и онъ былъ въ правѣ назначить трехъ, четырехъ, по своему усмотрѣнію, субститутовъ (potest autem quis in testamento suo plures gradus heredum facere). Въ этомъ состоитъ римская субституція vulgaris. Но есть еще другой родъ субституцій дѣтскихъ (pupillaris и quasi pupillaris), т.-е. назначеніе субститутовъ дѣтямъ на тотъ случай, когда бы они умерли въ малолѣтствѣ. Это исключительное правило римскаго права объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Римляне, во 1-хъ, предпочитали наслѣдство по завѣщанію наслѣдству по закону, и во 2-хъ, уважая завѣщательныя распоряженія въ жизни своей, выработали правило, по которому paterfa-

---

1) См. Fresquet Traité de droit Romain. T. I. стр. 351, 359. Макельдея Римское Гр. Пр., пер. Рождественскаго, 1850 г. Т. 2-й стр. 455 — 462. Марецолля Учеб. Р. Гр. Пр. 1867, стр. 607. Маккензи Римск. Пр. стр. 278. Bonnol, Liberté de tester, 1866, p. 37—53.

milias присвоилъ себѣ власть какъ бы дѣлать распоряженія за лицо малолѣтнаго, не имѣвшаго права на составленіе завѣщанія. Дѣйствіе субституціи состояло въ томъ, что подназначенный вступалъ въ права института, если таковой умиралъ, не осуществивъ завѣщанія. Такимъ образомъ завѣщаніе считалось исполнившимся когда или прямой наслѣдникъ или же субститутъ дѣлался дѣйствительнымъ наслѣдникомъ.

И такъ существенный моментъ субституціи — чтобы наслѣдникъ не осуществилъ завѣщанія, не воспользовался правами, ему въономъ предоставляемыми.

Но не въ одномъ этомъ состояла potestas римскаго гражданина,—онъ не только имѣлъ полное право назначать по себѣ наслѣдника посредствомъ субституціи, но и могъ наслѣдника своего обременить отказами, за исключеніемъ, разумѣется, quartae Falcidiae (четвертой части). Сущность легатовъ [1]) состоитъ въ желаніи завѣщателя сдѣлать даръ постороннему лицу помимо прямыхъ своихъ наслѣдниковъ. Legatum, по выраженію Модестина, est donatio testamento relicta. Legatum est donatio quaedam a defuncto relicta, ab herede praestanda. Отказъ могъ быть какъ отдѣльной вещи, опредѣленной суммы (pars quota), такъ и совокупности вещей (universitas rerum). Отказы могли быть условные и безусловные и въ послѣднемъ случаѣ легатарій пріобрѣталъ право на отказанную вещь тотчасъ по кончинѣ завѣщателя.

Требованіе выдачи отказа могло быть только въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ вступилъ въ наслѣдство, воспользовался имъ. Въ отказахъ условныхъ пріобрѣтеніе вещи зависѣло отъ наступленія условія. Непринятіе отказа служило основаніемъ къ оставленію его въ пользу наслѣдника. Отказъ уничтожался между прочимъ смертію легатарія прежде завѣщателя. И такъ сущность отказа состоитъ въ принужденіи воли наслѣдника къ передачѣ части наслѣдства посто-

---

1) См. цитированныя выше сочиненія: Fresquet T. I стр. 437—477, Макельдея, т. 2-й, 494—507, Марецолля, 440, 441 и 444 и Маккензи, 294—299.

роннему лицу,— и для этого требуется, чтобы наслѣдникъ вступилъ въ наслѣдство.

Теперь я обращаюсь къ третьему виду ограниченія правъ наслѣдника — къ фидеикоммиссамъ, сходнымъ отчасти съ субституціями, а еще болѣе съ легатами. Fideicommissum есть распоряженіе mortis causa, по которому завѣщатель оставлялъ что-либо другому съ обязательствомъ передать послѣ смерти своей третьему; это обязательство было скорѣе довѣріе, чѣмъ требованіе строгаго права [1]).

Фидеикоммиссъ могъ быть или общій, распространявшійся на все имѣніе (fideicommissaria hereditas, fideicommissum universale), или же касаться только отдѣльной части наслѣдства или даже отдѣльнаго предмета, относясь въ первомъ случаѣ къ прямому наслѣднику, а во второмъ ко всякому имѣвшему долю въ наслѣдствѣ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ фидеикоммиссъ (universale) въ сущности не отличался отъ субституціи и г. Калачовъ [2]) имѣлъ основаніе наименовать его субституціею, называвшеюся фидеикоммиссомъ,—а во второмъ прямо относился къ легатамъ. Это сходство съ субститутомъ универсальнаго фидеикомисса состоитъ въ томъ, что другой наслѣдникъ совершенно или только отчасти заступалъ мѣсто перваго, но фидеикоммиссарій, въ отличіе отъ субститута, занималъ мѣсто прямаго наслѣдника только тогда, когда прямой наслѣдникъ осуществилъ завѣщаніе, принялъ наслѣдство, между тѣмъ какъ субститутъ занималъ мѣсто прямаго наслѣдника только тогда, когда онъ умеръ или отъ наслѣдства отказался [3]). Напр. А завѣщаетъ имѣніе В, а въ случаѣ его смерти или неполученія имъ наслѣдства имѣніе свое предоставляетъ С. Если В умретъ ранѣе А, то С получитъ имѣніе А на правѣ субститута; если же В переживетъ А и имѣніе его получитъ, то послѣ смерти В слѣдующій за нимъ С получитъ имѣніе на правѣ фидеикоммисса.

И такъ, въ отличіе отъ существеннаго момента субститу-

---

1) Fresquet, I, 427, 437, 477—479. Макельдей, 508—518. Маккензи, 289—292.
2) Юридич. Вѣстн. № 11-й 1863 г. стр. 76.
3) Макельдей, стр. 511. Маккензи, стр. 290.

ціи, чтобы прямой наслѣдникъ не осуществилъ завѣщанія, не воспользовался правами, ему въономъ предоставляемыми, въ фидеикоммиссахъ требуется, чтобы прямой наслѣдникъ осуществилъ и воспользовался правами завѣщателемъ предоставленными. Эта разница такъ существенна, что римское право (Senatusconsultum Pegasianum) прямо опредѣляетъ въ этомъ случаѣ обязанность наслѣдника принять наслѣдство, предоставляя ему за это четвертую часть ex lege Falcidia.

Слѣдовательно, можно сказать, что фидеикоммиссъ есть тотъ же субститутъ, но только наслѣднику, воспользовавшемуся наслѣдствомъ.

Что же касается того, что фидеикоммиссъ имѣетъ сходство и съ легатомъ, то это видно всякому, съ перваго взгляда. Дѣйствительно, легатъ есть тотъ же фидеикоммиссъ singulae rei съ тѣмъ различіемъ, что первый имѣлъ въ своемъ основаніи strictum jus, а второй bona fides, откуда и заимствовалъ свое названіе (fidei committere). Самый фидеикоммиссъ введенъ свободными римлянами во избѣжаніе строгихъ правилъ закона для передачи наслѣдства или же долей его всякому лицу по своему усмотрѣнію. Этотъ обходъ закона былъ признанъ только со временъ Августа, а Юстиніанъ сравнялъ фидеикоммиссы съ легатами. (Omnia legata fideicommissis exaequare ut nulla sit inter ea differentia). Такое сліяніе не могло бы имѣть мѣста при различной природѣ того и другаго института.

Приведенныхъ выдержекъ изъ ученія римскаго права я считаю совершенно достаточнымъ, чтобы приступить къ оцѣнкѣ нашего закона. Для бо́льшей ясности я еще разъ повторю уже высказанное въ видѣ общихъ началъ:

Субститутъ есть назначеніе наслѣдника лицу, невоспользовавшемуся наслѣдствомъ.

Фидеикоммиссъ—одно изъ двухъ,—или *легатъ*, или назначеніе наслѣдника (субститута) лицу, воспользовавшемуся наслѣдствомъ.

Принимая въ основу эти начала, я приступаю къ нашему законодательству (1 ч. X т. по изд. 1857 года). Въ немъ

читаемъ: „(1086 ст.) Завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ, *впрочемъ лишь на время жизни ихъ*, денежными выдачами, когда дѣлаетъ распоряженіе о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи.“ Въ переводѣ на языкъ науки это значитъ: завѣщатель можетъ отягощать оставляемое имъ наслѣдство *легатами*. Но легатомъ или отказомъ могутъ быть не одни только деньги. Что же означаетъ выраженіе закона: денежными выдачами? Обратимся къ источникамъ: ст. 1086 основана почти вся цѣликомъ на Высочайшемъ указѣ 18-го ноября 1839 г. А здѣсь сказано, что завѣщатель имѣетъ право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на время жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы напр. денежныя выдачи и т. п. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ денежныя выдачи, такъ и вообще всякіе отказы этимъ закономъ допускаются.

Изъ римскаго права мы указали, что легатъ можетъ состоять и въ томъ, чтобы возложить на наслѣдниковъ обязанность — все имущество по своей смерти передать другому лицу.

Допускаетъ ли нашъ законъ такого рода легатъ или фидеикоммиссъ?

Изъ вышеприведенной статьи видно, что завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ *лишь на время жизни ихъ*. Обращаясь къ источникамъ этой статьи, какъ указано выше, мы находимъ, что въ указѣ 18-го ноября 1839 г. есть даже и объясненіе, почему завѣщатель можетъ обязывать наслѣдниковъ лишь на время ихъ жизни; здѣсь сказано: „можетъ обязать (какъ мы выше привели) — отказами — только на время жизни наслѣдника, но по смерти сего лица, когда завѣщаемое ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ.“

Поэтому слова статьи 1086-й и ея разъясненіе на основаніи указа 18-го ноября 1839 года приводятъ къ заключенію, что наше законодательство не допускаетъ установ-

ленія общаго фидеикоммисса и не допускаетъ его потому, что въ исходной точкѣ, въ пунктѣ отправленія, оно расходится съ правомъ римскимъ.

Въ римскомъ правѣ прямой наслѣдникъ разсматривался только какъ наслѣдникъ, какъ хозяинъ наслѣдства, но не въ правѣ былъ отчуждать его или вещей, составляющихъ предметъ препоручительнаго наслѣдства, за весьма малыми исключеніями [1]); законодательство же наше беретъ въ основу то понятіе, что наслѣдникъ есть собственникъ имѣнія его, не quasi наслѣдникъ, но въ прямомъ его смыслѣ. Нашъ законъ не допускаетъ тонкостей римскаго права и признаетъ только завѣщаніе въ собственность — и въ такомъ случаѣ въ лицѣ наслѣдника сосредоточиваетъ и право распоряженія—или же во временное владѣніе и пользованіе, и въ этомъ случаѣ естественно лишаетъ его права распоряженія, поставляя его въ положеніе одинаковое съ правомъ римскаго фидуціаріуса (1011 ст.). Поэтому 1086-ю ст. можно изложить такъ: завѣщателю дозволяется отягощать оставленное имъ наслѣдство легатами или спеціальными фидеикоммиссами, но онъ не въ правѣ назначать фидеикоммисса общаго.

Выводъ этотъ я представилъ на основаніи 1086 ст. и указа 19-го ноября 1839 года, изъ котораго она почерпнута, или, вѣрнѣе, указа, который послѣдовалъ въ ея разъясненіе. Этотъ указъ, состоявшійся, какъ извѣстно, по дѣлу бригадирши Лопухиной, помѣщенъ въ Сводѣ Законовъ Гражд. какъ примѣчаніе къ ст. 1011-й. Между тѣмъ онъ разъясняетъ, какъ мы видѣли, 1086 ст. и слѣд., казалось бы, что этому примѣчанію надлежало быть возлѣ 1086 ст. И это совершенно справедливо. 1086 ст. Св. Зак. Гражд. 3-го изд. соотвѣтствуетъ 905 ст. Св. Зак. 2-го изд. и 662-й 1-го изд., въ которой сказано, что завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ денежными выдачами. Въ 1839 году, въ разъясненіе этой статьи, послѣдовалъ указъ по дѣлу Лопухиной, который и былъ внесенъ въ 6-е продолж. къ 1-му изд.

---

1) Макельдей, стр. 516 и 517.

Св. Зак., откуда онъ помѣщенъ въ Сводѣ 2-го изд. (1842 г.), однако не въ примѣчаніи къ 905 ст., какъ бы слѣдовало, но въ примѣчаніи къ 1011 ст., а отсюда безъ измѣненія статья эта перепечатана и въ изданіи 1857 года.

Указаніе мое можетъ провѣрить всякій, кому это покажется нужнымъ. Впрочемъ это видно и изъ самаго Свода: въ цитатѣ къ 1086-й ст. указъ 18-го ноября 1839 года значится какъ источникъ, тогда какъ, по указанію цитаты же, ст. 1011-я основана на законѣ 15-го апрѣля 1842 г. (№ 15528).

Впрочемъ эта незначительная неточность редакціи, на которую однако же я счелъ своимъ долгомъ указать, ослабляется тѣмъ: 1) что въ самомъ этомъ примѣчаніи есть ссылка на 1086 ст., и даже эта статья вполнѣ перепечатана; 2) ссылкою этой статьи на указъ 18-го ноября 1839 года, и наконецъ 3) указаніемъ въ самомъ же Сводѣ [1]), что ст. 1086, 1029 и примѣч. къ 1011 съ самою статьею основаны на указѣ 18-го ноября. Послѣднее однако не согласно съ другою цитатою Свода, гдѣ указано, какъ я выше замѣтилъ, на законъ 1842 г. 15-го апрѣля. Все это вполнѣ подтверждаетъ и Неволинъ, говоря: всѣ имущества благопріобрѣтенныя, движимыя и недвижимыя, на основаніи Положенія 1831 г. октября 1-го, могутъ быть завѣщаемы неограниченно съ поименованными только въ этомъ самомъ Положеніи изъятіями. По отношенію къ этому общему правилу въ 1842 г. было изъяснено, что завѣщать имущество благопріобрѣтенное можно или въ полную собственность или же во временное владѣніе и пользованіе [1]). И въ подтвержденіе этого Неволинъ ссылается на законъ 15-го апрѣля 1842 г.

И такъ, послѣ всего сказаннаго, становится ясно, что примѣчаніе къ 1011 ст. относится къ 1086 ст. 1 ч. X т. и служитъ объясненіемъ мотивовъ, по которымъ законодатель нашъ не признаетъ за завѣщателемъ права установлять об-

1) Хронологич. Указат. стр. 42.
2) Неволинъ Ист. Гражд. Зак. Т. 5 П. С. С. стр. 319.

ширнѣйшаго изъ видовъ легата, допускаемаго римскимъ правомъ, гдѣ онъ назывался legatum universitatis rerum или fideicommissum universale.

Что такимъ образомъ въ этомъ законѣ не говорится о субститутахъ — это уже видно и изъ того, что въ немъ содержится объясненіе и разъясненіе смысла предшествующей статьи, дающей опредѣленіе о легатѣ. И такъ какъ легатъ не имѣетъ ничего общаго съ субституціею, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что и законъ, объясняющій легатъ, не можетъ содержать постановленій въ отношеніи субститутовъ. Впрочемъ дѣйствительно этотъ законъ касается субститута на столько, на сколько онъ сходенъ съ фидеикоммиссомъ. Мы указали выше, что фидеикоммиссъ можетъ быть признаваемъ субститутомъ наслѣднику, воспользовавшемуся наслѣдствомъ. А поэтому и разсматриваемый нами законъ запрещаетъ только этотъ видъ фидеикоммиссной субституціи, а не субституціи vulgaris. Законъ нашъ, конечно, не признаетъ и субституціи pupillaris, — ибо и въ этомъ отношеніи римское право исходило отъ начала несходнаго съ воззрѣніемъ нашего законодательства. У насъ не допускается фикцій, юридическихъ предположеній и если имѣніе завѣщано, если наслѣдникъ, хотя бы и малолѣтный имѣніемъ воспользовался, оно фактомъ его принятія поступаетъ въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, не подлежа болѣе произволу перваго вотчинника. Но нѣтъ у насъ закона, да и не можетъ быть его, по которому не признавался бы субститутъ, какъ подназначеніе наслѣдника лицу, которое наслѣдствомъ не могло или не хотѣло воспользоваться. Къ этому заключенію мы пришли путемъ историческаго объясненія истиннаго смысла закона, духа его,—мы раскрыли значеніе 1068 ст. и—главное—примѣчанія, слѣдующаго къ ней, но подлѣ нея непомѣщеннаго; къ тому же заключенію мы придемъ и совершенно другимъ путемъ. Мысль законодателя въ указѣ 18-го ноября 1839 года ясна: на законъ нашъ вліяла система права чуждаго, которое предполагали примѣнить къ нашему законодательству.

Въ 1839 году память о графѣ Сперанскомъ была еще

свѣжа, мнѣнія, имъ приводимыя, въ большинствѣ случаевъ, почитались правильными. Самъ же Сперанскій, какъ всякому извѣстно, былъ поклонникъ системы заимствованій въ области права, полагая возможнымъ перенесеніе одного закона въ жизнь народа совершенно ему чуждаго.

Примѣчаніе. Въ первый періодъ, до 1812 года, своей законодательной дѣятельности, Сперанскій, напитанный наполеоновскими идеями, не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію [1]). Вслѣдствіе чего и приступилъ прямо къ сочиненію новаго уложенія, относительно котораго Карамзинъ писалъ: „Издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта уложенія. Что жь находимъ? переводъ наполеоновскаго кодекса.“ И хотя затѣмъ во второй періодъ своей законодательной дѣятельности Сперанскій и отказался отъ такого рабскаго перенесенія къ намъ законовъ французскихъ и плодомъ своей дѣятельности явилъ полное собраніе законовъ и свода ихъ, но не придавая своду самостоятельнаго значенія, смотря на него только какъ на подготовительную работу, онъ для будущаго развитія законодательства и его совершенствованія избралъ, по совѣщанію съ Дашковымъ, путь, независимый отъ дѣлъ текущихъ, систематическій: обозрѣнія главныхъ предметовъ, разсмотрѣнія и разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, кои прежде были начаты, но не окончены [2]). Затѣмъ онъ отдавалъ явное предпочтеніе кодексу Наполеона.

Я не знаю состава членовъ государственнаго совѣта, обсуждавшихъ дѣло Лопухиной, но полагаю, что они не были врагами французскаго законодательства. Это мнѣ кажется изъ того, что вопросъ о субститутѣ, возбужденный въ дѣлѣ Лопухиной, разрѣшенъ до очевидности согласно съ законодательствомъ французскимъ.

Законодательство французское относительно субститутовъ содержитъ слѣдующія опредѣленія:

---

1) Жизнь гр. Сперанскаго барона Корфа, т. 1, стр. 155.
2) Тамъ же, т. 2, стр. 338.

Ст. 896. Субституціи запрещаются. Всякое распоряженіе, посредствомъ котораго лицо, получившее даръ, наслѣдство или же отказъ, будетъ обязываемо сохранить оный для передачи третьему лицу, должно почитаться ничтожнымъ, даже въ отношеніи самыхъ вышеозначенныхъ лицъ [1]).

Изъ этой статьи понятно, что и распоряженіе Лопухиной въ отношеніи перехода завѣщаннаго имѣнія въ казенное вѣдомство на случай смерти безъ наслѣдниковъ дочерей ея, коимъ имѣніе было оставлено въ вѣчное и потомственное владѣніе, должно почитаться ничтожнымъ, ибо здѣсь было лицо, *получившее наслѣдство*, имъ воспользовавшееся. Разрѣшеніе совершенно согласное съ указомъ 18 ноября 1839 года, по которому это распоряженіе признано ничтожнымъ, потому что завѣщанное имѣніе было получено, поступило въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ. И такъ если этотъ указъ состоялся подъ вліяніемъ Наполеонова кодекса, то онъ не можетъ противорѣчить другой статьѣ, разъясняющей первую.

Ст. 898 опредѣляетъ: распоряженіе, посредствомъ котораго третье лицо призывается на полученіе дара, наслѣдства или отказа на случай непринятія сего лицами, коимъ даръ, наслѣдство или отказъ предназначилась, не должно почитаться субституціею и поэтому дѣйствительно [2]).

Такъ что, при полномъ согласіи нашего закона съ 896 ст. Наполеонова кодекса, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что не можетъ онъ противорѣчить и 898-й ст. того же кодекса, и, при допущеніи этою статьею во Франціи вида субституціи на случай неосуществленія институтомъ правъ по завѣщанію, долженъ признать такой видъ ея и у насъ.

---

1) Les substitutions sont prohibées. Toute disposition par laquelle le donataire, l'heritier institué, ou le légataire sera chargé de conserver et de rendre à un tiers, sera nulle, même à l'égard du donataire, de l'heritier institué, ou du legataire.

2) La disposition par laquelle un tiers serait appelé á recueillir le don, l'hérédité ou le legs, dans le cas où le donataire, l'heritier institué ou le legataire ne le recueillerait pas, ne sera pas regardée comme une substitution et sera valable.

И такъ, съ одной стороны путемъ раскрытія истиннаго духа нашего закона, а съ другой путемъ разрѣшенія вліянія, подъ которымъ законъ нашъ сложился, мы пришли къ одному и тому же результату, именно, что у насъ запрещены не субституты, но общіе фидеикоммиссы.

Я почти достигъ цѣли своего изслѣдованія. Въ началѣ его я поставилъ мнѣніе многоуважаемаго Мейера, а къ концу укажу на оригинальный взглядъ, высказанный въ одной статьѣ журнала министерства юстиціи, будто субституты опредѣляются только верховною властію. Къ счастію, г. Сбитневъ, авторъ этой статьи [1]), объяснилъ свое положеніе указаніемъ на „заповѣдныя имѣнія". Заповѣдныя же имѣнія суть такія, которыя переходятъ по особому порядку наслѣдованія; эти маіораты дѣйствительно учреждаются неиначе какъ вслѣдствіе особаго высочайшаго на то разрѣшенія [2]). Мнѣ кажется поэтому, что взглядъ г. Сбитнева можетъ быть объясненъ только дурно понятымъ различіемъ между тѣмъ и другимъ видомъ наслѣдованія. Маіоратомъ учреждается особый отъ общаго порядокъ наслѣдованія и потому крайне послѣдовательно, что такой обходъ закона общаго, допускаемый только въ уваженіе особенныхъ обстоятельствъ, разрѣшается лишь путемъ закона, верховною властію. При маіоратѣ завѣщатель своею волею ограничиваетъ волю цѣлаго ряда собственниковъ имѣній и притомъ ограничиваетъ въ такомъ духѣ, что они не въ правѣ вовсе распоряжаться полученнымъ уже имѣніемъ; здѣсь устанавливается какой-то вѣчный фидеикоммиссъ и даже болѣе. Въ учрежденіи же субститута нѣтъ особаго порядка наслѣдованія, порядокъ здѣсь общій—назначеніе наслѣдника по волѣ завѣщателя, и поэтому, не менѣе какъ и въ приведенномъ выше случаѣ, послѣдовательно дать возможность дѣйствительнаго исполненія воли завѣщателя, предоставивъ ему право назначить себѣ наслѣдника на случай если institutus наслѣдствомъ не воспользуется.

---

1) Ж. М. Ю. 1864 года, кн. 4-я, стр. 581.

2) 467 ст. 1 ч. X т.

Этихъ словъ я считаю достаточными для указанія, что мнѣніе г. Сбитнева не основано на законѣ и произошло только вслѣдствіе смѣшенія имъ субститута съ маіоратомъ, совершенно между собою неимѣющихъ ничего общаго.

Но чтобы статья моя имѣла надлежащую, по возможности, полноту, необходимо коснуться и судебной практики, какъ истолковательнаго органа, признаваемаго закономъ. Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно указать здѣсь на практику, что въ ней я нахожу рѣшительное подтвержденіе моему мнѣнію.

Вопросы о субститутахъ, возбужденные по дѣламъ Буксгевдена и Алсуфьевой, рѣшеннымъ первое 16 марта 1814 года, а второе 23 мая 1827 года, были приняты въ руководство и при разрѣшеніи спорнаго дѣла Лопухиной. Указъ этотъ я приводилъ уже нѣсколько разъ и поэтому не признаю нужнымъ болѣе на немъ останавливаться: замѣчу только, что прецеденты дѣла Лопухиной рѣшались во времена сильнаго вліянія Сперанскаго и слѣд. тѣмъ болѣе можетъ быть допущено принятое мною соображеніе касательно вліянія французскихъ идей.

Въ болѣе новое время я могу указать для примѣра на два случая, почерпнутые мною изъ журнала министерства юстиціи, именно на дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ Олонкина [1]) и Понтизія [2]).

Особенно интересенъ первый случай: по духовному завѣщанію Олонкинъ предоставилъ имѣнія свои Ивану Демьянову и дѣтямъ своего сына Петра, съ тѣмъ, что если первый изъ нихъ умретъ до совершеннолѣтія, то имѣніе его должно поступить дѣтямъ Петра же и напротивъ если Иванъ Демьяновъ достигнетъ совершеннолѣтія, а у сына Петра не будетъ живыхъ дѣтей, то все имѣніе поступаетъ Ивану Демьянову. И Иванъ и сынъ Петра Иванъ Олонкинъ воспользовались наслѣдствомъ. По смерти Ивана Олонкина, Иванъ Демьяновъ, достигнувъ совершеннолѣтія, предъявилъ искъ объ имѣніи въ силу сего духовнаго завѣщанія.

На основаніи указанныхъ нами соображеній завѣщаніе

---

1) Ж. М. Ю. 1861, ноябрь, стр. 333.
2) Ж. М. Ю. 1864 г. апрѣль, стр. 55.

Олонкина ничтожно: а) въ отношеніи назначенія substitutio pupillaris и б) въ отношеніи подназначенія Ивана Демьянова наслѣдникомъ Ивану Олонкину, ибо сей послѣдній осуществилъ духовное завѣщаніе.

Общее собраніе правительствующаго сената разрѣшило дѣло согласно съ предложеніемъ министра юстиціи, въ которомъ онъ полагалъ въ искѣ Ивану Демьянову отказать на томъ основаніи, что Олонкинъ помѣстилъ въ своемъ завѣщаніи распоряженіе о порядкѣ наслѣдованія послѣ смерти внуковъ его имѣніемъ, которое онъ имъ завѣщалъ и которое поступивъ со дня его смерти въ ихъ владѣніе, обратилось въ имѣніе неподлежащее завѣщанію. Какъ видно изъ этого, соображенія наши совершенно сходны съ опредѣленіемъ правительствующаго сената, основаннымъ на томъ обстоятельствѣ, что духовное завѣщаніе Олонкина было осуществлено его наслѣдниками и что въ этомъ случаѣ оказывается не субститутъ, но фидеикоммиссъ, запрещенный закономъ.

Вотъ другой случай: Понтизій духовнымъ завѣщаніемъ назначилъ наслѣдникомъ сына своего Николая, съ тѣмъ, чтобы онъ не продавалъ и не закладывалъ этого имѣнія; въ случаѣ, если Николай не будетъ имѣть дѣтей, то по смерти его имѣніе это должно перейдти въ ближайшій родъ завѣщателя, въ пользу мужескаго пола, съ тѣмъ, чтобъ и тѣ, послѣ Николая, наслѣдники Понтизія также не могли ни продать, ни заложить имѣнія.

И здѣсь рѣшеніе Общаго собранія сената, признавшее такое распоряженіе незаконнымъ, согласно съ нашимъ воззрѣніемъ, потому что Николай умеръ, осуществивъ духовное завѣщаніе.

Но представимъ себѣ такой случай завѣщанія: „предоставляю имѣніе А съ тѣмъ, что въ случаѣ, если онъ не наслѣдуетъ, имѣніе это должно достаться Б.“

А завѣщанія не осуществилъ и потому здѣсь является substitutio vulgaris, которая нашимъ закономъ не запрещена, слѣдовательно и духовное завѣщаніе дѣйствительно. Сила духовнаго завѣщанія нисколько не зависитъ отъ фор-

мы или словъ, въ которыхъ выражена воля завѣщателя, все равно будетъ ли сказано: завѣщаю имѣніе такому-то, „а по немъ" или „на случай его смерти" или наконецъ „въ случаѣ смерти." Здѣсь все зависитъ отъ факта. Напримѣръ А завѣщаетъ имѣніе Б съ подназначеніемъ, въ какой бы формѣ это ни было выражено, наслѣдникомъ ему С. Духовное завѣщаніе само по себѣ, по своимъ словамъ, не даетъ возможности разрѣшенія встрѣчающагося сомнѣнія. Отъ Б зависитъ все. Если Б умретъ ранѣе А или не приметъ имѣнія его, въ такомъ случаѣ имѣніе это въ разрядъ наслѣдственныхъ имѣній Б не поступило и поэтому по волѣ А должно идти къ С. Въ этомъ случаѣ — субституція. Но если Б пережилъ А и имѣніе его принялъ, въ такомъ случаѣ имѣніе это фактомъ принятія поступаетъ въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ и не подлежа волѣ завѣщателя въ дальнѣйшемъ своемъ переходѣ, самымъ этимъ фактомъ только дѣлаетъ ничтожною волю А въ отношеніи къ наслѣдованію С. Здѣсь является фидеикоммиссъ. Такъ что, повторяю, выводъ на основаніи словъ завѣщанія ничего показывать не можетъ,—только факты, сопровождающіе завѣщаніе, вліяютъ на дѣйствительность или недѣйствительность постановленныхъ распоряженій.

Я привелъ эти два случая духовныхъ завѣщаній и свой примѣръ съ цѣлью указать неточность сдѣланнаго журналомъ Министерства Юстиціи объясненія, ибо первый случай приведенъ здѣсь въ доказательство того, что недѣйствительны помѣщаемыя въ духовномъ завѣщаніи распоряженія о порядкѣ наслѣдованія въ завѣщаемомъ имѣніи послѣ смерти лица, назначеннаго наслѣдникомъ по завѣщанію (субституты). Это объясненіе не точно и несогласно съ духомъ законодательства, если не прибавить къ нему слова: „въ томъ случаѣ если наслѣдникъ этотъ осуществитъ завѣщаніе".

Не менѣе неточны и два слѣдующія выраженія Мейера [1]): „римское право допускаетъ еще установленіе путемъ завѣщанія такого обязательства, что наслѣдникъ обязывается

1) Стр. 752.

все наслѣдство передать другому опредѣленному лицу (fideicommissum). Ни въ нашемъ законодательствѣ, ни въ нашемъ юридическомъ быту мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго и наше право существенно разнится отъ римскаго и нѣкоторыхъ другихъ, допускающихъ такъ-называемую субституцію[1])."

Изъ практики всякому извѣстно, что стремленіе къ фидеикоммиссамъ въ нашемъ обществѣ весьма замѣтно, не смотря на прямой законъ, рѣшительно запрещающій ихъ, а цѣлью всей настоящей статьи было доказать, что субституты по нашему праву не запрещены. И такъ въ самомъ краткомъ историческомъ очеркѣ я показалъ, что прежніе наши законы не знали стѣсненій воли завѣщателя и изъ существованія множества завѣщаній съ субститутами я пришелъ къ заключенію о примѣненіи и допущеніи ихъ въ нашемъ юридическомъ быту. Уясненіемъ же чистаго понятія субститута и его различія отъ сходнаго съ нимъ вида фидеикоммисса, тщательнымъ разсмотрѣніемъ новаго нашего законодательства и сличеніемъ его съ французскимъ, а также отчасти и разборомъ судебной практики, я, полагаю, доказалъ недопущеніе нашими законами только общаго фидеикоммисса. Въ заключеніе могу указать, что и предшественникъ мой въ области розысканій о субститутѣ, Н. В. Калачовъ, мнѣніемъ котораго, какъ редактора послѣдняго изданія X-го тома Свода Законовъ, мы имѣемъ полное право руководствоваться, пришелъ по тому же пути, по которому и я слѣдовалъ, къ одинаковому со мною заключенію, именно, что въ примѣч. къ 1011-й ст. воспрещается нѣчто въ родѣ фидеикоммисса, и что прямая субституція у насъ не запрещена, и поэтому настоящую статью я позволяю себѣ окончить именно словами г. Калачова: другихъ узаконеній кромѣ разсмотрѣнныхъ нами никто не указываетъ и мы ихъ не знаемъ, а при отсутствіи закона мы не можемъ и почитать субституцію запрещенною.

А. Гриневичъ.

1867 іюля 6-го, Москва.

---

1) Стр. 750.

ПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА СПОРНАГО.

Въ статьѣ 1392-й ч. 1-й т. X постановлено: „продажа имѣнія *спорнаго*, если *не* состоитъ оно подъ запрещеніемъ, хотя и дозволяется, но при семъ: 1) мѣсто, гдѣ совершается купчая крѣпость, обязано *напомнить* покупщику и продавцу, дабы они къ *очисткамъ* и оговоркамъ, кои обыкновенно въ купчихъ прописываются, присовокупляли таковыя же касательно спора; 2) если спорное имѣніе отчуждено будетъ впослѣдствіи отъ продавца: то, не взирая на учиненную продажу, оное *отбирается* и отдается тому, кому присуждено будетъ опредѣленіемъ суда; деньги же, заплаченныя за имѣніе, *предоставляется* покупщику взыскивать съ продавца. А буде по суду найдется, что имѣніе должно принадлежать продавцу, то произведенная продажа остается въ силѣ". [1])

По содержанію этой статьи мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы:

1) Какъ образовалось сіе постановленіе *исторически*?

2) Что̀ нужно понимать подъ имѣніемъ спорнымъ?

3) Относится ли разрѣшеніе продажи спорнаго имѣнія къ тому только лицу, *изъ владѣнія котораго имѣніе оспоривается*, или же въ равной мѣрѣ къ тому лицу, которое *отыскиваетъ* свое имѣніе изъ чужаго владѣнія?

---

1) Сверхъ того въ ст. 776 Зак. Гр. постановлено: „существующій о имѣніи судебный споръ *не* долженъ служить препятствіемъ къ совершенію на оное актовъ, развѣ бы по сему спору именно наложено было на имѣніе запрещеніе или назначено отдать оное въ опеку".

4) Какое значеніе вообще имѣютъ *очистки* и *оговорки*, включаемыя въ купчую крѣпость?

5) Если упомянутыя въ ст. 1392 очистки и оговорки о спорѣ не были включены въ купчую, то примѣняется ли къ возникшему затѣмъ о сей купчей спору 1392-я статья?

6) Если покупщикъ былъ „bona fide" и не зналъ о спорѣ, то можетъ ли отъ него быть отобрано спорное имѣніе?

7) Какое значеніе имѣетъ продажа имѣнія спорнаго?

8) Если покупщикъ спорнаго имѣнія продастъ послѣднее въ третьи руки, то должно ли отъ новаго покупщика быть отобрано имѣніе, и если должно, то съ кого онъ можетъ отыскивать заплаченныя за имѣніе деньги?

9) Можетъ ли покупщикъ включить въ купчую особое условіе, что хотя бы у него спорное имѣніе было отобрано, тѣмъ не менѣе онъ лишаетъ себя права отыскивать съ продавца покупную сумму?

10) Имѣетъ ли право покупщикъ спорнаго имѣнія принять участіе въ тяжбѣ, производимой между продавцемъ и лицемъ, отыскивающимъ это имѣніе?

11) На сколько сохранила ст. 1392 Зак. Гражд. силу послѣ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. и нотаріальнаго положенія 14 апрѣля 1866 года?

1. Въ отношеніи *историческаго* происхожденія статьи 1392-й Зак. Гражд. слѣдуетъ замѣтить, что она принадлежитъ къ тѣмъ, сравнительно рѣдкимъ, постановленіямъ Свода Законовъ, которыя заимствованы были безъ всякаго измѣненія изъ Уложенія 1649 г. царя Алексѣя Михайловича. Въ семъ Уложеніи (глава X, ст. 244) было постановлено: „а кто на комъ учнетъ искати вотчины или дворы, или лавки, или мельницы, или инаго чего вотчиннаго или помѣстнаго строенія, и *отвѣтчикъ*, засудяся съ истцомъ и не дождався по судному дѣлу указа, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ или заложитъ, а по суду и по сыску доведется его въ томъ обвинити: и у того, кому онъ что продастъ, взяти и отдати истцу. А тому, кто у него то купилъ, указати на немъ по купчей и по закладной цѣнѣ на немъ день-

ги. А буде въ такомъ иску доведется по суду и по сыску отвѣтчика оправити, а истца обвинити: и у купца того, что ему отвѣтчикъ продастъ или заложитъ, не отъимати."

Впослѣдствіи времени (вслѣдствіе возникшаго въ Казанской Гражданской Палатѣ вопроса: можно ли совершить купчую на продаваемое тайн. сов. Желтухинымъ имѣніе, тогда какъ въ той же Палатѣ производится апелляціонное дѣло о выдѣлѣ Неѣловымъ изъ того имѣнія части) Правительствующій Сенатъ (по 1-му Общему Собранію) циркулярнымъ указомъ отъ 20 сентября 1809 года (№ 23851) призналъ [1]), что „ясное содержаніе ст. 244 Уложенія, опредѣляя, какъ поступать должно въ случаѣ продажъ спорныхъ имѣній, и не поставляя того продавцамъ въ вину, не налагаетъ за то никакого особеннаго взысканія; изъ чего слѣдуетъ заключить, что продажа таковыхъ имѣній не можетъ назваться законопротивною, а посему не слѣдовало Казанской Гражданской Палатѣ, имѣвшей въ виду вышеозначенное узаконеніе, воспрещать Желтухину продажу его имѣнія по той только причинѣ, что часть онаго состояла въ спорѣ съ Неѣловыми, и сего тѣмъ паче дѣлать ей не надлежало, что Депрейсова (того имѣнія покупательница) долженствовала, какъ видно, о томъ спорѣ быть извѣстна; условія же, въ разныхъ крѣпостныхъ сдѣлкахъ помѣщаемыя, долженствуютъ единственно зависѣть отъ воли и согласія тѣхъ, до кого онѣ касаются". Сверхъ сего Правительствующій Сенатъ, для того „чтобы продажи и заклады спорныхъ недвижимыхъ имѣній не причиняли иногда покупщикамъ оныхъ или пріемлющимъ ихъ въ закладъ какой либо разстройки, но были бы у присутственныхъ мѣстъ, до коихъ совершеніе крѣпостей касается, въ виду, призналъ нужнымъ сдѣлать повсемѣстно предписанія, чтобъ при продажѣ и закладѣ недвижимыхъ имѣній участвующимъ въ оныхъ *напоми-*

---

1) Вотъ заглавіе этого указа: „о присовокупленіи по желанію и волѣ участвующихъ въ продажѣ и закладѣ недвижимыхъ имѣній къ очисткамъ и оговоркамъ, кои обыкновенно въ купчихъ и закладныхъ прописываются, также очистокъ и оговорокъ касательно имѣній, могущихъ быть въ спорѣ".

наемо было, дабы они къ очисткамъ и оговоркамъ, которыя обыкновенно въ купчихъ и закладныхъ на заключающіяся въ нихъ имѣнія прописываются, присовокупляли также очистки и оговорки касательно до имѣній, могущихъ быть въ спорѣ; *но сіе однакожъ предоставлять ихъ желанію и волѣ.* Означенное прибавленіе, не составляя ничего новаго, не требуетъ какого-либо особливаго постановленія или же подачи особенныхъ бумагъ, требующихъ излишняго письма и производства, но будучи включаемо въ самыхъ актахъ, продажу или закладъ означающихъ, сдѣлаетъ только въ пользу покупающихъ имѣніе бóльшую предосторожность".

2. По вопросу о томъ, что нужно понимать подъ *имѣніемъ спорнымъ* [1]), слѣдуетъ замѣтить, что вообще „спорнымъ" называется такое имѣніе, которое in individuo составляетъ предметъ спора между тяжущимися сторонами, то-есть между истцемъ и отвѣтчикомъ [2]).

---

1) Въ ст. 1392 очевидно упоминается о *недвижимомъ* имѣніи, составляющемъ предметъ спора, какъ потому, что въ большей части случаевъ движимое имущество продается посредствомъ простой передачи, такъ и потому, что въ упомянутой статьѣ сказано: „если не состоитъ оно (имѣніе) подъ запрещеніемъ", а послѣднее налагается только на недвижимое имущество.

2) Если же напр. къ собственнику недвижимаго имѣнія предъявленъ *денежный искъ*, то недвижимое имѣніе не можетъ быть названо спорнымъ, ибо оно не составляетъ предмета иска. Замѣтимъ кстати, что по вопросу о томъ: „можетъ ли быть совершена купчая крѣпость на имѣніе, къ владѣльцу котораго предъявленъ *денежный искъ* судомъ по формѣ", первое общее собраніе Сената въ 1863 г. (№ 734 Сборн.) нашло, что, по силѣ 774, 776, 1388 и 1630 ст. ч. 1-й т. X Св. Зак. Гражд., воспрещается совершеніе купчихъ крѣпостей и другихъ актовъ, а въ томъ числѣ и закладныхъ, на имѣнія, состоящія подъ запрещеніемъ, и залогъ такого имѣнія почитается недѣйствительнымъ. На этомъ основаніи присутственнымъ мѣстамъ, совершающимъ акты, вмѣняется статьею 744 того же тома въ обязанность прежде совершенія акта удостовѣриться: не состоитъ ли на имѣніи или *на лицѣ* того, кто выдаетъ актъ, запрещеній и нѣтъ ли въ виду другихъ казенныхъ препятствій. Но нигдѣ въ законѣ не заключается узаконенія на то, чтобы одно предъявленіе къ владѣльцу закладываемаго имѣнія *денежнаго иска* могло служить препятствіемъ къ совершенію на это имѣніе акта, если только на имѣніе не наложено установленнымъ порядкомъ запрещенія. Напротивъ того, въ ст. 776 ч. 1-й т. X именно сказано, что даже существованіе судебнаго спора о самомъ имѣніи не должно служить препятствіемъ къ совершенію на оное актовъ, если только по сему спору именно не было наложено на то имѣніе

Но при этомъ нужно обратить вниманіе на тотъ существенный признакъ, что въ большей части случаевъ имѣніе, будучи спорнымъ между двумя сторонами, находится впредь до окончанія спора (ст. 531 Зак. Гр.) *во владѣніи одной изъ нихъ*; такимъ образомъ въ данную минуту права сторонъ являются далеко неравномѣрными: одна изъ сторонъ имѣетъ на имущество права собственности и владѣнія (хотя и оспоренныя), тогда какъ другой сторонѣ принадлежитъ, собственно говоря, лишь право *иска*, правильность или неправильность котораго подлежитъ еще разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ.

3. Такимъ образомъ мы пришли къ вопросу о томъ: относится ли въ ст. 1392-й разрѣшеніе продажи спорнаго имѣнія къ тому только лицу, *изъ владѣнія котораго имѣніе оспоривается*, или же въ равной мѣрѣ и къ тому лицу, которое на основаніи акта или какъ наслѣдникъ по закону *отыскиваетъ* свое имѣніе изъ *чужаго* владѣнія?

Вопросъ этотъ возбудилъ слѣдующіе различные взгляды:

Первое мнѣніе. „Изъ статьи 1392-й очевидно, что здѣсь имѣется въ виду только та изъ спорящихъ сторонъ, *противъ владѣнія коей предъявленъ споръ*, ибо, послѣ дозволенія продажи спорнаго имѣнія, въ п. 2-мъ сей статьи сказано: „если спорное имѣніе будетъ отчуждено впослѣдствіи отъ продавца, то, не взирая на учиненную продажу, *оное отбирается* и отдается тому, кому присуждено будетъ опредѣленіемъ суда“. Къ сему заключенію могутъ привести и слова цитированной подъ симъ узаконеніемъ 244-й статьи, главы X, Уложенія 1649 года: „а отвѣтчикъ засудяся съ истцомъ и не дождався по судному дѣлу указа, то чего на немъ истецъ искалъ кому продастъ или заложитъ......“ Если же допустить, что *обѣ* спорящія стороны имѣютъ право продать *одно* и тоже имѣніе, то есть составляющее предметъ ихъ спора, то это легко можетъ имѣть послѣдствіемъ, что обѣ

запрещенія; слѣдовательно тѣмъ болѣе не можетъ служить препятствіемъ къ совершенію акта на имѣніе предъявленіе только иска къ владѣльцу онаго, какимъ бы порядкомъ искъ этотъ ни производился.

одномъ и томъ же *имѣніи*, въ одно и тоже время, будутъ совершаться купчія отъ *двухъ* разныхъ лицъ: истца и отвѣтчика, не только въ разныхъ Палатахъ, но и у крѣпостныхъ дѣлъ одной и той же Палаты, что очевидно является несообразнымъ; сверхъ того посредствомъ купчихъ крѣпостей совершается продажа недвижимыхъ имуществъ (ст. 1417 Зак. Граж.), а отнюдь не дѣйствій лицъ, кои могутъ быть предметомъ не купчихъ крѣпостей, а договоровъ вообще (ст. 1528). По ст. 1389-й ч. 1-й т. X продавать можно только то имѣніе, которое состоитъ въ дѣйствительномъ владѣніи, или на которое продавецъ имѣетъ право собственности. Статья 1384 того же тома дозволяетъ продавать только то имѣніе, коимъ владѣлецъ можетъ распоряжать по праву собственности. Наконецъ ст. 1426 и 1450 поставляютъ въ числѣ необходимыхъ условій совершенія купчей указаніе укрѣпленія, по коему продаваемое имѣніе дошло къ продавцу; впрочемъ продажа имѣнія завѣдомо чужаго преслѣдуется по ст. 1407 судомъ уголовнымъ, какъ подлогъ. Изъ соображенія означенныхъ постановленій съ закономъ, дозволяющимъ отчужденіе спорнаго имѣнія (ст. 776 и 1392 Зак. Гр.), явствуетъ, что это дозволеніе относится только къ той изъ двухъ тяжущихся сторонъ, у коей имѣніе находится *во владѣніи* и слѣдовательно къ лицу отвѣтчика, а не истца; потому хотя при совершеніи купчей и не слѣдуетъ требовать доказательства на владѣніе, кромѣ одного только изъясненія въ купчей образа укрѣпленія, но какъ изъ самой купчей видно, что продаваемое имѣніе состоитъ во владѣніи не продавца, а другаго лица, къ коему со стороны продавца предъявленъ лишь споръ въ качествѣ истца, то въ такомъ случаѣ совершеніе купчей было бы несогласно съ закономъ, преслѣдующимъ судомъ уголовнымъ продажу имѣнія завѣдомо чужаго (ст. 1407 Зак. Гр.). Отступленіе отъ сего порядка могло бы подать поводъ къ безнаказанному совершенію продажи чужаго имущества единственно для возбужденія бездоказательныхъ исковъ, и доставило бы истцамъ возможность посредствомъ продажи спорнаго имѣнія домогаться ввода покупщика во владѣніе

имѣніемъ вопреки закона, предписывающаго оставлять спорное имѣніе въ томъ положеніи, въ коемъ оно было до начала спора, то-есть во владѣніи отвѣтчика (ст. 679, ч. 2, т. X). Такимъ образомъ совершеніе купчей крѣпости на имѣніе, находящееся, по собственному *сознанію* продавца, во владѣніи другаго лица, дѣйствующими узаконеніями не дозволено".

Второе мнѣніе. „Если разсматривать купчую крѣпость какъ актъ, установляющій только права совершающихъ оный лицъ, то нѣтъ основанія ограничивать дѣйствіе 1392 статьи тою только изъ спорящихъ сторонъ, которая владѣетъ состоящимъ въ спорѣ имѣніемъ, тѣмъ болѣе, что сего ограниченія въ ст. 1392 не сдѣлано. Затѣмъ едва ли справедливо: дозволивъ одной сторонѣ, можетъ быть самовольно захватившей въ свое владѣніе чужую собственность, продать оную, не дозволить того же противной сторонѣ, и чрезъ то лишить ее возможности уступить свое право другому лицу, которое было бы болѣе въ состояніи продолжать споръ. Возраженіе, что въ такомъ случаѣ передача права можетъ совершиться *не* посредствомъ купчей крѣпости, а какимъ либо *другимъ актомъ* объ уступкѣ или продажѣ самаго права на искъ, не заслуживаетъ уваженія, ибо законъ для перехода права собственности на недвижимое имущество требуетъ непремѣнно крѣпостнаго акта; допущеніе же перехода недвижимой собственности посредствомъ особой *сдѣлки* или *условія* о передачѣ спора было бы нововведеніемъ въ нашемъ законодательствѣ, и присемъ необходимо должны возникнуть вопросы о томъ: съ кого и когда въ такомъ случаѣ должны быть взыскиваемы крѣпостныя пошлины? дѣлается ли при этомъ купившій процессъ истцемъ отъ своего имени? должно ли самое имѣніе быть присуждено прямо ему, и можетъ ли онъ на семъ уже основаніи безъ другаго акта быть введенъ во владѣніе тѣмъ имѣніемъ, которымъ никогда не владѣлъ продавшій свой споръ и право? Въ Сводѣ Законовъ встрѣчается только одно постановленіе сего рода: въ статьѣ 1256 Зак. Гр., по силѣ которой въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской наслѣдникамъ, кои по бѣдности

своей или другимъ какимъ-либо причинамъ не въ состояніи или не захотятъ отыскивать открывшагося наслѣдства, дозволяется право на оное *передать* или *уступить* кому либо другому по ихъ произволу. Записи о такой уступкѣ открывшагося уже наслѣдства или о передачѣ права на отыскиваніе онаго въ упомянутыхъ губерніяхъ именуются *улиточными* (примѣч. къ ст. 709 Зак. Гр.) и принадлежатъ къ актамъ, сознаваемымъ въ Уѣздныхъ Судахъ и Гражданскихъ Палатахъ сихъ губерній (ст. 732 и 733). Но это постановленіе очевидно относится къ одному только случаю, то-есть къ отыскиванію открывшагося наслѣдства, и есть лишь мѣстное изъятіе для губерній Черниговской и Полтавской, то-есть принадлежитъ къ той категоріи внесенныхъ въ Сводъ Законовъ статей Литовскаго Статута, въ коихъ встрѣчаются болѣе или менѣе важныя несходства дѣйствующихъ въ упомянутыхъ губерніяхъ гражданскихъ законовъ съ общими, и въ которыхъ посему при размѣщеніи ихъ въ общемъ сводѣ законовъ имперіи означено, что онѣ дѣйствуютъ только въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, какъ особыя мѣстныя правила. При дѣйствующихъ же нынѣ у насъ общихъ постановленіяхъ является и проще и сообразнѣе съ правилами о порядкѣ пріобрѣтенія правъ на недвижимыя имущества и съ самою пользою казны относительно крѣпостныхъ пошлинъ, допускать на основаніи ст. 1392 и 776 Зак. Гр. совершеніе купчихъ крѣпостей о состоящемъ въ спорѣ имѣніи какъ *одною*, такъ и *другою спорящею стороною*, исключая только тѣ имѣнія, на которыя наложено запрещеніе. Затѣмъ различіе въ дѣйствіи и послѣдствіяхъ купчей, выданной тою изъ спорящихъ сторонъ, въ настоящемъ владѣніи которой имѣніе находится, и купчей, выданной стороною, отыскивающею свое имѣніе изъ чужаго владѣнія, состоитъ въ томъ, что по первой купчей пріобрѣтатель, вступая въ права продавца, можетъ, когда сей послѣдній, не смотря на споръ, оставался во владѣніи имѣніемъ, также вступить непосредственно во владѣніе онымъ, между тѣмъ какъ по второй купчей владѣніе можетъ воспріять начало лишь когда имѣніе судебнымъ рѣшеніемъ будетъ

присуждено отыскивающей оное изъ чужаго владѣнія сторонѣ".

Излагая по возбужденному вопросу *наше личное мнѣніе*, мы находимъ, что въ приведенныхъ нами соображеніяхъ упущено изъ виду, что спорное имѣніе не всегда состоитъ во владѣніи одной изъ сторонъ и что оно можетъ находиться въ *опекунскомъ управленіи*, то-есть *внѣ* владѣнія обѣихъ сторонъ (ст. 1098 Зак. Гр. и 681—682 Зак. Гражд. Суд.).

Впрочемъ соображеніе буквальнаго смысла ст. 1392 и тѣхъ постановленій, изъ которыхъ она образовалась исторически, приводитъ къ заключенію: 1) что эта статья можетъ быть примѣняема только къ случаю, когда имѣніе, составляющее предметъ спора, находится во владѣніи одной изъ сторонъ, и 2) что только этой сторонѣ статья 1392 предоставляетъ право выдать на спорное имѣніе купчую крѣпость.

Это доказывается тѣмъ, что въ ст. 244 Уложенія царя Алексѣя Михайловича выражено: „а кто *на комъ* учнетъ искати вотчины, или двора и лавки.... а *отвѣтчикъ* (то-есть очевидно владѣлецъ имущества).... не дождався по судному дѣлу указа, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ". Далѣе сказано: „и у того, кому онъ (отвѣтчикъ) что продастъ, *взяти* и отдати истцу". Очевидно, что „взять" у покупщика можно было только имѣніе, проданное и переданное ему отвѣтчикомъ (владѣльцемъ); какъ же истцу принадлежало лишь право на искъ, то онъ не могъ до окончанія спора передать въ натурѣ покупщику никакого имущества.

Согласно Уложенію 1649 года и въ 1392 статьѣ 1-й ч. X т. постановлено: „если спорное имѣніе отчуждено будетъ впослѣдствіи отъ продавца, то, не взирая на учиненную продажу, оное *отбирается* и отдается тому, кому присуждено будетъ опредѣленіемъ суда". Если бы статья эта относилась къ случаю, когда спорное имѣніе состоитъ въ *опекунскомъ управленіи*, то въ ней не могло бы быть упомянуто объ отобраніи имѣнія отъ покупщика, ибо имѣніе до окончанія спора долженствовало бы пребывать въ опекѣ. А также если бы статья 1392 дозволяла истцу продать отыскиваемое имъ

имѣніе, то равнымъ образомъ въ ней не могло бы быть упомянуто объ *отобраніи* отъ покупщика имѣнія, потому что имѣніе находилось бы во владѣніи отвѣтчика. Слѣдовательно 1392 статья не относится къ тому случаю, когда истецъ переуступаетъ другому лицу свое право иска.

Во время нашей пятилѣтней практики въ Сенатѣ (въ 1-мъ отдѣленіи 3-го Д-та) намъ случалось разсматривать нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ одно лицо передавало другому свое право иска. Подобные акты въ судебной практикѣ называются *переказными документами* и совершаются не въ формѣ купчихъ крѣпостей, а въ формѣ договоровъ, являемыхъ у крѣпостныхъ дѣлъ (ст. 1533 Зак. Гр.); Правительствующій же Сенатъ, разсматривая подобныя дѣла (напр. дѣло о наслѣдствѣ и долгахъ Давида Финкельштейна), признавалъ, что лицо, пріобрѣвши право иска, вступаетъ во всю совокупность имущественныхъ правъ первоначальнаго истца. Соглашаясь съ этимъ взглядомъ, мы съ своей стороны замѣтимъ, что выдача купчей крѣпости на уступку права иска является едва ли необходимою и цѣлесообразною: лицо, выдающее „переказный документъ", въ эту минуту не владѣетъ отыскиваемымъ имуществомъ и не продаетъ самаго имущества, а только уступаетъ свое *право иска,* причемъ искъ его, можетъ быть, окажется голословнымъ или неосновательнымъ или основаннымъ на неточномъ пониманіи закона. Затѣмъ и взиманіе крѣпостныхъ пошлинъ по переказному документу о правѣ иска должно послѣдовать лишь въ томъ случаѣ, если лицо, пріобрѣвшее отъ другаго право на искъ, выиграетъ дѣло, то-есть при полученіи имъ ввода во владѣніе.

4. Вопросъ, возникающій изъ статьи 1392, о томъ, какое значеніе вообще имѣютъ *очистки* и *оговорки,* включаемыя въ купчую крѣпость, разрѣшается статьею 1427-й Зак. Гр. Въ этой статьѣ постановлено: „въ числѣ *произвольныхъ* условій (купчей крѣпости) первое есть объ *очисткахъ.* Продавецъ можетъ, по обоюдному согласію съ покупщикомъ, принять на свою отвѣтственность очистки въ продаваемомъ имуществѣ. Подъ именемъ очистокъ разумѣется объявленіе,

дѣлаемое въ купчей крѣпости продавцемъ о томъ, что имущество прежде никому отъ него не было продано и заложено, никому ни въ чемъ не укрѣплено и ни за что не отписано, и *обязанность*, принимаемая продавцемъ, очищать покупщика отъ всѣхъ въ то имущество *вступщиковъ* и не *доводить до убытковъ*, съ удостовѣреніемъ *заплатить* оные покупщику, буде таковые для него произойдутъ".

Очистки имѣютъ то юридическое основаніе, что продавецъ по самой сущности договора купли-продажи принимаетъ на себя обязанность сдѣлать покупщика *собственникомъ* имущества, то-есть передать ему всѣ аттрибуты права собственности: владѣніе, пользованіе и распоряженіе. Очевидно, что цѣль договора купли-продажи осталась бы невыполненною, если бы покупщикъ имѣлъ владѣніе безпокойное и могущее быть нарушеннымъ третьими лицами, съ которыми онъ самъ *не* вступалъ ни въ какія сдѣлки и отношенія. Поэтому продавецъ, принявшій на себя очистки, обязанъ сдѣлать владѣніе покупщика спокойнымъ и ненарушимымъ, а если покупщикъ лишенъ купленнаго имущества или же подвергся взысканіямъ, которыя не были выговорены до продажи, то продавецъ долженъ вознаградить его за это.

Такимъ образомъ оказывается, что предметомъ очистки могутъ быть только такія притязанія постороннихъ лицъ (вступщиковъ), которыя основаны *на причинѣ, предшествовавшей продажѣ*, ибо послѣ продажи „periculum rei" переходитъ на отвѣтственность покупщика.

5. По вопросу о томъ: „если упомянутыя въ статьѣ 1392 очистки не были включены въ купчую, то примѣняется ли къ возникшему о сей купчей дѣлу 1392-я статья?" прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что очистки въ купчей принадлежатъ (ст. 1427) къ условіямъ *произвольнымъ*, то-есть постановляются не иначе, какъ по обоюдному согласію продавца съ покупщикомъ. Такое правило является вполнѣ раціональнымъ, ибо очистки относятся исключительно къ интересамъ частныхъ лицъ, а не къ публичному праву. Тотъ же принципъ проведенъ и въ 1392-й статьѣ, ибо хотя въ ней и изложено, что „мѣсто, гдѣ совершается купчая крѣпость,

обязано напомнить покупщику и продавцу, дабы они къ очисткамъ, кои *обыкновенно* въ купчихъ прописываются, присовокупляли таковыя же касательно спора", но очевидно, что если продавецъ и покупщикъ *не* желаютъ включенія въ купчую сего условія, то они не могутъ быть къ этому принуждены мѣстомъ, совершающимъ купчую. Допустить противное, значило бы войти *въ противорѣчіе*: съ ученіемъ о договорахъ, съ понятіемъ объ очисткахъ, кои предоставляются исключительно свободному усмотрѣнію контрагентовъ, съ буквальнымъ смысломъ 1392 статьи, наконецъ съ цитированнымъ подъ сею статьею сенатскимъ указомъ 20 сентября 1809 г. (П. С. За № 23,851), въ коемъ хотя и предписано присутственнымъ мѣстамъ напоминать совершающимъ купчую объ упомянутыхъ очисткахъ и оговоркахъ, но затѣмъ прибавлено: „*сіе однакожъ предоставлять ихъ* (то-есть сторонъ) *желанію и волѣ*"; далѣе сказано, что „означенное прибавленіе, будучи включаемо въ самыхъ актахъ, сдѣлаетъ только въ пользу покупающихъ имѣніе *бо̀льшую предосторожность*".

Итакъ если при продажѣ спорнаго имѣнія не было включено въ купчую очистки, упомянутой въ ст. 1392, то возникаетъ случай, буквально не разрѣшенный закономъ и къ которому *1392-я статья не можетъ быть примѣняема*.

Случай этотъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть разрѣшенъ совершенно различно, смотря по тому: *зналъ* ли покупщикъ или нѣтъ, что покупаемое имъ имѣніе есть спорное (sciens, s. nesciens), или другими словами: былъ или нѣтъ продавецъ добросовѣстнымъ?

Если покупщикъ *зналъ*, что имѣніе состоитъ въ спорѣ и не потребовалъ отъ продавца включенія въ купчую (для обезпеченія своихъ интересовъ) очистки, указанной въ 1392 статьѣ, то онъ долженъ быть признанъ *отказавшимся* отъ права, предоставленнаго ему этою статьею, и согласившимся заключить договоръ, основанный на рискѣ: выиграетъ продавецъ тяжбу — продажа остается въ силѣ, проиграетъ, и продажа уничтожается. Съ другой стороны на основаніи принципа: nemo plus juris ad alium transferre potest, quam

ipse habet (то-есть никто не можетъ передать своихъ правъ въ бо́льшемъ объемѣ, нежели въ какомъ они ему принадлежатъ), если спорное имѣніе будетъ отсуждено отъ продавца, то оное должно быть *отобрано* и отъ покупщика, а послѣдній въ семъ случаѣ, какъ не включившій въ купчую очистки, не имѣетъ къ продавцу даже иска о возвращеніи ему уплаченной покупной цѣны.

6. Вопросъ: можетъ ли быть отобрано *спорное имѣніе* отъ покупщика, который *не зналъ*, что это имѣніе состоитъ въ спорѣ? долженъ быть очевидно разрѣшенъ утвердительно. Но при семъ нѣтъ сомнѣнія, что продавецъ является *недобросовѣстнымъ*, ибо онъ, по смыслу 1392-й, при напоминаніи ему присутственнымъ мѣстомъ о включеніи очистки, обязанъ былъ сообщить покупщику о состояніи имѣнія въ спорѣ не вводя его въ заблужденіе относительно свойства продаваемаго имѣнія и не лишая его возможности слѣдить за ходомъ тяжебнаго дѣла о имѣніи. Затѣмъ, въ случаѣ отобранія спорнаго имѣнія отъ покупщика, послѣдній имѣетъ право требовать съ недобросовѣстнаго продавца не только возвращенія покупной суммы, но и уплаты тяжебныхъ издержекъ и убытковъ. Въ Наполеоновомъ же кодексѣ (статья 1626-я) постановлено, что" продавецъ обязанъ *по закону* обезпечить покупщика отъ тѣхъ притязаній къ купленному имъ имуществу, которыя *не были объявлены до продажи*". Такимъ образомъ признано, что эта обязанность истекаетъ изъ самой сущности договора купли-продажи.

7. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію того значенія, которое имѣетъ *продажа имѣнія спорнаго*, должно замѣтить, что продажа эта существенно отличается отъ продажи имѣнія, *не* состоящаго въ спорѣ. Въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ продажи передается окончательно и безвозвратно право собственности на продаваемое имущество отъ одного лица къ другому. Напротивъ того, продажа имѣнія спорнаго является лишь *условною*, а дѣйствительность поставляется въ соотношеніе съ обстоятельствомъ, совершенно постороннимъ отъ условій, могущихъ заключаться въ купчей крѣ-

пости; самая же продажа является договоромъ, основаннымъ на рискѣ.

Съ точки зрѣнія науки гражданскаго права мы не видимъ основанія къ воспрещенію продажи имѣнія спорнаго, ибо такая продажа установляетъ только права между сторонами, совершающими купчую, не уничтожая правъ постороннихъ лицъ, въ отношеніи къ которымъ самый переходъ права собственности на имѣніе къ покупщику остается до окончанія тяжбы лишь условнымъ, а слѣдовательно продавецъ имѣнія передаетъ свое право покупщику на томъ самомъ основаніи, на какомъ оно принадлежитъ ему.

8. Вопросъ о томъ: „если покупщикъ спорнаго имѣнія продастъ послѣднее въ третьи руки, то должно ли отъ новаго покупщика быть отобрано имѣніе?“ предрѣшается точною силою вышеизложенныхъ соображеній. Такъ какъ первоначальный продавецъ имѣнія, а затѣмъ и покупщикъ посредствомъ купчей могутъ передать на имѣніе лишь условное право, то въ случаѣ проигрыша тяжбы первоначальнымъ продавцемъ, хотя бы имѣніе между тѣмъ перешло въ третьи и четвертыя руки, оно отбирается отъ послѣдняго владѣльца и передается лицу, выигравшему тяжбу.

Болѣе сложнымъ является вопросъ о томъ: съ кого можетъ послѣдній покупщикъ отыскивать заплаченныя за имѣніе деньги, — съ первоначальнаго продавца или съ первоначальнаго покупщика, въ свою очередь продавшаго имѣніе? Наше мнѣніе, основанное на послѣдовательности совершенія купчихъ крѣпостей, состоитъ въ томъ, что послѣдній владѣлецъ долженъ первоначально обратиться къ своему предшественнику (то-есть къ лицу, отъ котораго онъ непосредственно пріобрѣлъ имѣніе), и только въ случаѣ его несостоятельности къ первоначальному продавцу. Это согласно и съ началами римскаго права (L. 59 Dig. de evict,), по которому послѣдній владѣлецъ не могъ помимо посредствующаго лица обратиться къ первоначальному продавцу, ибо между послѣднимъ и имъ не было никакихъ сдѣлокъ и договоровъ (nullum inter hos intercessit negotium).

9. Уже изъ вышеизложеннаго очевидно, что и при существованіи 1392-й статьи покупщикъ можетъ включить въ купчую особое условіе (не довольствуясь безмолвнымъ отказомъ отъ очистки), что хотя бы у него спорное имѣніе было отобрано, тѣмъ не менѣе онъ лишаетъ себя права отыскивать съ продавца покупную сумму. Это истекаетъ изъ того: а) что очистки вообще, а въ частности очистки о спорности имѣнія, установляются только по произволу контрагентовъ и б) что на основаніи п. 4 ст. 1428 въ купчую могутъ быть включены *всякія другія* (произвольныя) *условія, законамъ не противныя.* Принятіе же покупщикомъ на свою отвѣтственность тяжбы, предъявленной къ имѣнію, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ интересамъ, не нарушаетъ правъ третьихъ лицъ и потому не можетъ быть признано противузаконнымъ.

10. Вопросъ о томъ: имѣетъ ли *покупщикъ* спорнаго имѣнія право *принять участіе въ тяжбѣ*, производимой между продавцемъ и лицомъ, отыскивающимъ это имѣніе, — по нашему мнѣнію долженъ быть разрѣшенъ утвердительно.

Нѣтъ сомнѣнія, что покупщикъ имѣетъ въ упомянутой тяжбѣ прямой имущественный интересъ, что отъ разрѣшенія тяжбы зависятъ его права собственности на купленное имущество, а потому онъ и не можетъ быть отстраненъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, такъ какъ продавецъ передалъ ему всѣ свои права на спорное имущество, то повидимому является нѣкоторое основаніе, чтобы покупщикъ принялъ на себя веденіе этой тяжбы, съ устраненіемъ отъ участія въ ней даже продавца. Но подобное отстраненіе могло бы имѣть тѣ невыгодныя для самого покупщика послѣдствія, что продавецъ, въ случаѣ потери покупщикомъ тяжбы противъ третьяго лица, могъ бы возразить, что онъ не обязанъ возвратить покупной за имѣніе цѣны, ибо потеря тяжбы послѣдовала по винѣ или по упущенію покупщика. Поэтому мы съ своей стороны полагаемъ болѣе справедливымъ признать, что въ веденіи упомянутой тяжбы могутъ принимать участіе какъ продавецъ,

такъ и покупщикъ, ибо, въ случаѣ потери тяжбы, на основаніи 1392 статьи, продавецъ обязанъ возвратить покупщику покупную сумму, а покупщикъ теряетъ купленное имъ имущество. Но нѣтъ сомнѣнія, что если во время судебнаго состязанія продавецъ учинитъ какое-либо сознаніе или дѣйствіе, клонящееся ко вреду покупщика или къ опроверженію его правъ на имѣніе, то онъ можетъ быть подвергнутъ суду уголовному какъ за мошенничество.

11. Наконецъ, обращаясь къ разсмотрѣнію того, какое практическое значеніе сохранила 1392 статья 1-й ч. X т. послѣ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. и нотаріальнаго положенія 14-го апрѣля 1866 года, — должно замѣтить, что въ настоящее время случаи примѣненія этой статьи на практикѣ сдѣлались, сравнительно, гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Въ прежнее время тяжебныя дѣла продолжались иногда десятки лѣтъ [1]; поэтому было вполнѣ естественно, что собственникъ, нуждаясь въ деньгахъ, могъ, не дождавшись окончанія тяжбы, продать спорное имѣніе. Въ настоящее же время тяжба не можетъ продолжаться болѣе года, и поэтому едва ли кто-либо захочетъ купить (съ уплатою крѣпостныхъ пошлинъ) имѣніе, которое черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть отъ него отсуждено.

Наконецъ, положеніе о нотаріальной части 14-го апрѣля 1866 г. не отмѣнило сущности статьи 1392 Зак. Гражд., ибо оно не заключаетъ въ себѣ запрещенія совершать акты на имѣніе спорное, статья-же 89 полож. о нотар. части, въ коей постановлено, что „нотаріусъ, по разсмотрѣніи условій или проекта, обязанъ допросить участвующихъ въ актѣ: дѣйствительно-ли они по доброй волѣ желаютъ его совершить и *понимаютъ-ли его смыслъ и значеніе*"—очевидно до-

---

1) Во время нашей судебной практики въ 1-мъ отд. 3-го д-та Сената (съ 1860 по 1865 г.) мы разсматривали до 10 дѣлъ, возникшихъ *прежде 1840 года* и которыя поэтому приходилось разрѣшать на основаніи дѣйствовавшаго въ то время въ западныхъ губерніяхъ литовскаго статута и сеймовыхъ конституцій.

казываетъ, что, при совершеніи купчей крѣпости на спорное имѣніе у нотаріуса, на послѣдняго переходитъ возложенная 1392-ю ст. на крѣпостныя дѣла обязанность: „*напомнить* покупщику и продавцу, дабы они къ очисткамъ и оговоркамъ, кои обыкновенно въ купчихъ прописываются, присовокупляли таковыя же касательно спора."

Александръ Любавскій.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *по вопросу: имѣетъ ли силу договоръ найма, заключенный пожизненной владѣлицей, и послѣ ея смерти въ томъ случаѣ когда срокъ, на который онъ заключенъ, не истекъ при ея жизни?*

1867 года августа 17-го дня, въ публичномъ засѣданіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената присутствовали гг. сенаторы: за первоприсутствующаго князь Ю. А. Долгорукій, В. И. Булыгинъ, А. М. Плавскій. Докладывалъ дѣло сенаторъ В. И. Булыгинъ. Заключеніе по дѣлу давалъ г. товарищъ оберъ-прокурора Д. Б. Беръ. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ дѣло *Карастелевой.* Протоіерей Александръ Покровскій сдѣлалъ въ духовномъ завѣщаніи, между прочимъ, слѣдующее распоряженіе: „чтобы два дома мои въ Басманной части были во владѣніи и распоряженіи супруги моей, Анны Михайловны, по ея смерть, и чтобы она ихъ не продавала и не закладывала, а пользовалась доходомъ съ нихъ и жила въ нихъ, послѣ же ея смерти оба дома поступаютъ во владѣніе и собственность моихъ наслѣдниковъ.“ По смерти завѣщателя, Анна Покровская одинъ изъ завѣщанныхъ домовъ, по городской оцѣнкѣ въ 6771 руб., отдала въ октябрѣ 1865 г. въ наймы коллежскому секретарю Покровскому, срокомъ на 12 лѣтъ, съ платою по 100 руб. въ годъ и съ правомъ передачи. Вскорѣ затѣмъ Анна Покровская умерла. По смерти ея, наслѣдницы завѣщателя: Анна Лебедева, Елисавета Хельмицкая и Александра Тимоѳеева, 16-го сен-

тября 1866 года продали этотъ домъ купеческой женѣ Авдотьѣ Карастелевой. Послѣдняя, представляя въ Московскій Окружный Судъ подлинный договоръ найма, просила оный уничтожить, на томъ основаніи, что Покровская, какъ пожизненная владѣлица, согласно 514 ст. т. X Зак. Гражд., могла отдавать домъ въ наемъ лишь по день своей смерти, со дня же смерти ея права на домъ перешли къ наслѣдникамъ протоіерея Покровскаго и потому договоръ потерялъ всякую силу. Противъ этого отвѣтчикъ возразилъ, что договоръ найма составленъ на законномъ основаніи и потому долженъ быть исполненъ въ точности, при чемъ объяснилъ, что домъ отъ него переданъ купцу Чернову. Окружный Судъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что въ законахъ не существуетъ общихъ постановленій, опредѣляющихъ право пожизненныхъ владѣльцевъ, не обозначенныхъ въ актѣ. По этому вопросъ о правѣ такихъ владѣльцевъ на заключеніе договора аренды долженъ быть разрѣшенъ по 9 ст. Уст. Гр. Суд. на основаніи общаго духа законовъ. Затѣмъ, сообразивъ т. X ч. 1 ст. 530, 626, 1011, 1691—1694, и примѣнивъ къ настоящему дѣлу 10 пунк. приложенія къ 116 ст., по продолженію 1863 г., Окружный Судъ постановилъ: купеческой женѣ Карастелевой въ искѣ ея, объ уничтоженіи договора, заключеннаго Анною Покровскою, отказать. По апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Авдотьи Карастелевой, присяжнаго повѣреннаго Алексѣева, дѣло это поступило на разсмотрѣніе Московской Судебной Палаты. Судебная Палата нашла: 1) что 1011 ст. 1 ч. X т. Зак. Гражд. дозволяетъ благопріобрѣтенное имѣніе завѣщать въ полную собственность или во временное владѣніе или пользованіе. Пространство, пожизненность или срочность временнаго владѣнія на случай смерти собственника, на основаніи 514 ст. того же тома, должны быть опредѣлены въ духовномъ его завѣщаніи; а потому этотъ актъ, при существованіи права завѣщать благопріобрѣтенныя имущества неограниченно (ст. 1067), долженъ служить единственнымъ руководствомъ при возникшемъ спорѣ. 2) Протоіерей Покровскій предоставилъ два дома въ Басманной части во владѣніе и распоряженіе жены своей по ея смерть, съ тѣмъ, чтобы она ихъ не продавала и не закладывала, а пользовалась доходомъ съ нихъ и жила въ нихъ; послѣ же ея смерти, оба дома должны поступить во владѣніе и собственность его наслѣдниковъ. 3) Смыслъ этого завѣщанія ясенъ: владѣніе и распоряженіе Анны Покровской двумя домами ограничены: пространство ея владѣнія—воспрещеніемъ продавать и закладывать ихъ, а срочность ея владѣнія — смертію. 4) Право Анны Покровской отдать въ наемъ домъ, принадлежащій теперь Карастелевой, вытекаетъ изъ того, что въ числѣ ограниченій владѣ-

нія, опредѣленныхъ въ завѣщаніи, не только нѣтъ отдачи въ наемъ, а напротивъ, этотъ образъ пользованія указанъ въ самомъ завѣщаніи. Если же она могла отдавать домъ въ наемъ, то имѣла право заключить договоръ найма, а при назначеніи срока должна была имѣть въ виду только 1692 ст. 1 ч. X т., не стѣсняясь своею смертію, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть показана срокомъ найма, какъ событіе неопредѣленное и отъ всѣхъ сокрытое. 5) Дѣйствіе заключеннаго Покровскою съ коллежскимъ секретаремъ Покровскимъ контракта, до истеченія 12-тилѣтняго срока, не можетъ быть прекращено по случаю смерти Покровской, какъ потому, что смерть одного контрагента не уничтожаетъ силы договора, такъ и потому, что этотъ договоръ обязателенъ для наслѣдниковъ. 6-е) Обязательность договора для наслѣдниковъ протоіерея Покровскаго вытекаетъ изъ того, что они должны получить дома не прежде, какъ послѣ временнаго владѣнія оными женою его, а потому все то, что она въ предѣлахъ предоставленнаго ей права съ тѣми домами сдѣлала, обязательно для наслѣдниковъ Покровскаго, ибо они подчиняются въ этомъ случаѣ не произволу Анны Покровскій, а завѣщательному распоряженію самого Покровскаго. Вслѣдствіе сего Палата опредѣлила: рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда утвердить. На это рѣшеніе повѣренный купеческой жены Карастелевой, присяжный повѣренный Алексѣевъ, приноситъ Правительствующему Сенату кассаціонную жалобу, въ которой объясняетъ, что онъ находитъ рѣшеніе Московской Судебной Палаты постановленнымъ съ нарушеніемъ прямаго смысла законовъ и вопреки завѣщанія протоіерея Покровскаго, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Судебная Палата, основавшись на ст. 1011 и 514 Зак. Гражд., нашла, что завѣщаніе Покровскаго должно служить единственнымъ руководствомъ при возникшемъ спорѣ, что протоіерей Покровскій предоставилъ женѣ своей два дома, съ тѣмъ, чтобы они были въ ея владѣніи и распоряженіи по ея смерть, а послѣ ея смерти должны поступить во владѣніе и собственность его наслѣдниковъ и за симъ Палата дѣлаетъ выводъ, что Анна Покровская могла заключить договоръ найма, имѣя въ виду 1692 ст. Зак. Гражд., не стѣсняясь своею смертію, и что договоръ этотъ обязателенъ для наслѣдниковъ Покровскаго; 2) что законъ, ст. 514 Зак. Гражд., не напрасно отличаетъ отдѣльное владѣніе отъ права собственности. Этого различія не можетъ уничтожить самъ собственникъ, установляющій отдѣльное владѣніе. Произволъ его простирается лишь на опредѣленіе пространства и срочности владѣнія, но не отъ его воли зависитъ изобрѣтеніе новаго права, непризнаннаго закономъ, права пожизненнаго владѣнія, простирающагося за пре-

дѣлы жизни. По 1011 ст. завѣщать имущество можно или въ полную собственность, или во временное владѣніе и пользованіе. Законъ (ст. 514) разумѣлъ подъ отдѣльнымъ владѣніемъ владѣніе временное, а не вѣчное, которое, по 513 ст., составляетъ признакъ права собственности. Съ истеченіемъ срока, на который временное владѣніе установлено, право собственности возстановляется во всей его полнотѣ и никакія обязательства временнаго владѣльца не могутъ переходить на собственника. По этому, если права отдѣльнаго владѣльца опредѣлены срокомъ пожизненности, то они не могутъ переходить за предѣлы его жизни. Съ момента смерти, право собственности всецѣло принадлежитъ собственнику, въ настоящемъ дѣлѣ наслѣдникамъ завѣщателя, которые по 420 ст. получаютъ власть владѣть, пользоваться и распоряжаться имуществомъ, отвѣчая лишь за долги и обязательства наслѣдодателя, а не пожизненнаго владѣльца (ст. 1254 и 1259). 3) Заключеніе Палаты о правѣ Анны Покровской при заключеніи контракта руководствоваться 1692 ст. Зак. Гражд., потому что смерть не можетъ быть показана срокомъ найма, проситель находитъ неправильнымъ, ибо 1692 ст. опредѣляетъ только срокъ, свыше котораго запрещено писать договоры аренды, а не даетъ лишнихъ правъ пожизненному владѣльцу, и что въ законѣ (ст. 514) смерть предусмотрѣна, какъ терминъ, опредѣляющій срочность владѣнія. 4) Сверхъ того проситель объясняетъ, что Палата неправильно разъяснила самый смыслъ духовнаго завѣщанія, распространивъ права Анны Покровской за предѣлы ея жизни, чего завѣщаніемъ ей не предоставлено, и что сама Анна Покровская сознавала, что контрактъ долженъ прекратиться съ ея смертію, ибо въ контрактѣ указала, что домъ принадлежитъ ей пожизненно, въ доказательство чего представляетъ подлинный арендный договоръ. На основаніи всего вышеизложеннаго повѣренный Карастелевой, присяжный повѣренный Алексѣевъ, проситъ рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнить.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ настоящаго дѣла и по выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Московская Судебная Палата признала, на основаніи 514 и 1067 ст. т. X ч. 1, завѣщаніе протоіерея Покровскаго единственнымъ актомъ, долженствующимъ служить руководствомъ при возникшемъ спорѣ о правахъ временнаго владѣнія Анны Покровской завѣщаннымъ ей имуществомъ и нашла, что протоіерей Покровскій предоставилъ два дома женѣ своей по ея смерть, послѣ же ея смерти оба дома должны поступить во владѣніе и собственность его наслѣдниковъ; затѣмъ Палата вывела заключеніе, что Анна Покровская, имѣя право от-

давать дома въ наемъ, при назначеніи срока найма, должна была имѣть въ виду только 1692 ст. 1 ч. X т., не стѣсняясь своею смертію, и что до истеченія 12-тилѣтняго срока дѣйствіе договора не можетъ быть прекращено по случаю смерти Покровской, потому, что договоръ, ею заключенный, обязателенъ для наслѣдниковъ по завѣщанію Покровскаго. Такое заключеніе нарушаетъ законы и буквальный смыслъ завѣщанія. Духовнымъ завѣщаніемъ Покровскаго весьма ясно опредѣлена срочность правъ Анны Покровской на владѣніе домами, по ея смерть; на основаніи 514 ст. т. X ч. 1 владѣніе ея далѣе сего срока продолжаться не могло. Со дня ея смерти установлены права другихъ лицъ, законныхъ наслѣдниковъ завѣщателя, которымъ предоставлены права владѣнія и собственности. Право собственности, по смыслу 420 ст. т. X ч. 1. Зак. Гражд., состоитъ во власти исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ. Слѣдовательно признать за Анною Покровскою право распорядиться домами за предѣлы того срока, который съ точностію опредѣленъ въ духовномъ завѣщаніи посредствомъ уступки правъ своего владѣнія постороннему лицу, по какому бы акту то ни было, послѣ ея смерти, значило бы признать за нею права, ей непринадлежащія, вопреки духовному завѣщанію и въ нарушеніе буквальнаго смысла 420 и 514 ст. т. X ч. 1 Зак. Гражд. Заключеніе, выведенное Судебною Палатою, что при назначеніи срока найма Анна Покровская должна была имѣть въ виду только 1692 ст. т. X ч. 1, не стѣсняясь своею смертію, неправильно, потому что 1692 ст. запрещаетъ отдавать въ наемъ недвижимое частное имущество срокомъ свыше 12-ти лѣтъ, но нисколько не дозволяетъ пожизненнымъ владѣльцамъ уступать свои права по сроки, простирающіеся за предѣлы ихъ жизни. Отъ воли всякаго, вступающаго въ договоръ съ пожизненнымъ владѣльцемъ, зависитъ опредѣлить срокъ найма, какой пожелаетъ, хотя бы и на 12 лѣтъ, но ни въ какомъ случаѣ вступающій въ договоръ не можетъ предполагать, что онъ пріобрѣтаетъ права свыше тѣхъ, какія принадлежатъ самому пожизненному владѣльцу, слѣдовательно условленный въ договорѣ срокъ обязателенъ только для самого отдающаго въ наемъ, на все время его жизни, но не можетъ быть обязателенъ для наслѣдниковъ завѣщателя. На основаніи 2 п. 1259 ст. т. X ч. 1 обязанность выполнять обязательства по договорамъ съ казною и съ частными лицами переходитъ вмѣстѣ съ имуществомъ и правами къ принявшему наслѣдство, а пожизненное владѣніе не можетъ быть наслѣдственно: оно есть право временное того лица, въ чью пользу установлено, которое съ его смертію прекращается и ни къ кому не

переходитъ. Со смертію пожизненнаго владѣльца имущество переходитъ наслѣдникамъ вотчинника, какъ наслѣдство, доставшееся отъ сего послѣдняго, а не отъ временнаго владѣльца. Слѣдовательно заключеніе Судебной Палаты объ обязательности для наслѣдниковъ по завѣщанію протоіерея Покровскаго договора Анны Покровской, послѣ которой они въ наслѣдство домовъ не получали, противно смыслу 2 пункт. 1259 ст. т. X ч. 1 Зак. Гражд. Въ нашемъ законодательствѣ встрѣчается только одинъ случай, изложенный въ 10 пунк. прилож. къ ст. 116 (примѣч.) т. X ч. 1, въ которомъ пожизненному владѣльцу дозволяется передавать принадлежащее ему право пожизненнаго владѣнія другому лицу, на срокъ, установленный ст. 1692 и 1693 т. X ч. 1 и пунктомъ 3-мъ отдѣла II-го высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, и договоры, совершенные на семъ основаніи, обязательны для наслѣдниковъ вотчинника; этотъ случай узаконенъ въ особыхъ правилахъ передачи родоваго имѣнія однимъ изъ супруговъ въ пожизненное владѣніе другаго, а потому постановленіе, содержащееся въ 10 пунктѣ, не можетъ быть распространяемо на всѣхъ пожизненныхъ владѣльцевъ, не подходящихъ подъ исключительныя условія владѣльцевъ, упомянутыхъ въ тѣхъ правилахъ. Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ, признавая, что рѣшеніе Судебной Палаты постановлено съ нарушеніемъ прямаго смысла законовъ, ст. 420, 514 и 1259 т. X ч. 1 Зак. Гражд., на основаніи 1-го п. 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., опредѣляетъ: Рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнить и обратить дѣло къ новому рѣшенію въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

II.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда *по вопросу о силѣ завѣщательнаго распоряженія, сдѣланнаго умершимъ на словахъ съ порученіемъ назначенному для сего лицу приведеніе этого распоряженія въ дѣйствіе.*

1867 г. іюля 4-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по 5-му Отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя М. Н. Лопатина, въ составѣ членовъ А. И. Вицына и И. Н. Голикова, слушалъ дѣло по прошенію капитана Семена Ѳедоровича Голынскаго объ истребованіи отъ отставнаго полковника Андрея Ивановича Маслова находящихся у него 89 билетовъ Государственнаго Казначейства, оставшихся послѣ умершаго статскаго

совѣтника Ивана Семеновича Веселовскаго. Обстоятельства дѣла: исковымъ прошеніемъ, поданнымъ Окружному Суду 30-го мая сего года, капитанъ Семенъ Ѳедоровичъ Голынскій заявилъ: 25-го апрѣля сего года душеприкащикъ статскаго совѣтника Ивана Семеновича Веселовскаго, скончавшагося 12-го апрѣля сего года, отставной полковникъ Андрей Ивановичъ Масловъ, во время передачи ему, Голынскому, духовнаго завѣщанія Веселовскаго, какъ племяннику умершаго и наслѣднику по тому завѣщанію, при стороннихъ свидѣтеляхъ сообщилъ, что онъ, г. Масловъ, по довѣренности Веселовскаго, не задолго до смерти его, получилъ изъ Московской Конторы Государственнаго Банка принадлежавшій покойному капиталъ въ количествѣ 89 билетовъ Государственнаго Казначейства такъ-называемыхъ серій и при этомъ предъявилъ записку, въ которой сдѣлано распредѣленіе того капитала, записку, писанную рукою коллежскаго секретаря Ивана Алексѣевича Соколова и подписанную однимъ только умершимъ Веселовскимъ, но не выдалъ ему, Голынскому, ни той записки, ни капитала, равно и не представилъ ихъ въ Московскую Палату Уголовнаго и Гражданскаго Суда, куда представлено для засвидѣтельствованія духовное завѣщаніе умершаго Веселовскаго. Вслѣдствіе того г. Голынскій ходатайствовалъ объ истребованіи отъ г. Маслова означеннаго капитала для вѣрнаго охраненія его, какъ собственности наслѣдниковъ умершаго Веселовскаго, впредь до утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства. Повѣренный отвѣтчика, надворный совѣтникъ Михаилъ Ѳедоровичъ Троицкій, на судебномъ засѣданіи 27-го іюля сего года, противъ иска отвѣтилъ, что записка умершаго Веселовскаго, которую требуетъ истецъ, какъ подписанная только лицомъ, писавшимъ ту записку, и самимъ Веселовскимъ, не имѣетъ силы духовнаго завѣщанія, и при этомъ представилъ ее въ подлинникѣ суду, но что тѣмъ не менѣе записка эта, какъ значится въ ней самой, была составлена покойнымъ Веселовскимъ лишь на случай, еслибы капиталъ его, хранившійся въ Государственномъ Банкѣ, не былъ полученъ изъ Банка при жизни самого Веселовскаго; когда же г. Масловъ, по довѣренности Веселовскаго, получилъ изъ Банка его 89 серій и передалъ ихъ Веселовскому, то Веселовскій, оставивъ изъ нихъ 9 серій себѣ, остальныя 80 передалъ г. Маслову въ безотчетное его распоряженіе. Въ подтвержденіе сказаннаго г. Троицкій сослался какъ на свидѣтелей, на коллежскаго секретаря Ивана Алексѣевича Соколова, при которомъ тѣ 80 серій были переданы Веселовскимъ г. Маслову, и на священника Александровскаго института Александра Семеновича Милованова, которому Веселовскій говорилъ, что онъ взялъ свои деньги изъ Банка и часть ихъ пере-

далъ г. Маслову. По сему поводу судъ, резолюціею того же 27-го іюля, опредѣлилъ: допросить указанныхъ повѣреннымъ отвѣтчика свидѣтелей по означеннымъ обстоятельствамъ на судебномъ засѣданіи 4-го іюля сего года и на томъ же засѣданіи произвести дальнѣйшее разбирательство сего дѣла. На засѣданіи сего числа явившіеся свидѣтели: г. Соколовъ, подъ присягою, и г. Миловановъ, по священству, показали: г. Соколовъ: „Веселовскій просилъ г. Маслова получить изъ Банка 89 серій, которыя были взяты Масловымъ и доставлены Веселовскому, Веселовскій же изъ тѣхъ денегъ 9 серій оставилъ себѣ, а 80 серій передалъ Маслову въ его безотчетное распоряженіе, при чемъ поручилъ ему произвести выдачи родственникамъ и говорилъ о своихъ похоронахъ. На вопросъ повѣреннаго истца, г. Шайкевича, свидѣтель отвѣтилъ, что онъ не помнитъ когда Веселовскій поручалъ Маслову сдѣлать выдачи изъ всѣхъ денегъ родственникамъ, при жизни его, Веселовскаго, или послѣ его смерти. О. Миловановъ: „Веселовскій говорилъ ему, что онъ предоставляетъ 80 серій въ полное и безотчетное распоряженіе г. Маслова, для передачи оныхъ родственникамъ Веселовскаго по его, Маслова, усмотрѣнію." При послѣдовавшемъ затѣмъ судоговореніи повѣренный г. Голынскаго, коллежскій секретарь Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ въ пользу иска добавилъ: такъ какъ свидѣтели не подтвердили того, чтобы 80 билетовъ Государственнаго Казначейства умершимъ были переданы г. Маслову въ собственность, а записка Веселовскаго о распредѣленіи капитала, заключающагося въ тѣхъ билетахъ, не имѣетъ никакой силы, то означенные билеты составляютъ собственность наслѣдниковъ умершаго Веселовскаго; а г. Троицкій въ пользу защиты: свидѣтели вполнѣ подтвердили, что 80 билетовъ Государственнаго Казначейства были переданы умершимъ Веселовскимъ г. Маслову въ безотчетное его распоряженіе, такъ что г. Масловъ имѣлъ бы даже право присвоить тѣ билеты, но онъ желаетъ распорядиться ими согласно извѣстному ему желанію умершаго Веселовскаго. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, судъ находитъ: 1) что фактъ полученія г. Масловымъ отъ умершаго Веселовскаго принадлежавшихъ ему билетовъ Государственнаго Казначейства, но лишь въ количествѣ 80, а не 89, какъ заявлено истцомъ въ исковомъ его прошеніи, доказывается, по ст. 480 и 411 Уст. Гр. Суд., собственнымъ признаніемъ повѣреннаго отвѣтчика и показаніемъ выставленныхъ свидѣтелей, передача же г. Маслову и остальныхъ 9 билетовъ со стороны истца, вопреки ст. 366 Уст. Гр. Суд., ничѣмъ не доказана; 2) что тѣ билеты переданы были г. Маслову не въ собственность, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, выставленныхъ со

стороны самого отвѣтчика, и потому заслуживающихъ полнаго вѣроятія, а для передачи родственникамъ Веселовскаго, да и самъ г. Троицкій не утверждалъ, что означенные билеты были переданы его довѣрителю въ собственность, а онъ утверждалъ лишь, что они были переданы ему для безотчетнаго распоряженія ими сообразно извѣстному г. Маслову желанію Веселовскаго; 3) что хотя изъ свидѣтельскихъ показаній нельзя съ достовѣрностію заключить о времени, когда поручалось г. Маслову изъ переданныхъ ему 80 билетовъ произвести выдачи родственникамъ Веселовскаго—немедленно по полученіи, или уже по смерти Веселовскаго; но такъ какъ самая передача билетовъ г. Маслову послѣдовала не задолго до смерти Веселовскаго и сопровождалась, какъ видно изъ словъ свидѣтеля г. Соколова, указаніями, имѣющими характеръ предсмертнаго распоряженія, то становится весьма вѣроятнымъ, что выдачи родственникамъ Веселовскимъ предназначено было произвести уже по смерти его, а, главное, что со стороны отвѣтчика не представлено никакого доказательства на то, что означенныя выдачи должны были послѣдовать и дѣйствительно послѣдовали еще при жизни самого Веселовскаго, тогда какъ эти обстоятельства, составляя существенную защиту противъ иска, по смыслу ст. 366 Уст. Гр. Суд., должны бы быть доказаны со стороны отвѣтчика, и 4) что такимъ образомъ передача Веселовскимъ г. Маслову билетовъ Государственнаго Казначейства, при порученіи раздѣла ихъ между родственниками Веселовскаго по усмотрѣнію г. Маслова, не что иное, какъ выраженное на словахъ завѣщательное распоряженіе относительно тѣхъ билетовъ; но словесныя завѣщанія, по ст. 1023 Св. Зак. Гр., не имѣютъ никакой силы. На изложенныхъ основаніяхъ судъ постановилъ: 1) восемьдесятъ билетовъ Государственнаго Казначейства, полученныхъ отставнымъ полковникомъ Андреемъ Ивановичемъ Масловымъ отъ статскаго совѣтника Ивана Семеновича Веселовскаго, признать собственностію наслѣдниковъ умершаго Веселовскаго по закону или по духовному завѣщанію и обязать г. Маслова выдать тѣ билеты наслѣдникамъ умершаго, буде они уже утверждены въ правахъ наслѣдованія, а въ противномъ случаѣ представить въ Московскую Палату Уголовнаго и Гражданскаго Суда, куда предъявлено къ засвидѣтельствованію духовное завѣщаніе умершаго Веселовскаго; 2) судебныя издержки по производству дѣла, согласно 868 ст. Уст. Гр. Суд., возложить на г. Маслова; 3) рѣшеніе суда не подлежитъ предварительному исполненію.

III.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда *по дѣлу о взысканіи съ наслѣдниковъ поручика Олонкина по обязательствамъ, законно-совершеннымъ, но оспореннымъ выдачею ихъ лицамъ, состоявшимъ въ сообществѣ съ дурною цѣлью противъ Олонкина и другихъ.*

1867 года августа 1-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, въ составѣ членовъ: В. И. Веселовскаго и Н. Н. Коптева, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя П. И. Федоренко, слушалъ дѣло о взысканіи почетными гражданами Христофоромъ Дмитріевичемъ Спиридоновымъ, Петромъ, Иваномъ и Гавриломъ Гавриловичами Волковыми, купцомъ Иваномъ Григорьевичемъ Фирсановымъ и наслѣдниками умершаго коллежскаго совѣтника Павла Павловича Дензель, его вдовой Прасковьей Лаврентьевой и дочерью Юліей Павловой Дензель съ наслѣдниковъ умершаго поручика Ивана Петровича Олонкина, сестеръ его: вдовы полковника Марьи Петровны Шпигельбергъ, жены подполковника Меланіи Петровны Эндагуровой и отставнаго ротмистра Ивана Яковлева Демьянова, по 11 заемнымъ письмамъ и двумъ сохраннымъ роспискамъ 131.575 руб. 34¼ коп. сер. Обстоятельства дѣла: повѣренный гг. Спиридонова, Волковыхъ, Фирсанова и Дензель, надворный совѣтникъ Кирсановъ, при прошеніи 16-го сентября предъявилъ ко взысканію 11 заемныхъ писемъ и 2 сохранныя росписки, выданныя подпоручикомъ Иваномъ Петровичемъ Олонкинымъ, всего на сумму 258.000 руб. асс. на имя различныхъ лицъ и пріобрѣтенныхъ довѣрителями его непосредственно, или по передачѣ отъ другихъ кредиторовъ. Представленныя обязательства слѣдующія: заемныя письма: 1) 1835 года 12-го іюля въ 5.000 р. асс. на имя поручика Танденфельда съ поручительствомъ Туманскаго, переданное 15-го іюля того же года поручику Воейкову, а отъ него перешедшее къ купцу Фирсанову. 2) 17-го іюля въ 50.000 р. асс. на имя того же Танденфельда (совершено крѣпостнымъ порядкомъ), въ тотъ же день переданное поручику Воейкову и за тѣмъ перешедшее къ купцу Фирсанову. На этомъ письмѣ значится уплата 3.767 руб. сер. 3) 18-го іюля въ 15.000 р. асс. на имя поручика Туманскаго, переданное имъ 22-го іюля поручику Воейкову, а отъ него перешедшее Фирсанову. На обязательствѣ надпись объ уплатѣ 1.130 р. 35¼ к. 4) 5-го сентября въ 35.000 р. асс. на имя того же Туманскаго, переданное 13-го сентября купцу Волкову. 5) 27-го августа въ 15.000 р. асс. на имя поручика Турчанинова, переданное 28-го августа Воейкову. 6) 12-го іюля въ

15000. р. асс. на имя того же Турчанинова, переданное 19-го іюля поручику Воейкову, а отъ него передано къ Фирсанову. 7) 20-го сентября въ 15.000 р. асс. на имя купца Гаврилы Волкова. 8) 14-го октября въ 30.000 р. асс. на имя поручика Малышева, переданное 20-го мая 1836 года поручику Воейкову. На обязательствѣ надпись объ уплатѣ 2.260 руб. 9) 9-го декабря въ 20.000 р. асс. на имя того же Малышева, 29-го декабря переданное г. Дензель. 10) 1836 года 8-го января въ 5.000 р. асс. на имя того же Малышева, 7-го марта переданное Воейкову, а отъ него перешедшее Фирсанову. На обязательствѣ уплата въ 376 р. 78¾ к. 11) 3-го іюля въ 50.000 руб. асс. на имя титулярнаго совѣтника Евреинова (совершенное крѣпостнымъ порядкомъ), переданное г. Спиридонову. На обязательствѣ надпись объ уплатѣ 3.667 р. 12) 14-го февраля сохранная росписка въ 6.000 р. на имя Волкова, на ней надпись объ уплатѣ 4.000 р. 13) 3-го мая сохранная росписка въ 1.004 руб. Заемныя письма, совершенныя явочнымъ порядкомъ, по срокѣ и передачѣ явлены у нотаріусовъ. Всѣ документы выданы въ Москвѣ. Суммы, слѣдующія по этимъ обязательствамъ, г. Кирсановъ, исчисляя съ процентами и неустойкой, за исключеніемъ поступившихъ въ уплату 19.446 руб., на долю г. Спиридонова 20.232 р. 22¼ к., Волковыхъ 34.746 р. 4 к., Фирсанова 61.504 р. 21¼ к. и Дензель 10.092 р. 36 к., а всего 131.575 р. 34¼ к., проситъ взыскать одну половину съ г. Демьянова, а другую съ г-жъ Эндагуровой и Шпигельбергъ, какъ наслѣдниковъ Олонкина. Изъ обстоятельствъ, указываемыхъ въ прошеніи г. Кирсанова и въ объяснительныхъ бумагахъ повѣренныхъ отвѣтчиковъ, а также изъ представленныхъ сторонами копій съ рѣшеній судебныхъ мѣстъ обнаруживается и характеръ и предъидущее движеніе дѣла о взысканіи съ наслѣдниковъ Олонкина по долговымъ обязательствамъ. Оберъ-провіантмейстеръ Иванъ Олонкинъ, умершій 5-го августа 1812 года, духовнымъ завѣщаніемъ предоставилъ все свое благопріобрѣтенное недвижимое имущество въ пожизненное владѣніе жены своей Настасьи съ устраненіемъ отъ всякаго наслѣдства сына своего Петра и съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Настасьи Олонкиной часть имѣнія въ Смоленской губерніи поступила въ вѣчное потомственное владѣніе внука завѣщателя отъ дочери Ивана Демьянова, а всѣ остальныя имѣнія въ губерніяхъ Смоленской, Калужской и Тверской предоставилъ въ пользу внуковъ своихъ мужескаго пола если они отъ сына его Петра будутъ въ живыхъ. Согласно съ этимъ духовнымъ завѣщаніемъ все имѣніе умершаго оберъ-провіантмейстера Олонкина поступило во владѣніе жены его Настасьи Олонкиной, которая и владѣла имъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1841 году. Единственный сынъ Петра

Олонкина, подпоручикъ артиллеріи Иванъ, право собственности котораго на имѣнія, находившіяся въ пожизненномъ владѣніи его бабки и заключающіяся болѣе чѣмъ въ 6.000 дес. земли, было безспорно, прибывъ въ 1835 году для закупки ремонтныхъ лошадей, менѣе чѣмъ въ два года выдалъ различнымъ лицамъ долговыхъ обязательствъ на 1.344.614 руб. асс. По объясненію повѣренныхъ отвѣтчиковъ Киркора и Смирницкаго размѣры долговъ его возрастали постепенно; такъ до 1831 года Олонкинъ никому не былъ долженъ; въ этомъ году задолжалъ всего 1.100 руб. асс.; въ 1834 году являются только два обязательства въ январѣ на 9.500 руб., а въ декабрѣ на 5.000 руб. Въ 1835 году значительныя по суммѣ обязательства взяты въ іюнѣ на 162.000 р. и потомъ въ сентябрѣ на 90.000 руб. и декабрѣ на 33.500 руб. 1836-й годъ начинается выдачею обязательства въ болѣе скромной суммѣ, но въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ выдаются обязательства на 150.000 р., 180.000 р. и 300.000 р. Съ 1836 года нѣкоторыя изъ этихъ обязательствъ стали поступать ко взысканію въ 3-й Департаментъ Московскаго Надворнаго Суда по ходатайству одного изъ кредиторовъ, маіора Казиміра Асташевскаго. Надворный Судъ сдѣлалъ публикацію, помѣщенную въ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ 1837 года августа 6-го, № 63, въ отдѣлѣ вызововъ наслѣдниковъ и кредиторовъ, слѣдующаго содержанія: „Отъ Московскаго Надворнаго Суда 3-го Департамента кредиторы поручика 7-й конно-артиллерійской бригады, конно-легкой № 3 батареи Николая Петрова Олонкина съ претензіями, а должники съ платежемъ долговыхъ ему, Олонкину, денегъ явились бы въ оный департаментъ и довѣрія въ займахъ болѣе никакого ему, Олонкину, дѣлаемо не было.“ Вслѣдствіе этой публикаціи было предъявлено въ Надворный Судъ долговыхъ претензій по различнымъ обязательствамъ отъ 29 лицъ на сумму 687.936 р. 75 к. асс. и 170 руб. монетою. Въ числѣ этихъ обязательствъ были представлены и обязательства, составившія предметъ настоящаго иска. Въ 1838 году большую часть обязательствъ Олонкинъ призналъ безспорными и подлежащими неотложному удовлетворенію. Между тѣмъ въ 1840 году, вслѣдствіе ходатайства бабки Олонкиной, по указу 1-го Департамента Правительствующаго Сената, надъ Олонкинымъ была учреждена за расточительность опека, которою и были разновременно сдѣланы нѣкоторыя уплаты по нѣсколькимъ обязательствамъ. Вслѣдствіе спора наслѣдниковъ умершаго вскорѣ за тѣмъ Олонкина, дѣло о его долгахъ, въ апелляціонномъ порядкѣ, перешло въ 7-й Департаментъ Правительствующаго Сената, рѣшеніемъ котораго, а равно заключеніемъ Министра Юстиціи было опредѣлено: по обязательствамъ, которыя Олонкинымъ признаны без-

спорными, на точномъ основаніи 2 ч. X т. Зак. Гражд. ст. 293, 315, 316 и 1 п. 749, взыскать съ наслѣдниковъ Олонкина, наслѣдовавшихъ послѣ него болѣе 6.000 десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ, должныя суммы съ процентами, равными капиталу и неустойками, а по сохраннымъ роспискамъ съ процентами со дня представленія ихъ ко взысканію по день платежа, по обязательствамъ же не признаннымъ Олонкинымъ, г. Министръ Юстиціи полагалъ предписать Палатѣ предъявить ихъ чрезъ кого слѣдуетъ наслѣдникамъ его и за тѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла поступить на основаніи ст. 3. и прим. X т. 2 ч. Въ такомъ видѣ дѣло восходило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ котораго 10-го мая 1865 года было постановлено: „Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ дѣло о долгахъ Олонкина и соглашаясь съ заключеніемъ г. Министра Юстиціи: 1) объ обязательствахъ Олонкина, признанныхъ подлежащими удовлетворенію рѣшеніями Надворнаго Суда, вошедшими въ законную силу; 2) о претензіяхъ Кувшинникова, Розонова и Петрова; 3) объ обязательствахъ Олонкина, имъ не признанныхъ и 4) о сложеніи апелляціоннаго штрафа съ Демьянова, нашелъ, что вопросъ о томъ, могутъ ли обязательства, признанныя Олонкинымъ до учрежденія надъ нимъ опеки за расточительность, считаться безспорными, разрѣшается точнымъ смысломъ узаконеній, изданныхъ въ руководство опекамъ сего рода. За силой 240 ст. XIV т. Уст. о Пред. и Прес. Прест., опеки, учреждаемыя надъ расточителями, обязаны въ управленіи имѣніями и при уплатѣ долговъ расточителей дѣйствовать на правѣ кураторовъ; кураторы же, при распредѣленіи долговъ несостоятельнаго на спорные и безспорные, обязаны руководствоваться правилами, изложенными въ 1939 до 1962 ст. XI т., въ которыхъ о признаніи или непризнаніи сихъ долговъ несостоятельными вовсе не упоминается, но очевидно, что допустить обязательность для кураторовъ признанія долговъ несостоятельнымъ, даже въ томъ случаѣ, когда они признаны имъ до объявленія его несостоятельнымъ, невозможно, потому что въ такомъ случаѣ для каждаго недобросовѣстнаго должника открылось бы самое удобное средство перевести свое состояніе въ третьи руки для сокрытія его отъ своихъ законныхъ кредиторовъ. Съ этою цѣлью каждый подобный должникъ надавалъ бы своимъ соумышленникамъ векселей на сумму, равняющуюся его состоянію или превышающую оную, призналъ бы ихъ при предъявленіи ко взысканію дѣйствительными и за тѣмъ послѣ такого признанія своихъ фальшивыхъ векселей, объявилъ бы себя несостоятельнымъ, а кураторы обязаны были бы безпрекословно уплатить всѣ эти долги потому только, что они признаны не-

состоятельнымъ до объявленія его несостоятельности, вслѣдствіе чего дѣйствительные его кредиторы ничего не получили бы, а самъ несостоятельный вполнѣ воспользовался бы плодами своего преступнаго умысла. Очевидно, что такой порядокъ, безъ совершеннаго разрушенія частнаго кредита, допущенъ быть не можетъ, а потому, если для кураторовъ признаніе долга, сдѣланное несостоятельнымъ даже до объявленія его несостоятельности, не обязательно, то не обязательно и для опеки надъ расточителями признаніе заемнаго обязательства, сдѣланное имъ до учрежденія сей опеки. Примѣненіе этого заключенія къ настоящему случаю вполнѣ подтверждаетъ его правильность, ибо изъ дѣла видно, что расточительность Олонкина выражалась преимущественно въ выдачѣ безденежныхъ заемныхъ обязательствъ, почему 6 заемныхъ писемъ, выданныхъ Руничу на 150.000 руб. и 5, выданныхъ Туманскому на 135.000 руб., уже уничтожены Правительствующимъ Сенатомъ, кромѣ заемныхъ писемъ въ 300.000 р., взятыхъ отъ него Танденфельдомъ и уничтоженныхъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, удостоеннымъ въ 1843 году Высочайшаго утвержденія. Очевидно изъ этого, что еслибы опека, учрежденная по причинѣ такой расточительной раздачи долговыхъ актовъ, обязана была безпрекословно выплачивать по всѣмъ этимъ актамъ, быть можетъ мнимо назначенныя въ нихъ суммы потому лишь, что они признаны самимъ расточителемъ до учрежденія опеки, то она дѣлала бы именно то, для отвращенія чего учреждена, т.-е. расточала бы то имѣніе, для сохраненія коего назначена, уплатою безденежныхъ документовъ, за выдачу которыхъ учреждена надъ выдавшимъ ихъ. Допустить такое противорѣчіе въ назначеніи и дѣйствіяхъ опеки невозможно, слѣдовательно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что признаніе Олонкинымъ выданныхъ Олонкинымъ долговыхъ актовъ не могло считаться обязательнымъ ни для опеки, учрежденной надъ нимъ, ни для его наслѣдниковъ, соединившихъ въ себѣ, по принятіи отъ него наслѣдства, какъ права, такъ и обязанности, которыя при его жизни были раздѣлены между имъ и его опекою. Переходъ этихъ правъ и обязанностей послѣ смерти лица, состоявшаго подъ опекою, къ его наслѣдникамъ, не только въ томъ объемѣ, въ какомъ ими пользовался состоявшій подъ опекою самъ непосредственно, но и въ томъ, въ какомъ они принадлежали его опекѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ точному разуму 1104 и 1259 ст. 1 ч. X т. А потому, за силою этихъ статей, право, принадлежавшее опекѣ, учрежденной надъ Олонкинымъ, признавать или опровергать его долговые акты, перешло со смертію его къ его наслѣдникамъ и слѣдовательно, какъ опекѣ надъ нимъ должны были быть предъявлены всѣ его долговые акты, такъ

точно нынѣ должны быть предъявлены они его наслѣдникамъ. Вслѣдствіе такого предъявленія конечно возобновится дѣло, производившееся уже болѣе 28 лѣтъ, но это возобновленіе съ одной стороны неизбѣжно по причинѣ допущенныхъ судебными мѣстами при прежнемъ производствѣ этого дѣла неправильностей, а съ другой стороны такое возобновленіе не представляетъ ничего исключительнаго, ибо, по заключенію Государственнаго Совѣта, возобновляется точно также давно начавшееся дѣло о долговыхъ актахъ, не признанныхъ Олонкинымъ: если допускается возобновленіе дѣла о сихъ послѣднихъ актахъ, то какое же препятствіе допустить возобновленіе дѣла объ актахъ, признанныхъ Олонкинымъ, когда его признаніе точно также ничтожно, какъ если бы его вовсе не было. По всѣмъ симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: 1) утвердить заключеніе министра юстиціи: а) объ обязательствахъ Олонкина, признанныхъ подлежащими удовлетворенію рѣшеніями Московскаго Надворнаго Суда, вошедшими въ законную силу, б) о претензіяхъ Кувшинникова, Розанова и Петрова, с) объ обязательствахъ Олонкива имъ непризнанныхъ и d) о сложеніи аппелляціоннаго штрафа съ Демьянова и 2) отмѣнивъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ объ обязательствахъ, признанныхъ Олонкинымъ, точно также, какъ они отмѣняются объ обязательствахъ имъ непризнанныхъ, со всѣми послѣдствіями, предписать Московской Гражданской Палатѣ въ предъявленіи сихъ обязательствъ наслѣдникамъ Олонкина и отвѣтствующимъ за него лицамъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла поступить по законамъ.“ Въ исполненіе изложеннаго, Московскою Гражданскою Палатою были предъявлены наслѣдникамъ Олонкина долговыя обязательства послѣдняго, составляющія предметъ настоящаго иска. Повѣреннымъ наслѣдниковъ заявленъ былъ въ Палатѣ споръ по безденежности означенныхъ документовъ; затѣмъ дѣло въ Палатѣ, по ходатайству повѣреннаго истцовъ, г. Кирсанова, на осн. 63 ст. прав. 25-го октяб. 1865 г., было прекращено для начатія въ учрежденіяхъ 20-го ноября 1864 г. Рядомъ съ производствомъ настоящаго дѣла производились въ судебныхъ установленіяхъ еще дѣла, возникшія также по долговымъ претензіямъ на Олонкина: 1) о взятіи отставнымъ поручикомъ Танденфельдомъ съ Олонкина заемныхъ обязательствъ на 300.000 руб. асс.; 2) о должныхъ Олонкинымъ по шести заемнымъ письмамъ на имя прапорщика Руничъ 150.000 руб. и 3) по копіямъ съ заемныхъ писемъ поручика Туманскаго на 150.000 руб. Первое изъ этихъ дѣлъ восходило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, мнѣніемъ котораго Высочайше утвержденнымъ 11-го ноября 1843 года было между прочимъ признано, „что дѣло это открываетъ сообщество людей разнаго званія, промышляющихъ

въ Москвѣ карточною игрою и переводомъ безденежныхъ документовъ; злонамѣренныя дѣйствія ихъ въ особенности были устремлены на проживавшаго въ Москвѣ артиллерійскаго подпоручика Олонкина, который въ теченіи двухъ лѣтъ выдалъ въ Москвѣ разнымъ лицамъ заемныхъ обязательствъ на 762.825 руб. асс., кромѣ выданныхъ на имя отставнаго поручика Танденфельда на 300.000 руб., составляющихъ предѣлъ посягательства злоумышленниковъ на достояніе Олонкина." Затѣмъ Государственный Совѣтъ, находя, что эти послѣдніе акты взяты Танденфельдомъ насильственно, и что участникомъ при взятіи ихъ съ Олонкина былъ отставной поручикъ Телепневъ; что, кромѣ взятія сихъ обязательствъ, Танденфельдъ вынудилъ Олонкина подписать росписку въ полученіи отъ Телепнева должныхъ 19.000 руб. и письмо къ брату его Ивану Телепневу о полученіи сполна чрезъ его человѣка всѣхъ денегъ по заемному письму и сохранной роспискѣ; что ни Танденфельдъ, ни Телепневъ никакихъ доказательствъ первый на дачу въ займы Олонкину столь значительной суммы, послѣдній на уплату ему своихъ денегъ не представили; что потому они, Танденфельдъ и Телепневъ, подвергаются опредѣленному въ законахъ наказанію за насильное взятіе отъ Олонкина долговыхъ документовъ и подлежали бы лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе, но освобождаются отъ сего силою всемилостивѣйшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 года, (постановилъ, чтобы они) подверглись только какъ вредные въ общежитіи и неблагонадежные люди высылкѣ изъ столицы и надзору полиціи за дальнѣйшимъ образомъ ихъ жизни, въ тѣхъ мѣстахъ куда будутъ высланы. Дѣло о заемныхъ письмахъ, выданныхъ Олонкинымъ Руничу, было разрѣшено Общимъ Собраніемъ Правительствующаго Сената, которое между прочимъ нашло, что Руничъ, вознамѣрившись воспользоваться достояніемъ Олонкина, взялъ съ него сначала въ 1836 году три, составленныя 18-го іюня явочнымъ порядкомъ, заемныя письма, каждое въ 25.000 руб. подъ предлогомъ пріисканія подъ оныя денегъ у родственниковъ его Рунича, а потомъ, отозвавшись, что подъ явочныя письма дать денегъ не соглашаются, уговорилъ Олонкина выдать вмѣсто ихъ крѣпостныя, которыя и были 23-го іюля совершены крѣпостнымъ порядкомъ въ Москвѣ въ Гражданской Палатѣ. Когда же и подъ эти письма Руничъ денегъ не досталъ и Олонкинъ потребовалъ всѣ письма обратно, то Руничъ увѣрилъ его выданною 18-го іюля роспискою, что всѣ означенныя заемныя письма, какъ не нужныя, имъ уничтожены, а между тѣмъ 30-го іюня и 10-го іюля передалъ ихъ штабъ-ротмистру Туманскому и тестю его генералъ-маіору Кромину, первому пять, а послѣднему одно за 8000 р., а эти послѣдніе въ сентябрѣ 1836 г. и январѣ 1837 г. перевели ихъ въ

третьи руки, одно женѣ Туманскаго, а пять студенту Иванову; что Туманскій и Ивановъ, какъ видно изъ особаго дѣла, принадлежали къ обществу людей, промышляющихъ въ Москвѣ картежной игрой и переводомъ безденежныхъ обязательствъ и устремившихъ дѣйствія свои въ особенности на Олонкина, съ котораго въ теченіи двухъ лѣтъ взято ими заемныхъ обязательствъ на 1.062.825 руб.; что при такихъ видахъ дѣла не могутъ быть примѣняемы къ оному X т. ст. 734, 735, 1728 и 1739, о силѣ засвидѣтельствованныхъ актовъ, какъ относящихся къ обязательствамъ, взятымъ добросовѣстно, а не обманомъ. Почему Общее Собраніе Сената, признавъ вышеозначенныя шесть заемныхъ писемъ на сумму 150.000 р. недѣйствительными, какъ взятыя обманомъ, положило: Олонкина отъ взысканія по онымъ освободить. Равнымъ образомъ были уничтожены и заемныя письма на имя Туманскаго по рѣшенію 7-го Департамента Правительствующаго Сената. Далѣе, въ представленныхъ копіяхъ съ производствъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената отвѣтчики обращаютъ вниманіе суда на слѣдующія данныя, обрисовывающія среду, въ которой находился Олонкинъ и условія этой послѣдней: 1) послѣдняя выдача Олонкинымъ заемныхъ обязательствъ на 300.000 руб. отставному поручику Танденфельду произошла, какъ Олонкинъ показываетъ, слѣдующимъ образомъ: 11-го сентября 1836 г. Олонкинъ, содержавшійся на гауптвахтѣ, по приглашенію Танденфельда, Телепнева и Подгаевскаго отправился на квартиру Телепнева, гдѣ Танденфельдъ, переломивъ чубукъ и угрожая, что онъ Олонкина не выпуститъ, началъ душить его и заставилъ подписать 8 заемныхъ писемъ на 300.000 р., написать росписку въ полученіи денегъ по нимъ сполна, еще росписку въ полученіи отъ Телепнева долга 19.000 руб. и письма къ брату Телепнева, отставному поручику Ивану Телепневу въ томъ, что должныя имъ по заемному письму и сохранной роспискѣ деньги всѣ сполна получилъ. По окончаніи всего былъ призванъ подольскій маклеръ Саламатинъ, который 28-го августа и внесъ заемныя письма въ принесенную имъ тетрадь. Слѣдствіемъ обнаружено, что тетрадь оказалась вшитою въ нотаріальную книгу и показаніе Танденфельда и Саламатина, что обязательства даны были Олонкинымъ въ Подольскѣ и 28-го августа, а не 11-го сентября, опровергнуто слѣдствіемъ. 2) Показаніе Сверчкова: Танденфельдъ разсказывалъ ему, что пригласивъ Олонкина въ квартиру 11-го сентября и выпивъ нѣсколько шампанскаго, предложили подписать ему заемныхъ писемъ на 400.000 руб., съ тѣмъ что за оныя дадутъ нѣсколько денегъ, въ которыхъ тотъ нуждался и когда Олонкинъ, будучи и прежде подобнымъ образомъ обманываемъ, не

соглашался подписать документы, то Танденфельдъ угрожалъ прибить его, а Олонкинъ, будучи великимъ трусомъ, немедленно оныя подписалъ и росписался въ маклерской книгѣ ожидавшаго тутъ маклера; послѣ того Олонкина напоили и отвезли на гауптвахту; при семъ Танденфельдъ объяснилъ, что маклеръ былъ Подольскій, съ нимъ заодно, которому и дано за сіе около 4.000 р., заемныя же письма записаны были въ книгу заранѣе дня за два. Писарь Өедоровъ въ разговорѣ съ Танденфельдомъ однажды говорилъ ему: „я боялся, что штука эта въ тоже время откроется, ибо маклера, получивши деньги, въ какомъ-то трактирѣ напились допьяна и цѣлковыми бросали въ стѣну.“ На это Танденфельдъ возразилъ: „я заблаговременно принялъ мѣры и пьяныхъ выпроводилъ изъ Москвы.“ 3) Показаніе Туманскаго: о противозаконныхъ процентахъ, взятыхъ Воейковымъ, онъ не донесъ потому, что половина города знаетъ Воейкова за извѣстнаго капиталиста, пользующагося необходимостію и крайностію, заставляющаго адресоваться къ нему и берущаго непомѣрные проценты. 4) Показаніе Салтыкова о томъ: 1) что имъ на имя Воейкова за 15.000 руб. выдано было заемное письмо въ 50.000 руб., въ полученіи которыхъ сполна, по требованію Воейкова, написалъ особую росписку, но изъ этихъ денегъ отъ Туманскаго, черезъ посредство котораго велись переговоры, получилъ только 600 руб.; 2) что онъ выдалъ г. Холмицкому заемное письмо въ 10.000 руб. съ тѣмъ, чтобы подъ него достать 600 р., но Холмицкій денегъ не досталъ и заемнаго письма не прислалъ.; 3) еще черезъ камердинера Туманскаго получилъ онъ 250 р., за которые далъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ заемное письмо въ 50.000 руб. Г. Кирсановъ, повѣренный истцовъ, и гг. Киркоръ и Смирнитскій, повѣренные отвѣтчиковъ, первый въ исковомъ прошеніи и копіи объясненія, поданнаго имъ въ Московскую Гражданскую Палату, вторые въ объяснительныхъ бумагахъ, право на которыя предоставлено было сторонамъ судомъ, и затѣмъ обѣ стороны при судебномъ состязаніи изложили слѣдующія обстоятельства: 1) въ отношеніи права на предъявленіе спора вообще и общаго характера возраженій отвѣтчиковъ г. Кирсановъ объяснилъ, что повѣренные, по предъявленіи имъ Палатою во исполненіе Высочайше утвержденнаго 10-го мая 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, дозволили (себѣ) смыслъ того мнѣнія объяснить въ слѣдующемъ значеніи: а) что наружная форма долговаго обязательства, будетъ ли оно совершено домашнимъ порядкомъ или крѣпостнымъ и явочнымъ, не можетъ имѣть никакого значенія и b) что безспорнымъ и дѣйствительнымъ обязательствомъ можетъ быть признано только то, по которому нѣтъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности займа и по симъ основаніямъ всѣ обязательства

Олонкина, не отрицая, что они дѣйствительно подписаны самимъ Олонкинымъ, признали безденежными. Между тѣмъ: 1) самое объясненіе смысла мнѣнія Государственнаго Совѣта произвольно и противорѣчитъ 3 ст. и прим. къ ней, а также 1 п. 749 ст. 2 ч. X т.; 2) доказательства безденежности основаны на предположеніяхъ, не имѣющихъ никакого юридическаго значенія; 3) противъ обязательствъ, перешедшихъ къ гг. Дензель, Волковымъ и Кирсановымъ не было заявлено спора о ихъ безденежности въ теченіи давности, тѣмъ болѣе, что изъ представленныхъ обязательствъ два совершены крѣпостнымъ порядкомъ, противъ которыхъ, по силѣ 2015 ст. 2 ч. X т., не пріемлются никакіе споры и 4) что повѣренные отвѣтчиковъ, при производствѣ въ Палатѣ, признали изъ представленныхъ туда 24 документовъ 11, изъ которыхъ 8 погасили мировою сдѣлкою, а 3 приняли за подлежащія удовлетворенію, между тѣмъ какъ они подобны во всемъ съ нынѣ оспориваемыми. 2) Повѣренные отвѣтчиковъ, гг. Киркоръ и Смирнитскій, противъ этого возразили, что: 1) обязательства Олонкина не могутъ быть безспорными и внѣшняя форма ихъ не можетъ имѣть безусловнаго значенія по отношенію къ дѣйствительности обязательствъ, ибо въ приведенной въ объясненіяхъ г. Кирсанова 78 ст. 2 ч. X т. сказано: „останавливается взысканіе Управы по обязательствамъ и договорамъ всякаго рода... когда акты даны отъ лицъ, признанныхъ безденежными, сумасшедшими, расточителями и мотами.“ Олонкинъ же былъ признанъ расточителемъ и мотомъ. 2) Указываемый 1 п. 749 ст., о значеніи при судебномъ разбирательствѣ подписи должника, относится до лицъ полноправныхъ, въ настоящемъ же дѣлѣ, гдѣ самое признаніе Олонкина было признано ничтожнымъ, давать такое значеніе подписи его было бы противорѣчіемъ логическому смыслу и Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта. Къ тому же, зная то положеніе, въ которомъ находился Олонкинъ и за признаніемъ его мотомъ и расточителемъ, они, не изучавшіе подписи Олонкина, скорѣе могутъ заподозрить подпись его руки по такому обязательству, по которому лицо кредитора имъ вовсе неизвѣстно, а сумма займа не значительна. Но имѣя передъ глазами несомнѣнные факты для дѣятельности такихъ кредиторовъ какъ Танденфельдъ, Туманскій и имъ подобные, они тѣмъ больше могутъ дать вѣроятіе подписи Олонкина, чѣмъ невѣроятнѣе будетъ цифра мнимаго займа. Слѣдственно неотрицаніе дѣйствительности подписи имѣетъ совершенно обратное значеніе, чѣмъ то, о которомъ говорится въ 1 п. 747 ст. относительно лицъ полноправныхъ. 3) Что ст. 2015 X т. не исключаетъ спора противъ безденежности крѣпостнаго заемнаго письма со стороны кураторовъ или опекуновъ надъ расто-

чителемъ и въ 4) мировыя сдѣлки показываютъ лишь на желаніе окончить дѣло миролюбно. По тремъ же обязательствамъ споръ прекращенъ лишь по невозможности въ настоящее время представить положительныя доказательства ихъ безденежности. Переходя къ опроверженію законности обязательствъ Олонкина, гг. Киркоръ и Смирнитскій дѣлаютъ общій очеркъ отношеній ихъ къ кредиторамъ, ссылаясь на данныя, находящіяся въ документахъ, ими представляемыхъ: Олонкинъ въ Москвѣ попалъ въ руки цѣлой шайки промышленниковъ безденежными обязательствами, ростовщиковъ и картежныхъ игроковъ, которые превратили Олонкина въ самаго отъявленнаго мота и расточителя. Изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта можно ясно усмотрѣть, до какой поразительной недобросовѣстности доходили главные изъ сообщиковъ — Туманскій, Танденфельдъ и др. Послѣ взятія съ Олонкина обязательствъ на значительную сумму, когда послѣдній уже имѣлъ достаточныя причины смотрѣть недовѣрчиво на своихъ мнимыхъ пріятелей, Туманскій и Танденфельдъ уже не скрываютъ своихъ намѣреній и прямо переходятъ къ насилію. Такъ Туманскій при одномъ только намѣреніи Олонкина обратиться къ помощи правительства о возвратѣ безденежныхъ заемныхъ обязательствъ, написанныхъ по требованію Туманскаго на имя князя Салтыкова, съ передачною надписью на Туманскаго, грозитъ Олонкину дуэлью, а передъ тѣмъ, подъ видомъ пріязни и шутки, диктуетъ Олонкину пасквиль, который представляется черезъ другихъ сообщниковъ начальству, возбуждается преслѣдованіе и Туманскій требуетъ съ Олонкина за свое сочиненіе 100.000 руб. Танденфельдъ же дѣлаетъ свое дѣло проще: заманивши Олонкина на квартиру Телепнева, онъ просто душитъ его за горло и заставляетъ Олонкина подписать обязательства, а затѣмъ безъ малѣйшаго стѣсненія утверждаетъ при слѣдствіи и судѣ, что Олонкинъ занималъ у него чистыя деньги, въ доказательство чего представляетъ такія же письма Олонкина, какія имѣются у гг. Волкова и Воейкова, въ которыхъ Олонкинъ преисполненъ благодарности къ своимъ кредиторамъ за сдѣланное ему одолженіе. Между тѣмъ другіе мнимые кредиторы Олонкина ведутъ дѣло болѣе осторожно: опутывая свою жертву, они не только не снимаютъ съ себя маски, но, по видимому, спѣшатъ подать руку помощи, подобно тому, какъ другъ Олонкина Подгаевскій, при насиліи Танденфельда, уговариваетъ несчастнаго не прекословить, утѣшаетъ возможностію отобрать отъ Танденфельда обязательства и въ тоже время тащитъ Олонкина въ заднюю комнату, гдѣ душилъ Олонкина Танденфельдъ и откуда Олонкинъ успѣлъ вырваться. При подобныхъ обязательствахъ мнимые защитники незамѣтно дѣлаются весьма солидными кредиторами за-

щищаемаго, не смотря на то, что нѣкоторые кредиторы въ тоже время, состоя должными другимъ, не имѣютъ возможности заплатить ничтожныхъ долговъ, какъ напр. плацъ-адъютантъ Малышевъ, жандармскій адъютантъ Волховскій. У послѣдняго даже неожиданно является капиталъ въ 60.000 руб., для сохраненія котораго онъ не находитъ мѣста болѣе надежнаго, какъ карманъ расточителя Олонкина, куда спѣшатъ положить, хотя и меньшіе капиталы, но тоже на сохраненіе, мѣняла Волковъ и знаменитый въ то время, по словамъ Туманскаго, ростовщикъ Воейковъ. Отсюда ясно, почему извѣстная часть долговъ Олонкина ускользнула отъ расслѣдованія, но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія о всѣхъ взятыхъ съ Олонкина долговыхъ обязательствъ были собраны по дѣлу Танденфельда, исключая сохранныхъ росписокъ, оставшихся безгласными, и Государственный Совѣтъ, имѣя въ виду эти обязательства и указывая даже на цифру послѣднихъ, пришелъ, согласно мнѣнію г. министра юстиціи, къ тому заключенію, что Олонкинъ былъ жертвою цѣлаго сообщества людей, промышляющихъ безденежными обязательствами, злонамѣренныя дѣйствія которыхъ устремлены были въ особенности на достояніе Олонкина. Переходя въ отдѣльности къ каждому изъ долговыхъ обязательствъ, гг. Киркоръ и Смирнитскій объясняютъ: 1) въ отношеніи заемныхъ писемъ, взятыхъ съ Олонкина поручикомъ Танденфельдомъ 1835 г. іюля 12-го въ 5000 р. и 17-го іюля въ 50.000 р., изъ коихъ первое передано на другой день, а второе въ тотъ же день г. Воейкову. По дѣлу объ обязательствахъ, бывшихъ въ виду Государственнаго Совѣта и выданныхъ Олонкинымъ Танденфельду въ 1836 году, Танденфельдъ положительно признанъ несостоятельнымъ къ дачѣ Олонкину взаймы денегъ, и самыя обязательства признаны недѣйствительными. Обязательства, выданныя Танденфельду и составляющія предметъ настоящаго иска, относятся къ тому же періоду дѣятельности Танденфельда и притомъ въ произведенномъ тогда слѣдствіи есть показаніе коллежскаго регистратора Сверчкова, который прямо говоритъ, что Танденфельдъ и прежде сего обманывалъ Олонкина. Безденежность этихъ заемныхъ писемъ доказывается и сроками передачи. Передача обязательства совершается всегда съ уступкою, слѣдственно вынуждается крайностію. Танденфельдъ 12-го іюля даетъ взаймы Олонкину 5000 р.; на другой день нуждается въ деньгахъ и передаетъ обязательство Воейкову, но не далѣе какъ черезъ четыре дня опять имѣетъ возможность дать взаймы 50.000 р. и обязательство въ тотъ же день передаетъ опять тому же Воейкову; 2) *по заемнымъ письмамъ на имя поручика Андрея Туманскаго 1835 г. іюня 18-го дня и въ тотъ же день переданнымъ Воейкову и сентября 5-го въ 35.000 руб., перешед-*

шимъ черезъ 8 дней г. Волкову. Въ 1835 году на имя Андрея Туманскаго Олонкинымъ написаны были слѣдующія заемныя письма: 18-го іюля два, каждое въ 15.000 р., 5-го сентября въ 35.000 р., 7-го декабря въ 20.000 р., 9-го декабря въ 20.000 руб. и 20-го декабря два: одно въ 40.000 руб., а другое въ 20.000 р. Сверхъ того, по убѣжденію Туманскаго, Олонкинъ написалъ заемныхъ писемъ на имя князя Салтыкова 23-го и 24-го декабря на 150.000 руб., на которыхъ просилъ Салтыкова сдѣлать передаточную надпись тому же Туманскому. Такимъ образомъ Олонкинымъ написано для Туманскаго съ 18-го іюля по 24-е декабря 1835 года обязательствъ на 355.000 руб., изъ коихъ три Туманскій передалъ: въ 15.000 р. Воейкову, въ 35.000 р. Волкову и въ 20.000 руб. Шубинскому; изъ написанныхъ на Салтыкова 100.000 р. Туманскій по собственному его сознанію проигралъ Митькову въ карты, а остальныя два передалъ Ломоносову и Иваненко. Вслѣдствіе возникшаго дѣла по жалобѣ Олонкина, обязательства, выданныя Салтыкову, уничтожены. Между тѣмъ Туманскій, преслѣдуемый своими кредиторами, не имѣя въ рукахъ обязательствъ Олонкина на 135.000 руб., объявляетъ ихъ будто бы утраченными, получаетъ засвидѣтельствованныя копіи изъ маклерскихъ книгъ и предъявляетъ по этимъ копіямъ искъ къ Олонкину, обезпечивая тѣмъ же и поступившія на него взысканія. Изъ этого возникло дѣло, рѣшенное въ 1845 г. Правительствующимъ Сенатомъ, уничтожившимъ эти обязательства. Несостоятельность Туманскаго къ дачѣ взаймы денегъ Олонкину доказывается: a) наглою недобросовѣстностію Туманскаго, доказываемою данными изъ представленныхъ документовъ; b) передачею обязательствъ вслѣдъ за полученіемъ другимъ лицамъ, въ томъ числѣ Воейкову обязательства въ 15.000 р. за 6.000 р.; c) собственною несостоятельностію, такъ какъ въ 1838 году надъ Туманскимъ былъ учрежденъ конкурсъ, по которому у Туманскаго не оказалось никакого имущества недвижимаго и движимаго, кромѣ самонужнѣйшей одежды. За 8 дней до полученія отъ Олонкина обязательства въ 30.000 р. Туманскій занимаетъ у чиновника Ольховскаго 10.000 р., а спустя 11 дней у купца Перелыгина; несостоятельность Туманскаго доказывается и тѣмъ, что онъ въ тоже время не можетъ уплатить долга въ 188 руб. 65 к. крестьянину Соловьеву. Убѣжденіе же Туманскаго о трудности кредита по заемнымъ письмамъ доказывается собственнымъ отзывомъ его по дѣлу о передачѣ имъ 40.000 р. по копіямъ женѣ брата и Волковскому; въ подтвержденіе изложеннаго, равно и послѣдующихъ данныхъ представлены копіи съ офиціальныхъ документовъ, „что не только такой огромной суммы 40.000 р. нельзя достать взаймы безъ обязательства законнаго и вѣр-

наго, но даже въ 10-ю часть меньше, съ чѣмъ безъ сомнѣнія всякъ согласится". 3) *По заемнымъ письмамъ на имя плацъ-адъютанта Малышева 1835 года октября 14-го 30.000 рублей, переданному 20-го мая 1836 года Воейкову, 9-го декабря 20.000 руб., черезъ 20 дней переданному г. Дензелю и 1836 года января 8-го въ 5.000 р., 7-го марта переданному г. Воейкову.* Несостоятельность г. Малышева положительно доказывается тѣмъ, что за два года до мнимаго займа Олонкина Малышевъ не могъ заплатить аптекарю Кейзеру за забранные медикаменты 650 руб. По произведенному 23-го сентября 1833 года дознанію полиціи, у Малышева ничего не оказалось, кромѣ носильнаго платья. Самъ Малышевъ показалъ, что ни денегъ, ни имѣнія онъ не имѣетъ. Средствомъ къ уплатѣ былъ лишь вычетъ изъ жалованья, который и производился до 1838 года. Въ то же время Малышевъ былъ долженъ и другимъ лицамъ, которыя удовлетворялись также долгами вычетомъ изъ его жалованья, что видно изъ 12 отношеній московскаго коменданта, писанныхъ въ теченіи времени отъ 1834 до 1837 г. Едва ли требуется за симъ дальнѣйшее поясненіе, что человѣкъ, не имѣющій никакого состоянія, кромѣ носильнаго платья и казеннаго жалованья до 400 р. и возможности уплатить въ продолженіе 4-хъ лѣтъ ни одному изъ своихъ кредиторовъ незначительныхъ суммъ, въ тоже время могъ бы дать взаймы 55.000 р. безъ всякаго обезпеченія и достаточно заявившему свое мотовство армейскому подпоручику. 4) *Въ отношеніи сохранныхъ росписокъ, выданныхъ гг. Волкову и Воейкову.* Касательно сохранныхъ росписокъ, не засвидѣтельствованныхъ полиціей, по убѣжденію гг. повѣренныхъ отвѣтчиковъ, въ случаѣ спора на основаніи законовъ, дѣйствовавшихъ до 1846 года, споръ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи другихъ достовѣрныхъ доказательствъ. Гг. Волковъ и Воейковъ никакихъ доказательствъ не представили. Самый фактъ отдачи ими на сохраненіе денегъ Олонкину, расточительность котораго была имъ извѣстна и въ городѣ, гдѣ кредитныя установленія платили проценты по вкладамъ, представляется недостовѣрнымъ. По всей вѣроятности сохранными росписками покрывались какіе-либо недозволенные счеты. 5) *Въ отношеніи заемныхъ писемъ на имя Турчанинова и Волкова* отвѣтчики заявивъ объ ихъ безденежности, объяснили, что они положительныхъ доказательствъ безденежности представить не могли, потому что, когда они стали требовать нѣкоторыя дѣла о долгахъ Олонкина, напр. по обязательствамъ Танденфельда и Салтыкова, то они, равно нѣкоторыя маллерскія книги, исчезли, несмотря на то, что одно дѣло Танденфельда состояло изъ 38 том., но безденежность этихъ обязательствъ судъ можетъ усмотрѣть изъ общаго характера

дѣла. 6) *Крѣпостное заемное письмо 1836 г. іюля 3-го въ 50.000 руб., срокомъ по 3 января 1837 г., на имя тит. совѣт. Евреинова, переданное Спиридонову.* Г. Евреиновъ представилъ при частной просьбѣ обязательство въ Надворный Судъ 2-го января 1847 г., вслѣдствіе публикаціи суда отъ 6 августа 1836 г. о представленіи долговыхъ претензій на Олонкина. Прошеніе заслушано 3-го января 1847 г. Наслѣдники Олонкина не признали этого документа обязательнымъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) документъ представленъ былъ въ послѣдній день истекавшей давности въ Надворный Судъ, вслѣдствіе будто бы публикаціи послѣдняго о лишеніи Олонкина довѣрія, но черезъ девять слишкомъ лѣтъ послѣ этой публикаціи; 2) представленъ въ неподлежащее учрежденіе, такъ какъ тогда Олонкинъ, проживая не въ Москвѣ, а въ Сычевскомъ уѣздѣ, былъ изъятъ изъ его вѣдѣнія; 3) представленъ при частной просьбѣ безъ приложенія исковыхъ пошлинъ, что должно считаться лишь оглашеніемъ иска, а не предъявленіемъ его; 4) затѣмъ Надворный Судъ обязанъ былъ возвратить прошеніе съ надписью; для истца же въ день подачи прошенія долженъ быть признанъ срокъ давности на искъ истекшимъ. Если Надворный Судъ и далъ движеніе прошенію, то неправильныя дѣйствія Суда въ этомъ отношеніи не могли ни возстановить права, утраченнаго истцомъ, ни создать оное вновь въ ущербъ правъ отвѣтчика. Что же касается до дѣйствительности займа, то, въ виду признаннаго Государственнымъ Совѣтомъ и особыхъ условій, при которыхъ Олонкинымъ выдаваемы были обязательства, нельзя не согласиться, что и этотъ заемъ былъ безденежный, такъ какъ Евреиновъ, служа въ то время экзекуторомъ Губернскаго Правленія и получая скромное жалованье, не могъ одолжить такую значительную сумму и при томъ лицу, извѣстному своею расточительностію. Со стороны же г. Спиридонова пріобрѣтеніе денежнаго документа, при заявленіи уже противъ него спора, представляется извѣстнаго рода спекуляціею, несоставляющею профессію купца, тѣмъ болѣе милліонера. Сущность возраженій повѣреннаго истцовъ г. Кирсанова заключается въ слѣдующемъ: что состоявшіяся судебныя рѣшенія, которыми признавались безспорными нѣкоторыя изъ заемныхъ обязательствъ Олонкина, могутъ имѣть силу закона лишь для тѣхъ дѣлъ, для которыхъ они постановлены; что требованіе доказательствъ возможности кредитора дать взаймы сумму, обозначенную въ обязательствѣ, не условлено закономъ, по которому сознаніе подписи на актѣ представляется вполнѣ достаточнымъ; что несостоятельность Туманскаго и Малышева къ выдачѣ суммъ при невозможности уплатить своихъ собственныхъ долговъ и удовлетворенія послѣднихъ вычетомъ изъ жалованья, ни-

чего не доказываетъ, такъ какъ можно отдавать въ долгъ, занимая у другаго, а вычетъ изъ жалованья представляется для нѣкоторыхъ болѣе удобнымъ средствомъ расплаты; что передача обязательства въ другія руки и отдача денегъ на сохраненіе составляютъ безспорное и безотчотное право каждаго частнаго лица; что же касается до пропущенія г. Евреиновымъ 10-лѣтней давности, будто бы вслѣдствіе неправильности подачи прошенія безъ представленія пошлинъ, слѣдуетъ сказать лишь то, что прошеніе было подано по установленной 242—284 ст. формѣ и затѣмъ никто и изъ другихъ кредиторовъ не представилъ исковыхъ пошлинъ; что наконецъ противъ всѣхъ предъявленныхъ нынѣ обязательствъ спора никто не заявилъ въ теченіи 10-тилѣтней давности, слѣдовательно право на споръ представляется нынѣ уже утраченнымъ. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, Окружный Судъ находитъ, что гг. повѣренные отвѣтчиковъ заявляютъ споръ о безденежности долговыхъ обязательствъ, составляющихъ предметъ настоящаго иска, опираясь главнымъ образомъ на заключенія высочайше утвержденныхъ по дѣламъ Олонкина мнѣній Государственнаго Совѣта 1-го ноября 1843 и 10-го мая 1865 г., изъ которыхъ однимъ опредѣляется общій характеръ отношеній Олонкина къ его кредиторамъ, другимъ признаются особыя права и обязанности его наслѣдниковъ въ отношеніи къ долговымъ обязательствамъ наслѣдодателя. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1-го ноября признано, что дѣло это (по долговымъ обязательствамъ Танденфельда) открываетъ сообщество людей разнаго званія, промышляющихъ карточною игрою и переводомъ безденежныхъ долговыхъ документовъ; злонамѣренныя дѣйствія ихъ въ особенности были устремлены на проживавшаго въ Москвѣ артиллерійскаго подпоручика Олонкина, который въ теченіи двухъ лѣтъ выдалъ въ Москвѣ разнымъ лицамъ заемныхъ обязательствъ на 762.825 р., кромѣ выданныхъ на имя отставнаго подпоручика Танденфельда на 300.000 руб., составляющихъ предѣлъ посягательства злоумышленниковъ на достояніе Олонкина. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 10-го мая было между прочимъ заключено, что, за силою 242 ст. XIV т., опеки, учрежденныя надъ расточителями, обязаны въ управленіи имѣніями и при уплатѣ долговъ расточителей дѣйствовать на правѣ кураторовъ; кураторы же при распредѣленіи долговъ несостоятельнаго на спорныя и безспорныя обязаны руководствоваться правилами въ 1939—1963 ст. XI т., и далѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что признаніе Олонкинымъ выданныхъ имъ долговыхъ актовъ не могло считаться обязательнымъ ни для опеки, учрежденной надъ нимъ, ни для его наслѣдниковъ, соединившихъ въ себѣ, по принятію отъ него наслѣдства, какъ права,

такъ и обязанности, которыя при его жизни были раздѣлены между имъ и его опекою. Переходъ этихъ правъ и обязанностей послѣ смерти лица, состоявшаго подъ опекою, къ его наслѣдникамъ не только въ томъ объемѣ, въ какомъ ими пользовался состоявшій подъ опекою самъ непосредственно, но и въ томъ, въ какомъ они принадлежали его опекѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ точному разуму 1.104 и 1.259 ст. 1 ч. X т. Принимая во вниманіе съ одной стороны, что вышеизложеннымъ заключеніемъ Государственнаго Совѣта, которое представляется положеніемъ, стоящимъ внѣ всякаго спора, обобщается характеръ отношеній Олонкина, какъ должника, не только къ тѣмъ кредиторамъ и тѣмъ обязательствамъ, которыя уже были въ виду Государственнаго Совѣта, но и къ тѣмъ, которыя, относительно выдачи къ тому же времени, по различнымъ причинамъ заявляются Суду позднѣе; съ другой стороны, имѣя въ виду особыя права, признанныя за наслѣдниками Олонкина въ отношеніи долговыхъ обязательствъ послѣдняго, Окружный Судъ находитъ, что всѣ изложенныя условія не могутъ остаться безъ вліянія на отношенія тяжущихся сторонъ на судѣ. Въ данномъ случаѣ представляются несомнѣнными указанія на то, что въ отношеніи долговыхъ обязательствъ Олонкина, находившагося въ рукахъ злонамѣреннымъ людей, и затѣмъ подвергнутаго за расточительность опекѣ, причемъ расточительность его, какъ признано Государственнымъ Совѣтомъ, выражалась именно выдачею безденежныхъ долговыхъ обязательствъ, и всѣ тѣ формальности, которыя установлены закономъ для охраненія дѣйствительнаго значенія займа, представляются непримѣнимыми къ настоящему дѣлу. Въ виду этого соображенія представляется необходимымъ требованіе доказательствъ справедливости иска помимо ссылки заинтересованной стороны лишь на выполненіе всѣхъ установленныхъ закономъ формальностей. При настоящемъ положеніи дѣла наслѣдники Олонкина представили доказательства и указали всѣ признаки, по которымъ возбуждается сомнѣніе или опровергается законность и дѣйствительность документовъ, истцы съ своей стороны ограничились лишь указаніемъ на соблюденіе при совершеніи и предъявленіи обязательствъ тѣхъ или другихъ узаконенныхъ при совершеніи, явкѣ и предъявленіи обязательствъ формъ и обрядовъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію долговыхъ документовъ, составляющихъ предметъ настоящаго иска, Судъ находитъ: 1) что всѣ представленныя заемныя обязательства, явочныя, крѣпостныя и сохранныя росписки выданы Олонкинымъ въ Москвѣ въ тотъ именно періодъ времени (съ 12-го іюля 1835 г. по 3 іюля 1836 г.), къ которому непосредственно относится заключеніе Государственнаго Совѣта, опредѣлившее

характеръ отношеній Олонкина къ его тогдашнимъ кредиторамъ. Заемное письмо, данное Танденфельду въ 300.000 р., признанное за предѣлъ посягательства злоумышленниковъ на достояніе Олонкина и затѣмъ уничтоженное какъ безденежное, выдано 11-го сентября 1836 г.; 2) что всѣ заемныя обязательства, за исключеніемъ сохранныхъ росписокъ, выданы на весьма значительныя суммы; въ связи съ этимъ представляется не лишеннымъ достовѣрности указаніе на положительную несостоятельность самихъ кредиторовъ, а именно: Малышева, Евреинова, Туманскаго и Танденфельда, причемъ послѣдній признанъ несостоятельнымъ къ выдачѣ Олонкину суммъ взаймы и Государственнымъ Совѣтомъ; 3) что изъ представленныхъ 13 документовъ на сумму 262.000 руб. четыре заемныхъ письма на сумму 105.000 р., выданныя на имя Туманскаго и Танденфельда, лицъ, дѣйствія которыхъ въ отношеніи Олонкина, по предмету вымогательства отъ него безденежныхъ документовъ, уже были признаны Государственнымъ Совѣтомъ и Общимъ Собраніемъ Сената преступными, а заемныя письма на ихъ имя безденежными; 4) что всѣ заемныя письма, за исключеніемъ выданнаго на имя Евреинова, продаются вслѣдъ за ихъ выдачею и даже въ самый день выдачи въ третьи руки, причемъ передавшіе являются въ теченіи самаго краткаго промежутка съ новыми обязательствами Олонкина еще на болѣе значительныя суммы; 5) что обязательства эти вслѣдъ за ихъ выдачей окупаются лишь преимущественно Волковымъ и Воейковымъ, состоявшими съ своей стороны непосредственно кредиторами его, какъ по заемнымъ письмамъ, такъ и долговымъ обязательствамъ, что болѣе или менѣе ясно указываетъ на то обстоятельство, что обязательства Олонкина составляли предметъ спекуляцій. 6) Что касается до сохранныхъ росписокъ гг. Волкова и Воейкова, то за этими документами нельзя признать значеніе акта поклажи или отдачи на сохраненіе, ибо отдача на сохраненіе условливается особымъ довѣріемъ къ лицу принимателя и особыми обстоятельствами лица отдающаго, изъ дѣла же видно, что эти лица, скупая долговые документы Олонкина и слѣдовательно зная его расточительность, очевидно не могли въ тоже время довѣрять ему для сохраненія значительныя суммы и при томъ не были поставлены никакими исключительными обязательствами въ необходимость къ отдачѣ своихъ капиталовъ на сохраненіе и 7) что наконецъ въ отношеніи крѣпостнаго заемнаго письма, даннаго на имя г. Евреинова 3-го января 1837 г., кромѣ указанія отвѣтчиковъ на несостоятельность кредитора къ представляемой цифрѣ займа, споръ опирается на истеченіи для акта земской давности. Имѣя въ виду что: а), по объясненію отвѣтчиковъ, не отвергну-

тому истцами, въ моментъ представленія документа въ Московскій Надворный Судъ, Олонкинъ по мѣсту своего жительства былъ послѣднему не подсуденъ и b) что предъявленіе документа при частной просьбѣ, а не при исковомъ прошеніи и безъ приложенія судебныхъ пошлинъ должно считать лишь оглашеніемъ иска, а тѣмъ, на основаніи прим. къ 213 ст. 2 ч. X т., не останавливается теченіе давности, затѣмъ должно признать, что самое обязательство, за пропущеніемъ 10-тилѣтней давности, должно быть признано по 220 ст. 2 ч. X т. утратившимъ обязательную силу. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе съ одной стороны вышеизложенныя соображенія Суда, съ другой доказательства и указаніе отвѣтчиковъ въ отношеніи безденежности документокъ и непредставленіе со стороны повѣреннаго истцовъ доказательствъ дѣйствительности займовъ и заслуживающихъ уваженія опроверженій противъ заявленнаго спора, кромѣ ссылокъ на соблюденіе установленныхъ закономъ формальностей, Судъ находитъ: 1) что изъ представленныхъ двухъ крѣпостныхъ заемныхъ писемъ, писанныхъ на имена гг. Евреинова и Танденфельда, первое должно быть признано лишеннымъ обязательнаго значенія за пропущеніемъ 10-тилѣтней давности, второе же должно быть признано безденежнымъ, какъ по тѣмъ общимъ признакамъ безденежности, которые были указаны выше, такъ равно и потому, что дѣйствія кредитора Танденфельда въ отношеніи Олонкина были уже признаны Государственнымъ Совѣтомъ и всѣ бывшія тогда въ виду этого судебнаго установленія долговыя обязательства, относящіяся къ тому же времени, уничтожены; при послѣднемъ же условіи признаніе документа по одному соблюденію обряда совершенія его крѣпостнымъ порядкомъ, устраняющимъ, на основаніи 2015 ст. X т. 1 ч., всякій споръ о безденежности, представляется уже вполнѣ неумѣстнымъ; 2) что всѣ остальныя заемныя письма, совершенныя явочнымъ порядкомъ, который не исключаетъ собою спора о безденежности, въ виду явныхъ признаковъ ихъ безденежности, должны быть признаны безденежными; 3) сохранныя росписки гг. Волкова и Воейкова, въ виду невозможности признать за ними того значенія, которое усвоивается договору поклажи или отдачи на сохраненіе и при существованіи и въ отношеніи къ нимъ указаній общей безденежности всѣхъ долговыхъ обязательствъ Олонкина, должны подчиниться вышесказаннымъ послѣдствіямъ и 4) что затѣмъ лица, къ которымъ долговыя обязательства Олонкина перешли не непосредственно, но по передачамъ отъ другихъ лицъ, не могутъ быть лишены права отыскивать убытки съ этихъ послѣднихъ установленнымъ порядкомъ. Окружный Судъ вслѣдствіе изложенныхъ соображеній и на основаніи 366, 367 и 368 ст.

Уст. Граж. Суд. и по силѣ 213, 220 ст. X т. ч. 2 и 2014 ст. X т. ч. 1, опредѣляетъ: повѣренному г. Спиридонова, Волковыхъ, Фирсанова и Дензель въ искѣ, предъявленномъ къ наслѣдникамъ Олонкина гг. Шпигельбергъ, Эндагуровой и Демьянову отказать, возложивъ судебныя издержки на отвѣтственность истцовъ.

IV.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда *по вопросу объ отвѣтственности Общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги по договору поставки, заключенному владѣльцемъ поклажи съ Обществомъ Московско-Рязанской желѣзной дороги.*

1867 года сентября 13 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по VI Отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Э. Н. Сумбула, въ составѣ членовъ суда: М. И. Коваленскаго и Н. Н. Загоскина, слушалъ дѣло о взысканіи коллежскимъ ассессоромъ Иваномъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ съ Общества Рязанско - Козловской желѣзной дороги за утрату лѣснаго матеріала 597 руб. 76 коп. сер. и по встрѣчному иску Общества за полежалое 396 руб. 90 коп. сер. Обстоятельства дѣла: повѣренный коллежскаго ассессора Ивана Ивановича Мусина-Пушкина, кандидатъ на судебныя должности Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ предъявилъ къ Обществу Рязанско-Козловской желѣзной дороги искъ 597 руб. 76 коп. сер. за утрату отправленнаго имъ лѣснаго матеріала. Искъ этотъ Шайкевичъ основываетъ на томъ, что Мусинъ-Пушкинъ отправилъ изъ Москвы въ Ряжскъ 300 досокъ и 1.500 тесинъ еловыхъ шести-аршинныхъ подъ клеймами Г. М. П., въ чемъ ему и выдана квитанція, при сдачѣ же товара оказалось, что въ наличности подъ буквами Г. М. П. находится до 400 штукъ тесу, вмѣсто же остальнаго предложено было принять совершенно другой лѣсъ подъ буквами Б. Ю., о чемъ и составленъ былъ на мѣстѣ актъ. Находя, что при отсутствіи отправленнаго товара Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги обязано вознаградить отправителя товара, Шайкевичъ проситъ, на основаніи 609 и 643 ст. т. X ч. 1, взыскать съ того Общества 597 руб. 76 коп. сер. При прошеніи Шайкевичъ представилъ: 1) квитанцію Московской станціи Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги въ принятіи отъ г. Пушкина для перевозки на станцію Ряжскъ трехъ вагоновъ лѣснаго матеріала и 2) копію съ акта осмотра, составленнаго 4 августа 1867 года, по прошенію Мусина-Пушкина, чиновникомъ полиціи при стороннихъ людяхъ.

По осмотру оказалось: 1) что изъ трехъ стопъ досокъ и тесу въ одной стопѣ подъ буквами Г. М. П. находится до 400 штукъ, изъ которыхъ нѣкоторыя остроганы и прочетвертованы, остальныя доски и тесъ подъ буквами Б. Ю.; 2) что подъ буквами Г. М. П. нѣсколько досокъ и тесу употреблено на пристройку къ дому, занимаемому начальникомъ дистанціи и нѣсколько на подмостки и верстаки. Противъ иска Мусина-Пушкина повѣренный Общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги присяжный повѣренный Евстафій Генрихович Белингъ предъявилъ встрѣчный искъ за полежалое 396 руб. 20 коп. сер. При словесномъ разбирательствѣ Шайкевичъ къ изложенному въ исковомъ прошеніи добавилъ, что въ квитанціяхъ, выдаваемыхъ отправителямъ, не дѣлается точнаго обозначенія отправляемыхъ товаровъ, поэтому и въ представленной имъ квитанціи означено только, что принято три вагона лѣснаго матерьяла, но что отправлены были еловыя доски и тесъ именно въ томъ количествѣ, какъ показано въ исковомъ прошеніи, признало само Общество, предлагавшее Мусину-Пушкину принять 1.500 тесу и 300 досокъ еловыхъ шестиаршинныхъ; затѣмъ, что какъ доски, такъ и тесъ были подъ клеймомъ Г. М. П., могутъ подтвердить выставленные имъ два свидѣтеля, которыхъ онъ и проситъ допросить: одного о томъ, что онъ, находясь при выработкѣ тесу и досокъ, клалъ на оныя клеймо, а другаго о томъ, что онъ сдалъ на московскую станцію лѣсъ именно подъ клеймами Г. М. П. Цѣнность отправленнаго лѣса Шайкевичъ опредѣлялъ въ 597 руб. 76 коп. на основаніи представленной имъ разцѣночной вѣдомости, правильность которой при возраженіяхъ противной стороны можетъ быть повѣрена показаніемъ свѣдущихъ людей. Наконецъ встрѣчный искъ Общества Шайкевичъ оспоривалъ на томъ основаніи: 1) что полежалое уплачивается за сбереженіе товара, какъ видно изъ 70 § условій перевозки; но Общество не только не сохранило отправленнаго товара, но само употребило оный для своихъ надобностей и 2) что о непринятыхъ товарахъ въ теченіе одного мѣсяца Общество по § 2 правилъ о продажѣ непринятыхъ вещей обязано публиковать въ вѣдомостяхъ, и несоблюденіе этого правила лишаетъ Общество права на взысканіе за полежалое за все время, прошедшее отъ окончанія мѣсяца до публикаціи; но Общество предполагало сдѣлать публикацію въ концѣ іюля, и поэтому въ правѣ получить за полежалое лишь за одинъ мѣсяцъ. Въ доказательство того, что публикацій не было сдѣлано Шайкевичъ представилъ копію съ отношенія въ Правленіе Общества агента по коммерческой части отъ 24 іюля 1867 года за № 725 съ приложеніемъ публикаціи о вызовѣ, которую и просилъ переслать для напечатанія въ вѣдомостяхъ. На это Белингъ возра-

зилъ, что на Ряжской станціи имѣется лѣсной товаръ Мусина-Пушкина, тотъ именно, въ принятіи котораго выдана представленная къ дѣлу квитанція и потому за принятіе того товара Общество считаетъ себя въ правѣ взыскать за полежалое по тарифу 396 руб. 90 коп. сер.; что же касается до ссылки Шайкевича на свидѣтелей, то спросъ ихъ по мнѣнію Белинга совершенно неумѣстенъ, ибо по показанію истца имъ извѣстно только какой товаръ отданъ былъ на Московскую станцію Московско-Рязанской желѣзной дороги, но Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать лишь за то, что случится на его участкѣ, то-есть отъ Рязани до Козлова оно приняло лѣсной матеріялъ тотъ, который означенъ въ квитанціи, того же, чтобы на Рязанскую станцію сданъ былъ лѣсъ подъ буквами Г. М. П. истецъ ничѣмъ не доказалъ. На это Шайкевичъ возразилъ, что если Белингъ виновнымъ въ утратѣ товара считаетъ Общество Московско-Рязанской желѣзной дороги, то въ правѣ лишь привлечь это Общество въ качествѣ третьяго лица. Белингъ остался при первомъ возраженіи. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Окружный Судъ находитъ: 1) что Мусинъ-Пушкинъ сдалъ лѣсъ на Московскую станцію Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги и чрезъ то вошелъ по этой отправкѣ въ договорныя отношенія съ послѣднимъ Обществомъ, поэтому и всѣ послѣдствія, вытекающія изъ этого договора, въ силу 569 и 570 ст. т. X ч. 1, обязательны лишь для Мусина-Пушкина и для Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги, какъ договорившихся сторонъ; 2) что Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги по этому договору можетъ подлежать какой-либо отвѣтственности не иначе какъ вслѣдствіе добровольнаго принятія оной на себя; 3) что послѣднее Общество хотя и вступило въ отвѣтъ по иску Мусина-Пушкина, основанному на томъ договорѣ и предъявило встрѣчный искъ по оному, но затѣмъ въ лицѣ своего повѣреннаго заявило, что принимаетъ на себя отвѣтственность лишь за происшедшее на его участкѣ, а не на станціяхъ участка Московско-Рязанскаго. При такомъ заявленіи Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги не можетъ считаться добровольно принявшимъ на себя всю отвѣтственность по договору Мусина-Пушкина съ Московско-Рязанской дорогою, хотя отвода по 3 п. 571 ст. Уст. Гр. Суд. и не предъявило; а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія исполненіе договора на участкѣ Московско-Рязанскомъ, въ томъ числѣ и сдача на Московскую станцію лѣса подъ клеймами Г. М. П., не могутъ имѣть вліянія на разрѣшеніе въ существѣ настоящаго иска, а потому и спросъ свидѣтелей, выставленныхъ истцомъ въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства, оказывается излиш-

нимъ (Рѣш. Касс. Деп. Сен. по дѣлу Артаповой № 206); 3) что безъ представленія со стороны истца доказательствъ того, что на Рязанскую станцію Общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги сданъ былъ лѣсъ подъ клеймами Г. М. П., неимѣніе на Ряжской станціи того Общества 300 досокъ и 1.500 тесу подъ вышеозначеннымъ клеймомъ не доказываетъ утраты тѣмъ Обществомъ товара Мусина-Пушкина и не даетъ послѣднему права на взысканіе 597 руб. 76 коп.—цѣнности отправленнаго имъ изъ Москвы лѣса; 4) что при отрицаніи со стороны Мусина-Пушкина принадлежности ему находящагося на Ряжской станціи лѣснаго товара, Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги ничѣмъ не доказало, что хранитъ на Ряжской станціи товаръ Мусина-Пушкина съ марта мѣсяца, а потому встрѣчный искъ за полежалое оказывается недоказаннымъ. По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что повѣренный Мусина-Пушкина ничѣмъ не доказалъ, что между Обществами желѣзныхъ дорогъ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской существуютъ особыя отношенія, въ силу которыхъ одно отвѣчаетъ за дѣйствія другаго, Окружный Судъ постановляетъ: 1) спроса выставленныхъ повѣреннымъ Мусина-Пушкина свидѣтелей не допускать; 2) какъ Мусину-Пушкину такъ и Обществу Рязанско-Козловской желѣзной дороги во взаимныхъ искахъ отказать; 3) взысканіе по дѣлу судебныхъ издержекъ на основаніи 870 ст. Уст. Гр. Суд. возложить съ суммы пятисотъ девяноста семи руб. на Мусина-Пушкина, а съ суммы трехъ сотъ девяноста семи рублей сер. на Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги.

Въ главѣ рѣшеній, напечатанныхъ въ настоящей книжкѣ Юридическаго Вѣстника, мы не безъ основанія помѣстили рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по весьма важному вопросу, остававшемуся до сихъ поръ въ нашей практикѣ чрезвычайно спорнымъ—вопросу о правѣ пожизненнаго владѣльца имѣнія обязывать своихъ преемниковъ по этому имѣнію къ исполненію договора, заключеннаго имъ на срокъ далѣе его смерти. Не смотря на всю кажущуюся ясность того положенія, что нельзя предоставлять въ распоряженіе или пользованіе другому того, на что не имѣешь самъ права и тѣмъ менѣе обязывать третье совершенно постороннее лицо (какимъ является въ отношеніи къ пожизненному владѣльцу имѣнія собственникъ этого имѣнія) къ исполненію такого договора,— въ практикѣ представлялось то сомнѣніе, что владѣльцемъ имѣнія бываетъ обыкновенно его собственникъ и только по исключенію пожизненный его распорядитель; почему всякой, вступающій съ

нимъ въ такой договоръ, который можетъ быть совершенъ и не крѣпостнымъ порядкомъ и даже въ бо́льшей части случаевъ дѣлается на дому, предполагая его собственникомъ, въ назначеніи продолжительнаго срока для дѣйствія означеннаго договора не только не видитъ себѣ стѣсненія или опасности, а напротивъ охотно на него соглашается въ виду выгодъ, представляемыхъ долгосрочной арендой. Если же напротивъ того контрагента поставить въ такое положеніе, чтобы, при заключеніи всякаго договора, ему надлежало требовать отъ владѣльца предъявленія доказательства, на какомъ основаніи онъ распоряжается отдаваемымъ въ аренду имуществомъ, то съ одной стороны это понизило бы цѣну сего послѣдняго устраненіемъ отъ него многихъ наемщиковъ, для которыхъ, какъ сказано выше, долгосрочные наймы гораздо выгоднѣе, почему чрезъ это былъ бы стѣсненъ и самый владѣлецъ, а съ другой стороны — даже при состоявшемся наймѣ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ — арендаторъ не сталъ бы предпринимать никакихъ улучшеній въ наемномъ имѣніи изъ опасенія смерти владѣльца, что́ опять отозвалось бы невыгодно на самомъ имѣніи, а при множествѣ подобныхъ сдѣлокъ и на общественномъ благосостояніи. Но такія экономическія соображенія, сами по себѣ можетъ быть очень основательныя, не имѣютъ твердой юридической почвы. Право пользованія имѣніемъ, предоставляемое пожизненному владѣльцу, ограничено завѣщателемъ его смертью, такъ что за предѣлами этого срока ни наслѣдники пожизненнаго владѣльца, ни третьи лица, по данному имъ обязательству, не могутъ продолжать этого пользованія, а оно должно составлять нераздѣльное право съ правомъ собственности того лица, къ которому на основаніи сего послѣдняго права имѣніе перешло съ момента смерти пожизненнаго владѣльца. Поэтому и суммы, взятыя пожизненнымъ владѣльцемъ впередъ за то время, въ теченіи котораго имущество уже не могло находиться въ его распоряженіи или пользованіи, собственникъ въ правѣ потребовать назадъ какъ доходъ, не принадлежавшій умершему. Съ точки же юридической въ пользу продолженія договора, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, и послѣ его смерти можно было бы указать лишь на то, что договоръ, заключенный лицомъ въ то время, когда оно имѣло на то право, не долженъ быть уничтоженъ безъ согласія его или его наслѣдника. Но здѣсь-то и является вопросъ о срокѣ на который пожизненный владѣлецъ былъ въ правѣ заключать договоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что ограниченіе, налагаемое завѣщателемъ на владѣльца пользоваться предоставляемымъ ему имуществомъ только пожизненно есть нечто иное, какъ назначеніе срока, далѣе котораго это пользованіе простираться не должно;

а за тѣмъ такъ точно какъ нарушеніе закономъ опредѣленнаго срока для отдачи имѣнія въ аренду дѣлаетъ ничтожнымъ самый договоръ, такъ точно и нарушеніе срока, въ томъ случаѣ когда онъ назначенъ волею завѣщателя, должно также дѣлать ничтожнымъ договоръ, составленный вопреки этой волѣ. Разница заключается только въ томъ, что въ первомъ случаѣ нарушеніе закона очевидно въ самый моментъ составленія договора, во второмъ же это нарушеніе оказывается лишь со смертію пожизненнаго владѣльца, именно неистеченіемъ при его жизни срока, на который договоръ былъ имъ заключенъ. А потому если въ первомъ случаѣ есть основаніе къ уничтоженію контракта непосредственно по его заключеніи, во второмъ такое основаніе представляется только по смерти пожизненнаго владѣльца. Въ этомъ смыслѣ и постановлено рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по означенному вопросу съ яснымъ указаніемъ на принятыя имъ основанія и съ добавленіемъ, что въ законахъ допущено отсюда изъятіе только для договоровъ, совершаемыхъ пожизненнымъ владѣльцемъ имѣнія, предоставленнаго ему по правиламъ о передачѣ родоваго имѣнія однимъ изъ супруговъ въ пожизненное владѣніе другаго.

Къ вопросу о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ въ силу завѣщаній, принадлежитъ и второе изъ помѣщенныхъ выше рѣшеній. Московскій Окружный Судъ призналъ этимъ рѣшеніемъ, что предоставленіе завѣщателемъ при его жизни своего имущества хотя и въ безотчетное распоряженіе извѣстнаго лица, но *для передачи его третьимъ лицамъ, сдѣланное на словахъ*, не можетъ имѣть силы какъ завѣщаніе словесное. По строгому смыслу нашихъ законовъ, не допускающихъ такихъ завѣщаній, нельзя не признать вполнѣ правильнымъ это рѣшеніе, и потому мы остановимся здѣсь не на основаніи его, которое очевидно, но на смыслѣ, какой долженъ принадлежать словамъ „въ безотчетное распоряженіе,“ съ которыми весьма часто завѣщатели передаютъ свои капиталы лицамъ, признаваемымъ ими своими душеприкащиками. Значитъ ли это, что они дѣлаютъ ихъ собственниками означенныхъ капиталовъ? Конечно нѣтъ, ибо подъ безотчетными распоряженіями завѣщатели разумѣютъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ такія дѣйствія, которыя предварительно указаны ими душеприкащикамъ если не вполнѣ точно, то все-таки довольно вразумительно, какъ-то: употребить капиталъ на богоугодное дѣло, для раздачи въ монастыри, нищимъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, если эти дѣйствія указаны были душеприкащикамъ наединѣ, а передача капитала въ безотчетное распоряженіе происходила гласно, то душеприкащикъ освобождается отъ всякой повѣрки въ употребленіи полу-

ченнаго капитала. Онъ можетъ его взять себѣ, на свои надобности, и никто не въ правѣ сказать, что онъ распорядился имъ несогласно съ волею завѣщателя. Поэтому слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, на такія передачи имущества, выраженныя завѣщателемъ словесно или и письменно смотрѣть не иначе какъ на даръ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ слѣдовало бы считать ничтожными, чрезъ что однако была бы чрезмѣрно стѣснена воля завѣщателя, который именно въ довѣріи къ душеприкащику поручаетъ ему безусловно свой капиталъ, не желая назначеніе его дѣлать общеизвѣстнымъ. Правда, не трудно законодательнымъ путемъ постановить, чтобы завѣщатели прямо и точно выражали свою волю о предоставленіи въ безотчетное распоряженіе имущества передачею его въ видѣ дара или собственности; но, такое названіе передачи было бы противно не только волѣ завѣщателя въ томъ случаѣ, когда онъ предварительно сообщилъ хотя и наединѣ, душеприкащику свое настоящее распоряженіе, но съ другой стороны и самому душеприкащику дало бы совершенно иное понятіе и убѣжденіе объ отношеніи, въ которомъ онъ долженъ быть по смерти завѣщателя къ предоставленному въ его распоряженіе имуществу.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу о взысканіяхъ съ наслѣдниковъ поручика Олонкина представляетъ любопытный и конечно рѣдкій примѣръ случаевъ, гдѣ точное примѣненіе закона оказывается потачкою злоумышленныхъ дѣйствій, которыми, подъ прикрытіемъ этого закона, достигаются корыстныя цѣли. Дѣло въ томъ, что заемныя письма, выданныя Олонкинымъ своимъ кредиторамъ, были вполнѣ законны по формѣ и подлежали бы взысканію, еслибы не было доказано, что должникъ подписывалъ ихъ подъ вліяніемъ нравственнаго гнета и даже физическаго насилія, которыхъ не обжаловалъ своевременно только потому, что, испорченный воспитаніемъ и увлекаемый страстями, постоянно нуждался въ деньгахъ, а этой потребности его удовлетворяли тѣ самыя лица, на коихъ ему надлежало бы жаловаться, ссужая его суммами, писавшимися тогда же въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ въ означенныхъ заемныхъ письмахъ отъ его имени. И такъ здѣсь были очевидно съ одной стороны насиліе и обманъ, соединенные съ обходомъ закона, съ другой же — безденежная по преимуществу выдача заемныхъ писемъ лицомъ, не имѣвшимъ достаточной силы воли обнаружить въ опредѣленный закономъ срокъ происходившія при этомъ злоупотребленія. Слѣдовало ли при такихъ данныхъ удовлетворять кредиторовъ по обязательствамъ, предъявленнымъ ко взысканію съ Олонкина, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе? Вотъ вопросъ, уже разрѣшенный прежде Московскаго Окружнаго Су-

да Государственнымъ Совѣтомъ и Правительствующимъ Сенатомъ, до которыхъ дошли нѣкоторыя изъ этихъ взысканій, тѣмъ, что, въ виду учрежденной (въ 1840 г.) надъ Олонкинымъ опеки за расточительность, даже долги имъ самимъ признанные не могутъ быть считаемы безспорными. Такимъ образомъ учрежденіе опеки дало поводъ къ разбору предъявленныхъ ко взысканію заемныхъ писемъ и нѣкоторыя изъ нихъ были уничтожены; а отсюда очевидно, что Государственный Совѣтъ и Сенатъ не безусловно отвергли въ настоящемъ случаѣ силу формы, которою законъ ограждаетъ дѣйствительность акта, но вслѣдствіе предварительнаго признанія правительственною властію учрежденіемъ опеки надъ лицомъ, выдававшимъ заемныя письма, что оно не способно было въ этомъ отношеніи пользоваться тѣми правами, какія предоставлены, говоря вообще, всѣмъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ. Такъ какъ однако до учрежденія опеки надъ расточителемъ и до публикаціи о томъ, чтобы ему не было дѣлаемо довѣрія въ займахъ, никто не могъ знать объ означенныхъ ограниченіяхъ Олонкина въ его правахъ, то было бы несправедливо лишать возврата данныхъ въ заемъ суммъ тѣ лица, которыя дѣйствовали, ссужая его деньгами, добросовѣстно. Слѣдовательно разборъ силы заемныхъ писемъ долженъ былъ основываться на удостовѣреніи суда, что кредиторы, въ нихъ написанные, суть мнимые, что они воспользовались имуществомъ Олонкина безденежно или даже посредствомъ насилія. По прошествіи многихъ лѣтъ это едвали было бы исполнимо въ отношеніи къ каждому отдѣльному обязательству; вотъ почему Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ признали, что вообще изъ предъявленныхъ ко взысканію заемныхъ писемъ не подлежатъ удовлетворенію тѣ, которыя были получены лицами, дѣйствовавшими, какъ дознано, въ сообществѣ съ цѣлью добывать обманомъ деньги отъ Олонкина и другихъ. Съ этой точки зрѣнія постановилъ свое рѣшеніе и Окружный Судъ. Опираясь на мнѣніе Государственнаго Совѣта, онъ хотя и разсмотрѣлъ каждое изъ представленныхъ ко взысканію обязательствъ въ отдѣльности, но при оцѣнкѣ доказательствъ со стороны истцовъ и отвѣтчиковъ не только отвергъ всякое значеніе соблюденія формы въ этихъ обязательствахъ, но и счелъ почти излишнимъ входить въ сколько нибудь подробныя соображенія о доказательствахъ безденежности ихъ и только остановился на вопросѣ о предъявленіи одного заемнаго письма по истеченіи давности. Напротивъ всю тяжесть доказательствъ, что тотъ или другой документъ выданъ не безденежно, онъ возложилъ на истцовъ и такъ какъ послѣдніе такихъ доказательствъ, кромѣ самихъ законно совершенныхъ документовъ, не представили, то и опредѣлилъ имъ отказать.

Давая отчетъ объ этомъ рѣшеніи Московскаго Окружнаго Суда, мы считаемъ себя обязанными сказать наше мнѣніе по поводу слышанныхъ нами противъ него возраженій и въ виду состоявшейся, какъ говорятъ, не смотря на такое рѣшеніе, мировой сдѣлки между истцами и отвѣтчиками. Намъ кажется, что Окружный Судъ имѣлъ поводъ и даже обязанность руководствоваться мнѣніями Государственнаго Совѣта по дѣлу Олонкина, но что принявъ ихъ въ основу своихъ соображеній, онъ пошелъ далѣе распространеніемъ сужденій Совѣта и на лица, которыхъ послѣдній не касался. Дѣйствительно, Государственный Совѣтъ, какъ мы видѣли выше, призналъ ничтожными нѣкоторыя заемныя письма, выданныя Олонкинымъ, на томъ основаніи, что написанные въ нихъ кредиторы были изобличены въ преступныхъ изворотахъ, которыми они занимались въ сообществѣ и за которые даже были высланы изъ столицы. Свои же сужденія относительно лицъ, не бывшихъ въ виду Совѣта, Окружный Судъ основалъ лишь на своихъ соображеніяхъ и предположеніяхъ, которыя очевидно недостаточны для того, чтобы, во вредъ этимъ лицамъ и въ пользу отвѣтчиковъ, измѣнить установленный въ законахъ порядокъ относительно силы заемныхъ писемъ и сохранныхъ росписокъ. Мы думаемъ поэтому, что въ настоящемъ случаѣ Суду для примѣненія къ дѣлу пріема, употребленнаго Государственнымъ Совѣтомъ, относительно признанія ничтожными нѣкоторыхъ обязательствъ Олонкина—надлежало предварительно приготовить себѣ ту самую почву, на которой въ этомъ отношеніи дѣйствовало высшее государственное учрежденіе.

Послѣднее изъ помѣщаемыхъ нами рѣшеній вызываетъ два вопроса, недостаточно въ немъ разъясненные: вопросъ: „имѣетъ ли извѣстное лицо право взыскивать по обязательству, совершенному съ нимъ другимъ лицомъ, не съ этого послѣдняго, а съ третьяго лица, въ томъ случаѣ когда это третье лицо не только вступаетъ въ отвѣтъ, но представляетъ къ истцу свой встрѣчный искъ по тому же обязательству?“—и вопросъ объ отвѣтственности двухъ лицъ, дѣйствующихъ по взаимному соглашенію условливаться съ третьими лицами въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, въ томъ случаѣ если изъ такого условія возникнетъ искъ противъ того или другаго? Поставленные въ такой общей формѣ и во взаимной связи, вопросы эти подлежатъ, по нашему мнѣнію, утвердительному отвѣту; но въ частности все зависитъ отъ того договора, который состоялся между лицами, обязавшимися къ извѣстнымъ дѣйствіямъ другъ за друга, именно: условились ли они по этому договору отвѣтственностью одинъ за другаго или нѣтъ, и въ послѣд-

немъ случаѣ объявлялось ли о принятіи или непринятіи ими другъ за друга такой отвѣтственности третьимъ лицамъ при заключеніи съ ними договора тѣмъ или другимъ? По неуясненію этихъ основаній во взаимныхъ условіяхъ между Обществами Московско-Рязанскимъ и Рязанско - Козловскимъ и въ договорѣ заключенномъ г. Мусинымъ-Пушкинымъ съ первымъ изъ этихъ Обществъ, разсматриваемымъ нами судебнымъ рѣшеніемъ отказано обѣимъ сторонамъ въ ихъ требованіяхъ; но одна изъ нихъ уже обжаловала, какъ мы слышали, это рѣшеніе Судебной Палатѣ. И такъ мы имѣемъ надежду еще разъ возвратиться къ болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію предложенныхъ вопросовъ.

Н. К.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Объясненіе на возраженіе г. Н. К., по вопросу о душеприкащикахъ и опекунахъ.[1])

Ученый споръ долженъ приводить къ уясненію какой-нибудь истины. Споръ съ такимъ сильнымъ въ дѣлѣ права и ученымъ оппонентомъ, каковъ г. Н. К., тѣмъ болѣе способенъ къ уясненію дѣла. Но для этого должно оставить въ сторонѣ личность спорящихъ и личныя ихъ воззрѣнія, и обратиться къ какому-нибудь простому, объективному, наглядному изложенію спорнаго дѣла. Въ данномъ вопросѣ думаю прежде всего держаться фактовъ, которые должно свѣрить съ законами, и если нѣтъ въ нихъ ничего противозаконнаго, признать дозволенными. Эти факты при этомъ представляю на благоусмотрѣніе читателей. Какъ установить факты для разумнаго построенія института душеприкащиковъ, это послѣдующій вопросъ, ученый, законодательный, во всякомъ случаѣ, будущій. Итакъ изложимъ дѣло въ отдѣльныхъ фактахъ.

1) Душеприкащики существуютъ у насъ въ жизни, и существуютъ законно, такъ что сами судьи, или практика не могутъ не допускать ихъ.

2) Всѣ и каждый изъ русскихъ, ученые, практики и простые граждане постоянно признаютъ аналогію и въ тоже время дѣлаютъ различіе между душеприкащиками и опекунами, и даже

---

1) „Юрид. Вѣстн." кн. 2 за авг. 1867 г. Отд. Критика, стр. 62 и слѣд.

Мы не дѣлаемъ никакихъ возраженій на это объясненіе, потому что на всѣ доводы, представляемые здѣсь авторомъ въ пользу его мнѣнія, нами уже данъ былъ отвѣтъ въ нашихъ статьяхъ по этому предмету, напечатанныхъ въ Юрид. Вѣстникѣ. *Н. К.*

между самими душеприкащиками, изъ которыхъ одни имѣютъ весьма небольшія права, и не входятъ въ кругъ настоящаго спора, а другіе назначаются съ полными правами, и объ нихъ-то исключительно ведемъ свою рѣчь.

3) Душеприкащики являются въ Россіи гораздо раньше опекуновъ, о которыхъ наши законы впервые заговорили со временъ Петра Великаго, не уничтоживъ учрежденія душеприкащиковъ. Замѣчательно, что, по Эйхгорну, и въ Германіи римская опека введена актомъ о полиціи, Reichs-Polizeyordnung, XVI ст.

4) Мало имѣемъ свѣдѣній о душеприкащикахъ, какъ они дѣйствовали въ древности; за то вполнѣ знаемъ ихъ значеніе современное изъ частыхъ завѣщаній, совершаемыхъ преимущественно лицами купеческаго званія, наименѣе, по особенности быта, подвергшагося вліянію гражданскихъ законовъ X т. Свода, и наиболѣе сохранившаго старину въ этомъ отношеніи.

5) Объ опекунахъ существуютъ цѣлыя законоположенія, и именно въ X т. 1 ч. Свода Законовъ, который, на основаніи указовъ Петра Великаго и Екатерины II, вполнѣ опредѣляетъ назначеніе и дѣятельность опекуновъ, оставляя въ силѣ, какъ и указы названныхъ государей, учрежденіе душеприкащиковъ.

6) Сводъ Законовъ опредѣляетъ *установленіе* опекуновъ, говоря, что они могутъ быть назначаемы по завѣщанію, и, только при несуществованіи завѣщательнаго о нихъ распоряженія, по закону.

7) Сводъ Законовъ опредѣляетъ *дѣятельность* опекуновъ, говоря, что имъ поручается попеченіе объ особѣ, о лицѣ малолѣтнаго, и объ его имуществѣ.

8) Сводъ *ограничиваетъ* это попеченіе извѣстнымъ срокомъ, а именно 14-ти лѣтнимъ возрастомъ дитяти, послѣ чего предоставляетъ несовершеннолѣтнему просить и избрать себѣ попечителя, для содѣйствія въ распоряженіи имуществомъ.

9) Сводъ *подчиняетъ* опекуновъ надзору, отчетности и отвѣтственности предъ опекунскимъ управленіемъ, а именно предъ Дворянской Опекой и предъ Сиротскимъ Судомъ.

10) Очевидно, что учрежденіе опеки и попечительства есть заимствованіе, допущенное въ дополненіе, а не въ замѣнъ душеприкащиковъ, заимствованіе съ Запада того, что носитъ тамъ латинское названіе tutela et cura minorum, или curatela, съ разными видоизмѣненіями.

11) Наоборотъ учрежденіе душеприкащиковъ, съ значеніемъ опекуновъ, есть своеобычное, старинное русское учрежденіе, котораго ни древнѣйшіе, ни новѣйшіе законы, напр. Свода не уничтожили, не уничтожаютъ и не измѣняютъ, и которое потому

признается закономъ и практикою наряду съ учрежденіемъ опекуновъ.

12) Въ отличіе отъ опекуновъ, *опредѣленіе*, или *назначеніе* душеприкащиковъ никогда не совершается по закону, а исключительно по завѣщанію.

13) Въ отличіе отъ опекуновъ, *дѣятельность* душеприкащиковъ не опредѣляется закономъ, а исключительно завѣщаніемъ или волею умирающаго.

14) Въ отличіе отъ опекуновъ, душеприкащики ни однимъ словомъ, или намекомъ закона не *подчинены* Дворянской Опекѣ или Сиротскому Суду, которые знаютъ, или вѣдаютъ однихъ опекуновъ.

15) Въ отличіе отъ опекуновъ, дѣятельность душеприкащиковъ *не ограничена*, по закону, извѣстнымъ срокомъ, напр. 14-ти лѣтнимъ возрастомъ малолѣтнаго, такъ что душеприкащикъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ званіе опекуна и попечителя.

16) Требуемый жизнію, допускаемый закономъ и практикой, душеприкащикъ можетъ по завѣщанію получить порученіе, какъ и опекунъ завѣщаніемъ установленный, по ст. 263, пещися о личности малолѣтнаго, „объ его здоровьи, религіозномъ воспитаніи, помѣщеніи въ училище, приготовленіи къ жизни трудолюбивой и безмятежной", отыскивая, по ст. 265, законнаго удовлетворенія малолѣтному, въ случаѣ нанесенія ему личнаго оскорбленія, и даже, какъ опекуны въ губерніяхъ: Черниговской и Полтавской, по ст. 264, давать согласіе на вступленіе въ бракъ, — что, конечно, было бы установлено для опекуновъ въ великорусскихъ губерніяхъ, еслибы опека не прекращалась 14-ти лѣтнимъ возрастомъ, когда еще рано думать о бракѣ.

17) Наконецъ безспорно, что душеприкащикъ имѣетъ право пещись объ имуществѣ приказаннаго ему, вполнѣ, по назначенію завѣщателя, вотчинника. Стало-быть, душеприкащикъ замѣняетъ опекуна, и тамъ, гдѣ назначенъ, въ завѣщаніи, душеприкащикъ, излишне назначать опекуна подобно тому, какъ излишне назначать тамъ опекуна отъ правительства, гдѣ онъ назначенъ завѣщаніемъ. Одно назначеніе исключается другимъ. Завѣщанія съ душеприкащиками именно стремятся къ устраненію опекунскаго управленія, а такъ какъ законъ нигдѣ не выражаетъ требованія, чтобы всѣ и каждый изъ малолѣтныхъ сиротъ непремѣнно подвергались опекѣ какъ на Западѣ, гдѣ нѣтъ другаго аналогическаго учрежденія, то устраненіе опеки, волею завѣщателя, должно признать законнымъ, какъ законно устраненіе правительственнаго опекуна завѣщательнымъ.

18) Находятъ незаконнымъ распоряженіе завѣщанія о личной судьбѣ малолѣтнаго, какъ то дѣлается въ завѣщаніяхъ съ душе-

прикащиками, и при этомъ указываютъ на опредѣленіе завѣщанія, данное Сводомъ X т. 1-й ч. въ ст. 1010. Въ этомъ мѣстѣ, т.-е., *въ раздѣлѣ о безмездномъ пріобрѣтеніи правъ на имущества*, законъ дѣйствительно говоритъ, что *завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ*; но потому, что здѣсь дѣло идетъ объ имуществѣ; ибо статья 227 того же Свода тамъ, гдѣ говорится о личныхъ правахъ гражданъ, даетъ власть родителямъ „назначать въ духовномъ завѣщаніи къ ихъ малолѣтнымъ дѣтямъ опекуновъ, по собственному избранію," разумѣется, со всѣми правами, опредѣленными статьею 263. Гдѣ же законъ, запрещающій родителямъ поручать подобное попеченіе о лицѣ малолѣтнаго душеприкащикамъ?

19) На основаніи вышесказаннаго, должно согласиться, что, пока законъ формально не уничтожитъ душеприкащиковъ, или особыми своими распоряженіями не ограничитъ ихъ права и дѣятельности, до тѣхъ поръ учрежденіе душеприкащиковъ для суда и практики есть законный фактъ, и всякое посягательство ихъ на это учрежденіе должно признавать косвеннымъ насиліемъ, которое они дѣлаютъ родителямъ и завѣщателямъ.

20) Для устраненія такого косвеннаго, фактическаго насилія, задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы вполнѣ выяснить явленіе и значеніе душеприкащиковъ, и тѣмъ способствовать законодательству въ его разумной реформѣ института, если то нужно.

21) Поднявъ вопросъ о душеприкащикахъ, мы обращаемся къ наукѣ и къ ученымъ съ предложеніемъ порѣшить дѣло о свойствѣ и разумномъ размѣрѣ правъ и власти душеприкащиковъ, а не проходить молчаніемъ это явленіе нашей жизни, какъ было доселѣ. Наука имѣетъ права, но жизнь должна имѣть свои, и прежде всего свободу развитія, столь необходимую для развитія самой науки.

22) Замѣтимъ, что разнообразіе въ источникахъ права и въ его формахъ есть между прочимъ признакъ наибольшей свободы лицъ, и что эта свобода должна служить основою преимущественно для гражданскаго частнаго права. Съ своей стороны мы считаемъ юридическою бѣдностію то, что въ извѣстной странѣ принятое тамъ римское право изъ гостя стало хозяиномъ, вытѣснило народныя учрежденія и установило одну форму попеченія о дѣтяхъ — опеку; и наоборотъ считаемъ сравнительно пріобрѣтеніемъ для права существованіе у насъ рядомъ и опеки и института душеприкащиковъ. Нельзя не видѣть въ наше время скачка, не замѣтнаго въ римской республикѣ, при учрежденіи, по которому родители тотчасъ замѣняются правительствомъ, тогда какъ родители могутъ еще для дѣтей быть замѣнены ду-

шеприкащиками; а въ ихъ небытность, опекунами завѣщательными, и уже, при отсутствіи всего семейнаго, правительственной опекой.

23) Заключимъ примѣромъ. Г. А такъ несчастливъ, что не имѣетъ ни задушевнаго друга, ни такой жены, которымъ могъ бы спокойно довѣрить своихъ дѣтей и ихъ имущество, на случай своей смерти; господину А остается одно—установить опеку. Г. Б напротивъ, такъ счастливъ, что имѣетъ вѣрныхъ друзей и превосходную мать для своихъ дѣтей; съ какой стати, во имя какого принципа, и по какому закону лишите его права назначить этихъ достойныхъ людей душеприкащиками съ почетнымъ довѣріемъ, съ отвѣтственностію по суду, предъ заинтересованными лицами, и затѣмъ съ освобожденіемъ отъ формальныхъ, часто безполезныхъ тревогъ и докукъ, vexationes? Вотъ мой единственный вопросъ.

В. Лешковъ.

Судебные Уставы 20-го ноября 1864 г. съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, указаніемъ взаимной связи статей, изложеніемъ тѣхъ законовъ, на которые содержатся въ уставахъ ссылки и съ прибавленіемъ всѣхъ позднѣйшихъ узаконеній, поясняющихъ и дополняющихъ Судебные Уставы. С.-Петерб., 1867 г., въ 12-ю долю, цѣна 1 р. 50 к.

Настольная книга для нотаріусовъ и руководство для частныхъ лицъ при совершеніи всякаго рода актовъ и договоровъ. Москва, 1867 г., въ 8-ю долю.

При оказывающейся у насъ ежедневно потребности, со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, ближайшимъ образомъ знакомиться каждому съ этими уставами, не должны быть однако забываемы и другія, изданныя въ прежнее и издаваемыя въ позднѣйшее время узаконенія, которыя служатъ имъ поясненіемъ и дополненіемъ. Съ этою цѣлью издатели юридическихъ сочиненій устремили свою дѣятельность на составленіе карманныхъ, настольныхъ и подъ другими названіями книгъ, которыя, находясь подъ рукою у тѣхъ, кому приходится особенно часто обращаться съ законами, совмѣщали бы въ себѣ какъ новыя положенія, такъ и относящіяся къ нимъ преж-

нія постановленія, ими неотмѣненныя. Чѣмъ болѣе облегчается такимъ способомъ изученіе означенныхъ положеній, тѣмъ эти книги полезнѣе для тѣхъ, кто не посвящаетъ себя исключительно юридической дѣятельности. Съ своей стороны полагаемъ не лишнимъ, въ виду настоящей потребности, указывать иногда на тѣ новыя изданіи, которыя ей болѣе или менѣе удовлетворяютъ. Къ разряду такихъ книгъ принадлежатъ именно двѣ настольныя, коихъ заглавіе здѣсь выписаны. Въ первой, кромѣ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., читатели найдутъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, разныя узаконенія, изданныя въ поясненіе и дополненіе судебныхъ уставовъ съ 19-го октября 1865 г. по 27 іюня 1867 г., въ томъ числѣ и положеніе о нотаріальной части, выписки изъ прежнихъ законовъ, на которые дѣлаются ссылки въ новыхъ уставахъ и изъ рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, которыми разъясняется смыслъ разныхъ статей этихъ уставовъ, и наконецъ алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ помѣщенныхъ въ книгѣ постановленіяхъ, для удобнѣйшаго ихъ пріисканія. Вторая же книга издана исключительно для нотаріусовъ и въ пособіе составляющимъ разные акты. Поэтому въ ней помѣщены только положеніе о нотаріяльной части и правила, относящіяся къ введенію его въ дѣйствіе; но къ этому прибавлены, при тѣхъ статьяхъ Положенія, гдѣ сдѣланы ссылки на судебные уставы 20-го ноября 1864 г. и на статьи Свода, полныя выписки изъ тѣхъ и другихъ узаконеній. Кромѣ того въ особыхъ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены изъ Уставовъ же и Свода нѣкоторыя формы и статьи, относящіяся къ составленію актовъ и дѣйствіямъ нотаріусовъ. Считаемъ однако необходимымъ замѣтить, что въ это изданіе не вошли составленныя вновь Министерствомъ Юстиціи „временныя правила для руководства мировыхъ судей, нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ при примѣненіи нотаріальной части", распубликованныя Правительствующимъ Сенатомъ при указѣ отъ 3-го ноября сего года въ № 91 Собраніи узаконеній и распоряженій отъ правительства.

ПОДОЗРѢНІЕ

И СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 1864 ГОДА.

Въ то незавидное время, когда царствовала сила уликъ и доказательствъ, а съ ними и 2-я часть XV тома, — существовало подозрѣніе сильное и простое, какъ наказаніе за преступленіе. Подозрѣніе это, конечно, было наказаніемъ для высшихъ сословій, т.-е. тамъ, гдѣ присущно понятіе о чести, хотя наружной, но для низшихъ сословій, въ сущности оно ничего не значило, а если и значило, то только потому, что влекло за собою нѣкоторыя обязательныя послѣдствія, какъ напр. ссылку, если оставленный въ подозрѣніи не былъ принимаемъ въ общество. Тогда, какъ извѣстно, онъ ссылался въ Сибирь не на счетъ общества, а на счетъ казны. Это послѣднее обстоятельство, именно ссылка на счетъ казны, и было причиною, что законъ этотъ принесъ дѣйствительную пользу. Множество негодяевъ, тяготившихъ общество, къ которому они принадлежали, отправились, по московскому выраженію, „по Владимиркѣ", т.-е. въ Сибирь, именно потому, что на ссылку ихъ не надо было собирать денегъ, съ которыми крестьяне вообще, по трудности добыванія ихъ, разстаются неохотно.

Законъ, дозволившій такимъ господамъ, извергаемымъ своимъ обществомъ, — отыскивать другое общество, которое бы согласилось принять его, на 60-верстномъ отъ прежняго разстояніи, принесъ, какъ оказалось впослѣдствіи, гибельные плоды. Подъ видомъ того, что полугодичный срокъ на отысканіе этого общества еще не истекъ,—а въ законѣ не сказано было точными словами, что до истеченія этого полугодичнаго срока подобный господинъ въ своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства жить не можетъ,—они проживали дома и зная что они тутъ не жильцы, а новаго общества отыскать нельзя и что слѣдственно по истеченіи полугодія ихъ ожидаетъ вѣрная ссылка, — они позволяли

себѣ всякія буйства, всякаго рода крайности, а иногда и преступленія, ибо очень хорошо знали, что кромѣ той ссылки, которая ихъ и безъ того ожидаетъ, они ничѣмъ не рискуютъ. Что расчетъ ихъ былъ вполнѣ вѣренъ, это доказывается тѣмъ, что менѣе нежели черезъ три года сила 315 ст. XV Тома, части 2-й была возстановлена обществамъ, и право обществъ ссылать такихъ господъ на счетъ казны, возобновлено, хотя и съ нѣкоторыми ничтожными ограниченіями.

Изъ всего вышеписаннаго, кажется, ясно, что 315 ст. XV тома имѣла благодѣтельныя послѣдствія, а съ нею, какъ причина, и законъ объ оставленіи въ подозрѣніи.

Уставы 20-го ноября 1864 года уничтожили силу уликъ и доказательствъ, а съ ними и всю вторую половину XV тома. Говорить о благодѣяніи судебной реформы кажется нечего: всѣ это знаютъ, у всякаго оно на языкѣ. Еще на дняхъ одинъ присяжный засѣдатель, изъ московскаго почетнаго купечества, въ первой разъ увидя новое судопроизводство, невольно воскликнулъ: батюшки мои! да какъ же это хорошо!... Вотъ ужь взяточничать то нельзя, „хоть бы хотѣлось!...“ Эти нехитрыя слова, невольно вырвавшіяся изъ сердца человѣка, не посвященнаго въ юридическія тайны, по моему мнѣнію, составляютъ лучшую похвалу *новому суду*, какъ его называютъ въ народѣ.

Но если новый судъ привелъ съ собою правду и милость, то изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ надо было отместь все старое, какъ будто бы оно было все негодно.... И въ старомъ законодательствѣ были свои хорошія стороны, и къ числу этого хорошаго принадлежитъ 315 ст. 2 части XV тома, т.-е. право ссылать негодныхъ членовъ общества, когда они за преступленія оставлены судебнымъ мѣстомъ въ подозрѣніи....

Нельзя не согласиться, что русскій человѣкъ долготерпѣливъ въ высшей степени. Для того, чтобъ онъ рѣшился написать: такого то надо сослать въ Сибирь! надо, чтобъ этотъ такой-то крѣпко насолилъ ему; чтобъ онъ вывелъ его изъ терпѣнія; чтобъ это былъ, наконецъ, вполнѣ пропавшій человѣкъ, на исправленіе котораго ни подъ какимъ видомъ надѣяться уже нельзя. Принявъ это за основаніе, нельзя не согласиться, что 315 ст. въ рукахъ народа была орудіемъ не опаснымъ, но дѣйствительно полезнымъ, вполнѣ практичнымъ и совершенно достигающимъ своей цѣли.

Съ уничтоженіемъ этой полезной статьи закона, на ея мѣсто не осталось ничего, что могло бы замѣнить ее, въ случаѣ если вредный членъ общества, сильно подозрѣваемый, не можетъ подпасть подъ кару закона на столько, чтобы можно было отъ него избавиться по суду. Право, данное мировому судьѣ, осуждать по

одному нравственному убѣжденію, какъ будто замѣняетъ собою приговоръ общества, но какъ ни широко это право (сознаться должно, что право это слишкомъ велико, а потому даже нѣсколько и опасно), оно не можетъ вполнѣ замѣнить его: какъ бы ни стоялъ близко мировой судья къ массамъ,—онъ все-таки не можетъ понять вполнѣ всѣхъ необходимостей этихъ массъ, да и на судѣ своемъ, какъ бы ни желалъ мировой судья судить по одному нравственному убѣжденію, онъ не можетъ, да и не долженъ этого дѣлать, не рискуя уронить значеніе *праваго* суда, тѣмъ еще болѣе, что мировой съѣздъ, по положенію своему стоящій гораздо дальше отъ массъ, будетъ смотрѣть на вещи далеко не такъ какъ участковый судья и конечно потребуетъ, во имя справедливости, юридическихъ данныхъ для обвиненія. Такимъ образомъ, мировой судья при всемъ желаніи избавить общество отъ вреднаго члена, не въ силахъ ничего сдѣлать, какъ по чувству собственнаго понятія о правдѣ, такъ и потому, что не пожелаетъ видѣть свое рѣшеніе отмѣненнымъ и тѣмъ уронить значеніе своихъ рѣшеній въ будущемъ.

Если въ такомъ положеніи находится мировой судья, имѣющій въ своихъ дѣйствіяхъ несравненно больше простора, тѣмъ болѣе Окружной Судъ и Судебная Палата, обвиняющіе уже прямо на основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, и строго сообразуясь съ закономъ, не могутъ и не должны обвинять или предавать суду человѣка, только подозрѣваемаго въ преступленіи. Съ уничтоженіемъ повальнаго обыска въ предварительныхъ слѣдствіяхъ, для судьи не осталось критеріума, на которомъ онъ могъ бы основать понятіе о нравственности подсудимаго, и обвиняющей Палатѣ, совершенно уже удаленной отъ массъ, не остается ничего болѣе, какъ руководиться строго тѣмъ, что написано на бумагѣ, согласно личнымъ впечатлѣніямъ слѣдователя, и прекратить дѣло по недостатку уликъ *въ строго формальномъ юридическомъ смыслѣ*, т.-е. освободить человѣка вовсе отъ преслѣдованія, хотя бы нравственное убѣжденіе и говорило, что отъ подобнаго господина очень бы не худо было избавить общество. Для того, чтобъ обвинительный актъ достигъ своей цѣли, т.-е. чтобы преступникъ былъ обвиненъ и наказанъ, надо чтобъ обвинительный актъ этотъ построенъ былъ на прочныхъ основаніяхъ; чтобы данныя преступленія выставлялись ярко и рельефно; чтобы люди, невоспитанные въ юридической школѣ и не посвященные въ тонкости юридическаго анализа, т.-е. присяжные, могли ясно видѣть вину преступника и основываясь на фактахъ, а не на догадкахъ только, могли произнести свое роковое: да, виновенъ! Не имѣя въ рукахъ такихъ строгихъ данныхъ, обвиняющей Палатѣ ничего не остается дѣлать болѣе, какъ,

скрѣпя сердце, прекратить дѣло, т.-е. освободить негодяя, хотя бы нравственное убѣжденіе и громко говорило о необходимости обвиненія. Нельзя не сказать при этомъ, что большинство преступниковъ—*рецидивы*, т.-е. уже судившіеся прежде и даже нѣсколько разъ. Такіе господа по чувству самосохраненія, а частію отъ скуки заключенія, изучаютъ формы закона гораздо скорѣе нежели кто-нибудь во время содержанія своего въ острогахъ, этихъ высшихъ школахъ законовѣдѣнія и разврата, и какъ судившіеся нѣсколько разъ, очень хорошо знаютъ гдѣ и что надо сказать для того, чтобъ избѣгнуть кары закона. Это самые опасные изъ преступниковъ и они то болѣе всего и избѣгаютъ наказанія. Вотъ для такихъ-то господъ, которыхъ по суду достать нельзя, а между тѣмъ всѣми чувствуется вредъ отъ нихъ проистекающій, 315 ст. была истиннымъ благодѣяніемъ.

Безнаказанность за преступленіе, какъ всѣмъ извѣстно, роняетъ значеніе суда, а съ нимъ и уваженіе къ закону. Противъ этого, я полагаю, спорить никто не будетъ. Когда всѣ въ околодкѣ знаютъ, что Иванъ Николаевъ напр. воръ, всѣ опасаются его и радуются когда онъ попадется, ожидая: авось-то, наконецъ, его осудятъ и ушлютъ куда-нибудь подальше. И вотъ вслѣдствіе того, что противъ него нѣтъ юридическихъ доказательствъ, которыя Иванъ Николаевъ предвидѣлъ и расположилъ такъ, что самъ вышелъ сухъ изъ воды, предпочитая загребать жаръ чужими руками, онъ остается безнаказаннымъ, потому только что Судебная Палата или Окружный Судъ не признали возможнымъ преслѣдованіе и прекратили дѣло по недостаточки уликъ, т.-е. освободили Ивана Николаева отъ суда....

Это, какъ я сказалъ, производитъ на массы чрезвычайно дурное впечатлѣніе. Всегда найдутся говоруны, имѣющіе, какъ извѣстно, большое вліяніе на большинство, которые начнутъ толковать о пристрастіи, фаворитизмѣ, даже о взяткахъ, и суду нѣтъ возможности защититься противъ этого голоса большинства, именно потому что судъ, призванный защищать и предохранять общество отъ зла въ лицѣ преступныхъ его членовъ, не защитилъ и не обезопасилъ общества отъ этого зла, а далъ вредному человѣку возможность продолжать наносить тотъ вредъ, освободиться отъ котораго общество такъ сильно желало.

Понимая судъ судомъ правды и закона, я никогда не посмѣю даже и желать, чтобы судъ дѣйствовалъ внѣ закона и чтобъ уголовные процессы были процессами тенденціонными, т.-е. судомъ произвола. Сохрани насъ Боже отъ этого! Хоть я и не понимаю хорошо теоріи одного возмездія и скорѣе готовъ согласиться съ тѣми, которые учатъ, что наказаніе есть предупреж-

деніе преступленія страхомъ наказанія, я тѣмъ не менѣе могу не сознаться, что если судъ есть судъ правды, то онъ не можетъ и не долженъ спускаться на арену другихъ соображеній кромѣ правды, т.-е. возмездія, и что не судъ долженъ быть вооруженъ тою сѣкирою страха, которая воздерживаетъ преступныхъ членовъ общества отъ нарушенія гармоніи въ этомъ обществѣ путемъ диссонанса, т.-е. преступленія.

Не могу не сказать однако при этомъ, что какъ бы ни высоко стояло значеніе суда, невозможно, да и не желательно, по моему мнѣнію, чтобъ олицетворяющая его Ѳемида была вполнѣ съ завязанными глазами. Если она должна быть слѣпа для того, чтобы не разбирать и не дѣлать различія между тѣми, кого касается карающій мечь ея, то изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть равнодушна къ безопасности общества. По моимъ понятіямъ, никакой судья не долженъ забывать, что онъ членъ общества и слуга ему—не слуга интересовъ или другихъ какихъ конечныхъ цѣлей,—но слуга его безопасности и поставленъ обществомъ для этого на стражѣ. Сохрани Богъ, если судья начнетъ думать, что онъ живетъ въ эѳирѣ, въ отвлеченченномъ мірѣ понятій о правдѣ; что ему нѣтъ дѣла до общества; что общество само по себѣ, а онъ самъ по себѣ, и что слѣдственно онъ не слуга общества, а только судья ему! Такой судья, мнѣ кажется, не принесетъ ничего кромѣ вреда и будетъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которыя, завязавши себѣ глаза, колотятъ плеткой на обѣ стороны, не разбирая и не зная почемъ ударили. Такое дитя можетъ только выхлеснуть другому глазъ, разбить что-нибудь нужное. Міръ отвлеченій есть самая ребяческая сфера дѣйствія. Ни одинъ человѣкъ не можетъ освободиться отъ условій мѣста и времени, и по-неволѣ самое законодателство несетъ на себѣ отпечатокъ присущихъ обществу, въ извѣстный историческій моментъ, понятій о добрѣ и правдѣ. Обманывать себя нечего: абсолютной правды нѣтъ— и судья, который бы возмостился такъ высоко въ собственномъ умѣ, что захотѣлъ бы служить одной абсолютной правдѣ, сейчасъ сталъ бы въ явное противорѣчіе съ положительнымъ законодательствомъ, по той простой причинѣ, что и само законодательство, какъ выше сказано, есть отпечатокъ вѣрованій извѣстной исторической минуты. Я сказалъ выше: судъ не можетъ быть административнымъ преслѣдователемъ недоказаннаго преступленія, понеже онъ судъ, но онъ долженъ идти рука объ руку съ администраціей и помогать ей въ преслѣдованіи дѣяній, вредныхъ обществу. Въ благоустроенномъ государствѣ все должно идти рядомъ, согласно другъ съ другомъ, и значеніе суда

не можетъ и не должно быть диссонансомъ въ ряду другихъ проявленій государственной гармоніи. Если судъ по своему устройству, по своей сущности, самъ не можетъ преслѣдовать вредныхъ дѣяній, онъ можетъ указывать на нихъ тѣмъ, кто можетъ ихъ преслѣдовать внѣ юридическихъ формъ—и при господствующемъ направленіи нашего законодательства къ самоуправленію—лучше всего вооружить этою карающею силою само общество, больше всего заинтересованное въ томъ, чтобъ зла ему вреднаго не было. Если нельзя возстановить 315 ст. XV тома въ томъ видѣ, въ какомъ она была прежде при подозрѣніи, ее можно возстановить въ другомъ видѣ, предоставивъ обществу, только при прикосновенности человѣка къ дѣлу, подавать уже свой голосъ о томъ: желаетъ ли оно имѣть его въ своей средѣ, или нѣтъ,—предоставивъ затѣмъ суду (а отнюдь не другому кому), на основаніи строго и опредѣлительно поставленныхъ гарантій, ставить опредѣленіе и объ этомъ желаніи общества. Только одинъ судъ, при разсмотрѣніи дѣла, можетъ видѣть на сколько прикосновенность лица къ дѣлу изобличаетъ въ немъ присутствіе преступной воли; только одинъ судъ можетъ съ точностію, изъ совокупности уликъ въ дѣлѣ открывающихся, извлечь истинныя данныя для того, чтобы сказать: да! это человѣкъ вредный и изъятіе его изъ общества дѣйствительно полезно.

Есть множество дѣлъ, гдѣ общество въ лицѣ понятыхъ свидѣтелей или выбранныхъ людей при предварительномъ слѣдствіи громко заявляетъ желаніе избавиться отъ одного изъ своихъ членовъ по его неблагонадежности. Это заявленіе постоянно остается гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ,—и на судѣ не ведетъ за собою рѣшительно никакихъ послѣдствій. Почему бы не принимать суду этихъ заявленій матеріаломъ для особаго рода преслѣдованія какъ напр. предоставленія обществу права, не по произволу его, который иногда можетъ быть и пристрастенъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ вліяній, но основываясь на рѣшеніи суда, избавиться отъ враждебныхъ ему элементовъ?

Скажутъ: общество и безъ суда можетъ составить приговоръ объ удаленіи одного изъ своихъ членовъ. Составить-то оно можетъ, да вѣдь приговоръ объ этомъ долженъ идти на контроль административному лицу или учрежденію, которыя, не зная причины этого заявленія, почти всегда относились къ нему подозрительно и своимъ вмѣшательствомъ, безъ знанія причинъ, парализовали волю общества, ближе всего заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Къ тому же трата денегъ на ссылку, особливо при настоящемъ безденежьи во всѣхъ классахъ, болѣе всего мѣшаетъ крестьянскимъ обществамъ пользоваться своимъ правомъ. Ссыл-

ка должна стоить отъ 50 до 70 р.; прибавляя къ этому отправку до губернскаго города для сдачи, проживательство тамъ, другіе расходы, окажется что ссылка одного человѣка обойдется обществу не менѣе 100 р., не говоря уже о томъ, что въ родственникахъ сосланнаго общество пріобрѣтаетъ себѣ вѣчныхъ враговъ, которыхъ при ссылкѣ правительствомъ быть не можетъ.

У мировыхъ судей ведутся списки лицамъ, приговореннымъ судьею къ какому бы то ни было наказанію. Списки эти могли бы быть чрезвычайно полезны для этого случая. Попался человѣкъ три раза—значитъ это господинъ отпѣтый, сдѣлавшій себѣ изъ преступленія ремесло,—и слѣдственно неисправимый. Вмѣсто того чтобы по ст. 1655 Улож. предавать его суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые приговорятъ его къ арестантскимъ ротамъ, гдѣ онъ (считая все, т.-е. проценты съ капитала на выстройку тюрьмы, ремонтъ зданія, жалованье чиновникамъ, солдатамъ, одежду, дрова, пищу и проч.) станетъ не менѣе 20 к. въ день, а въ годъ около 75 р., не лучше ли прямо ссылать его въ Сибирь, истративши единовременно 75 р. на пересылку. И тѣмъ болѣе это представляется раціональнымъ, что вообще мѣста заключенія на долгіе сроки, только воспитываютъ во злѣ людей еще не совсѣмъ порочныхъ и превращаютъ ихъ въ самыхъ отчаянныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ, отъ которыхъ исправленія уже рѣшительно ждать нечего.

Чтобъ еще болѣе уяснить мысль мою, я, въ заключеніе, считаю не лишнимъ формулировать то, что мною написано выше. Позволяю себѣ желать:

a) чтобы въ предварительныхъ слѣдствіяхъ возстановлены были повальные обыски;

b) чтобы, въ случаѣ заявленнаго обществомъ крестьянъ въ селеніяхъ, или мѣщанъ въ городахъ, желанія удалить кого-нибудь изъ порочныхъ своихъ членовъ, судебнымъ слѣдователемъ прилагался къ слѣдствію приговоръ объ этомъ общества, составленный не менѣе какъ двумя-третями голосовъ этого общества;

c) чтобы на Окружные Суды возложено было, хотя бы дѣло по недостаточности юридическихъ данныхъ и подлежало прекращенію, входить въ разсмотрѣніе приговора общества и если бы приговоръ этотъ оказался основательнымъ, присуждать обвиняемаго къ ссылкѣ на счетъ казны;

d) чтобы, въ случаѣ если Окружнымъ Судомъ приговоръ общества и признанъ былъ недостаточнымъ для удаленія порочнаго лица, общество не лишено было права ссылки его административнымъ образомъ, и наконецъ

е) чтобы вмѣсто передачи подсудимаго за третью кражу, согласно 1655 ст. Улож., суду присяжныхъ засѣдателей, безразлично выше или ниже 300 р. эта кража, въ случаѣ обвиненія, такое лицо присуждаемо было не къ арестантскимъ ротамъ, а ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

И. С.л.в.н.въ.

Сентября 2-го.

Отъ редакціи. Обсужденіе изложенныхъ въ статьѣ автора соображеній и вывода, по неимѣнію мѣста въ настоящемъ выпускѣ журнала, отлагается до другаго раза.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Отъ императорскаго московскаго университета.

Въ будущемъ 1868 году *Московскія Университетскія Извѣстія*, вступая въ третій годъ своего существованія, будутъ издаваться по слѣдующей программѣ:

Офиціальный отдѣлъ. Въ немъ помѣщаются: Протоколы засѣданій Университетскаго Совѣта; особыя мнѣнія профессоровъ, принадлежащихъ къ числу членовъ Совѣта по разнымъ вопросамъ, годичный отчетъ о состояніи Московскаго университета и соединенныхъ съ нимъ учрежденій и ученыхъ обществъ; Отчеты попечительства о недостаточныхъ студентахъ и т. п.

Неофиціальный отдѣлъ. Въ немъ помѣщаются: рѣчи, читаемыя профессорами въ день годичнаго акта или какіе-либо другіе торжественные дни; ученыя статьи профессоровъ университета по всѣмъ четыремъ факультетамъ; вступительныя лекціи новыхъ преподавателей университета; ученыя статьи кандидатовъ и студентовъ университета, одобренныя факультетами; извѣстія о новыхъ сочиненіяхъ профессоровъ, объ ученыхъ диспутахъ, о состояніи другихъ университетовъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ и т. п.

Въ вышедшихъ уже книжкахъ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстій* за нынѣшній годъ, въ неофиціальномъ отдѣлѣ ихъ, были помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

а) *По отдѣлу наукъ историко-филологическихъ:* Переписка бар. Гр. А. Строганова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1817 — 1826 годахъ *Н. Д. Попова.* Историческія поминки по историкѣ. *С. М. Соловьева.* Письма русскаго путешественника (Карамзина). *Ѳ. И.*

Буслаева. Николай Михайловичъ Карамзинъ. *М. Н. Лонгинова.*— Польскій примасъ въ минуты безкоролевья. *А. С. Трачевскаго.*— Русское населеніе по восточному склону Карпатъ. *Н. А. Попова.* — Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго.*

b) *По отдѣлу наукъ юридическихъ*: Современное состояніе и значеніе политической экономіи. *С. С. Муравьева.*—Значеніе Карамзина въ исторіи русскаго законодательства. *Н. В. Калачова.* — Земскіе соборы на Руси. *И. Д. Бѣляева.* — Экономическія условія залога недвижимыхъ имуществъ въ частныя руки. *А. М. Хоткевича.*

c) *По отдѣлу наукъ физико-математическихъ*: Обзоръ теоріи электричества. *А. Г. Столѣтова.* — Геологическія экскурсіи по губерніямъ Московской и Ярославской. *Г. Е. Щуровскаго.*—Отчетъ о геологической экскурсіи въ Костромской губерніи. *П. Н. Пикторскаго.*—Въ чемъ духъ естествовѣдѣнія? *Н. А. Любимова.*— Первыя свѣдѣнія о флорѣ Костромской губерніи, со спискомъ растеній, собранныхъ въ оной. *А. Н. Островскаго.*

d) *По отдѣлу наукъ медицинскихъ*: Введеніе въ общую терапію. *Д. Д. Зайковскаго.* — О нѣкоторыхъ патологическихъ измѣненіяхъ въ животномъ организмѣ, наблюдаемыхъ при отравленіи ртутью и ея препаратами. *Д. Д. Зайковскаго.* — О русской анатомической терминологіи. *Д. Н. Никитина.*

Кромѣ того въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* помѣщенъ былъ полный Сборникъ свѣдѣній о *Всероссійской этнографической выставкѣ и славянскомъ съѣздѣ въ маѣ 1867 года*,— изданный также отдѣльною книгой, которая продается по 1 р. 25 к. за экземпляръ безъ пересылки.

Московскія Университетскія Извѣстія выходятъ въ половинѣ каждаго учебнаго мѣсяца, съ исключеніемъ лѣтняго вакаціоннаго времени, по *девяти книгъ* въ годъ. Цѣна въ Москвѣ *три* рубля, съ доставкою на домъ или пересылкой въ другіе города *четыре* рубля. Подписка принимается *исключительно* въ книжномъ магазинѣ И. Гр. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго). Предъ подписавшимися въ другихъ мѣстахъ хотя бы въ Газетныхъ Экспедиціяхъ, редакція не беретъ на себя отвѣтственности за недосланныя книжки. *Извѣстія* издаются подъ редакціей доцента Нила Александровича Попова. Редакціи газетъ и журналовъ, желающія получать *Московскія Университетскія Извѣстія* въ обмѣнъ на свои изданія, приглашаются высылать послѣднія на имя редактора *Извѣстій*, по слѣдующему адресу: *У Большаго Каменнаго моста, въ домѣ Грузинской царевны.*

II.

ВЫШЛА НОВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КНИГА:

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года.

Теоретическое и практическое руководство, составленное *А. Квачевскимъ.*

Часть II-я. *О дознаніи* и *розыскѣ* (съ образцами и формами производства): продается въ С.-Петербургѣ въ типографіи Сущинскаго въ Коломнѣ, по Могилевской улицѣ, домъ № 7, а также въ магазинѣ Анисимова и другихъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ въ магазинѣ Анисимова на Никольской. Цѣна 2 руб. При покупкѣ у Сущинскаго 10 экземпляровъ и болѣе дѣлается уступка. Тамъ же продается и первая часть руководства: *Объ уголовномъ преслѣдованіи и объ искѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія*; цѣна 1 руб. 85 к.

